

В
902.5

Е.А. ЕНШ

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЛАТВИИ

Albus de
causas statuum
e labitur aut obl
im facimus q ad
etur pret nos lib
huana q sedm mo
n? benefactor
im sua largitus
autem presentem
pontificatus

Solids in Perspective

ТЪШАТ
ТЪО. ПР
ЦЪ. ЯК
А. ТЪШ
ОКОДНА
УПННЛА
ОБЪ. Я
КЪІМЪ
ДОРОЖ
А. БОЯТ
ЖНУНО
КТОСНІ
ЛН. ТЪІ
РА. АПСА

В
902.5

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ГЕОРГИЙ АРНОЛЬДОВИЧ ЕНШ

ИЗ ИСТОРИИ
АРХИВНОГО ДЕЛА
В ЛАТВИИ

*Научный редактор доктор исторических наук
Г. А. Некрасов*

РИГА «АВОТС» 1981

902.9
79.3
E646

Vija Lāča Latv. PSR
VALSTS BIBLIOTĒKA

81- 42.316

starp 144. un 161.
lpp.
kārtotāji
minētas
lpp.

Цель и главная задача настоящей работы — исследовать и осветить историю и состав Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР, показать сложный путь комплектования и формирования его, т. е. проследить историю отдельных архивов и важнейших комплексов фондов и коллекций документальных материалов, которые вошли в состав ЦГИА, а также тех фондов, которые остались вне архива. Автор верно раскрывает значение архивов Латвии для научных исследований, для практических нужд хозяйства и государственного управления.

Рецензент кандидат исторических наук В. В. Павулан

ИБ № 175

Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР
Г. А. Енш.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЛАТВИИ

Обложка В. Крепица. Редактор Т. Герасимова. Художественный редактор И. Крепиц. Технический редактор К. Козаченко. Корректор Н. Елисева.

Сдано в набор 03.09.80. Подписано в печать 21.07.81. ЯТ 00242. Формат 60×84/16. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 12,32 усл. печ. л. 12,62 усл. кр. отт. 14,45 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 101071. Цена 95 коп. Заказное. Издательство «Авотс», 226047 Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. № 498—21/800. Отпечатано в Рижской Образцовой типографии Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 226004 Рига, Виенибас гатве, 11.

Е 10602—498
М 803(11)—81 81.4403030000

© Главное архивное управление при
Совете Министров Латвийской ССР

Предисловие

Советский Союз занимает одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию архивных материалов. Великая многовековая история нашей страны, ее богатая многонациональная культура, история развития всех отраслей народного хозяйства отражены в документальных материалах как центральных архивохранилищ, так и архивов национальных республик.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство придают большое значение вопросам сохранности документальных материалов, сосредоточенных в архивах СССР, их изучения и использования в научных, политических и народнохозяйственных целях.

Центральному государственному историческому архиву Латвийской ССР принадлежит одно из видных мест среди советских архивов. Здесь хранятся многочисленные документальные материалы с раннего средневековья и до 1944 г. В настоящее время ЦГИА Латвийской ССР приобрел широкое значение, его фонды служат для познания истории и культуры не только народов Прибалтики, но также русского, белорусского и других народов СССР. Следует подчеркнуть международное значение ЦГИА Советской Латвии для истории не только стран балтийского региона (Польши, Швеции, Дании, Финляндии), но и для государств Западной Европы (Германии, Англии, Голландии и др.), особенно в изучении европейской торговли и балтийского вопроса.

Предлагаемый читателю труд принадлежит перу старейшего историка-архивиста Латвийской ССР Георгия Арнольдовича Енша. Уже в ранней молодости он проявил склонности и любовь к научно-исследовательской работе. После окончания экономического факультета Гамбургского университета и защиты докторской диссертации на тему «Торговля г. Риги в XVII веке»

Г. А. Енш становится сотрудником Латвийского государственного архива. С этих пор он связал свою судьбу с изучением и исследованием сокровищ латвийских архивов.

С установлением Советской власти в Латвии в 1940 г. Г. А. Енш в качестве старшего научного сотрудника активно участвовал в перестройке латвийских архивов на основе советской системы централизации, комплектования, научного и практического использования документальных материалов.

Новый научный труд Г. А. Енша «Из истории архивного дела в Латвии» является известным итогом многолетних изысканий ученого в области изучения и исследования архивного дела и влившихся в ЦГИА латвийских архивов¹. Его перу принадлежит свыше 80 научных трудов, среди них и обзоры источников по периодам польского и шведского господства в Лифляндии, в которых он выявил и дал научную характеристику важных архивных материалов². Г. А. Енш правильно увязывает архивоведение с источниковедением и с другими вспомогательными историческими дисциплинами. Ставя перед собой задачу раскрытия богатого содержания латвийских архивов, Г. А. Енш публикует также и тематические обзоры архивных фондов³.

Основной задачей настоящей работы является исследование истории зарождения и развития архивов в Латвии с момента их возникновения и до начала 1940-х гг. Автор верно показывает значение архивов Латвии для научных исследований, для практических нужд хозяйства и государственного управления.

Это — обобщающий синтетический труд. Автор избрал верный путь к написанию истории архивов Латвии в связи с историей ее учреждений — фондообразователей. Г. А. Енш исследует историю архивных фондов, их местонахождение и перемещение, а также нередко отмечает местонахождение недостающих фондов и случаи их уничтожения.

Книга Г. А. Енша, отличающаяся тщательностью и точностью изложения, хорошим литературным языком, по своему содержанию и структуре многопланова и оригинальна. Автор ее выступает не только как историк архивного дела, но и как исследователь-источниковед. В книге много тонких источниковедческих наблюдений и разнообразных справочных сведений. Следовательно, работа не только ценное пособие для архивистов, но и важный исторический труд.

Г. А. Енш подробно описывает основные этапы архивного строительства в Латвии, выделяя своеобразные черты и особенности каждой исторической эпохи. Хронологические рамки исследования — от истоков зарождения архивов на территории Лат-

вии (XIII в.) и до восстановления советской архивной системы (1940—1941 гг.).

Новый период строительства архивного дела и научной деятельности архивов Латвийской ССР, начавшийся после окончания Великой Отечественной войны, заслуживает особого, специального и обстоятельного исследования и поэтому в данной книге Г. А. Енша не рассматривается; подробное исследование этого периода предусматривается в настоящее время Архивным управлением при Совете Министров Латвийской ССР.

Несмотря на то, что автором проведена тщательная исследовательская работа над большим количеством исторических источников, не все вопросы истории архивов Латвии полностью освещены, многое еще требует своего раскрытия.

Значение книги прежде всего определяется тем, что она доказывает, что в условиях буржуазной Латвии архивы недооценивались. В этот период осуществлялось преимущественно складирование и депонирование архивных материалов, свертывалась научная работа из-за отсутствия необходимых условий для использования документов, ослаблялся интерес к фундаментальным исследованиям, господствовал частный интерес к вопросам генеалогии.

Другим существенным итогом исследования Г. А. Енша явилось убедительное раскрытие прогрессивности и преимущества передовой, принципиально новой системы архивного дела, рожденной социалистической революцией и гением В. И. Ленина. Автор подчеркивает роль ленинского декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» и конкретно показывает как на его основе перестраивалась работа латвийских архивов, выявлялись и централизовывались большие документальные материалы центральных и местных учреждений и организаций с целью их всемерного использования в интересах народа. Планомерную перестройку и централизацию архивного дела в Латвии на основе революционного ленинского декрета удалось последовательно осуществить только с восстановлением Советской власти.

Раскрывая историю формирования архивов Латвии, Г. А. Енш показывает процесс слияния ряда важных ведомственных архивов старых учреждений. Автор характеризует приемы и практику систематизации архивных фондов, отмечая, какие фонды и когда именно подвергались разбору и классификации в хронологическом или тематическом порядке, а также особенности описания документов (в форме реестров, описей и т. д.). Одним из наиболее ярких примеров концентрации материалов в архивные фонды является история формирования ЦГИА Латвийской ССР.

Г. А. Енш подводит итоги научной деятельности латвийских архивов в прошлом. Он справедливо утверждает, что содержание и состав этих архивов недостаточно раскрыты. Их богатейшие фонды лишь в незначительной степени нашли отражение в старых изданиях и публикациях.

Исследование во многом разоблачает прибалтийско-немецкую и латышско-буржуазную историографию и источниковедение; автор правильно оценивает отношение этих историков к хранению и использованию архивов Латвии. Не отрицая ряда объективных заслуг немецко-прибалтийской и латышско-буржуазной исторической науки в отношении охраны и публикаций отдельных материалов, Г. А. Енш вскрывает классовые позиции этой науки, подчеркивая ревнивое пропагандирование прибалтийскими немцами документации о «правах и привилегиях» их предков на земли Прибалтики, а также национализм латышской буржуазии. Следовательно, пробелы и «белые пятна» в исследованиях и публикациях источников объяснялись социально-классовыми позициями дворянских и буржуазных историков-архивистов и тенденциозностью отбора ими документов.

В работе содержатся ценные рекомендации и методические советы по популяризации и публикации документов, а также по дальнейшему подъему научной деятельности архивов Латвии. Перед советскими историками-архивистами стоят задачи подготовки справочников по фондам ЦГИА Латвийской ССР.

Основные направления деятельности архивов Латвийской ССР определяются важнейшими теоретическими и практическими задачами, вытекающими из решений партийных съездов КПСС и постановлений Советского правительства. Исследователям в этом деле предстоит еще большая работа.

В настоящее время в архивах Латвийской ССР сосредоточено более 8,5 млн. дел, около 3 тыс. единиц хранения кино- и более 100 тыс. фотодокументов. В госархивах продолжается работа по комплектованию и упорядочению документов (фондирование, учет, экспертиза ценности документов, усовершенствование описей). В 1978 г. издан краткий справочник по фондам ЦГАОР и его филиалов, завершена работа над первой частью справочника по фондам ЦГИА. Расширяются международные связи латвийских архивов с архивами социалистических (Польша, ГДР и др.) и капиталистических (США, Швеция, Англия, Дания и др.) стран.

Советские историки и работники архивов в Латвии провели значительную работу по совместному изданию документальных материалов⁴. Опубликованы материалы революционных листовок, архивные документы, отражающие творчество революцион-

ных масс, такие, как документальные публикации по истории революции 1905—1907 гг. в Латвии, Великой Октябрьской социалистической революции. Продолжена работа над видовыми публикациями документов⁵. Большое внимание архивистами уделяется подготовке сборников документов агитационно-пропагандистского назначения⁶. Эти публикации способствуют интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся масс⁷.

Книга Г. А. Енша призывает к дальнейшему комплексному серийному изданию документов. Встают неотложные задачи издания важнейших источников по истории жизни и борьбы народных масс, по аграрной, экономической, внутренней и внешнейторговой, политической и культурной истории XVI—XX вв., крестьянским движениям эпохи феодализма, по истории Северной войны, общественно-политическому строю средневековой Латвии, издания древнейших актовых материалов по истории народов Прибалтики.

*Г. А. Некрасов, ст. научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР,
доктор исторических наук*

Архивное дело в Латвии в период феодализма (XIII—XVIII вв.)

ПИСЬМЕННОСТЬ И ХРАНЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ

У всех народов хранение документов начинается со времени появления письменности¹. Вопрос о том, существовала ли у латышей и ливов своя письменность до появления немецких завоевателей в XII—XIII вв., до сих пор не выяснен². У древних латышей были чрезвычайно развиты символические орнаменты из сочетаний линий, точек, кругов и крестиков, которыми украшали одежду, орудия труда, оружие, посуду и другие предметы. При благоприятных обстоятельствах подобные орнаменты могли бы развиться в письменность в настоящем смысле этого слова, но это развитие было прервано вторжением немецких завоевателей.

Складывавшиеся феодальные отношения создавали необходимость в записях, письменных документах. Археологические раскопки и русские термины в латышском языке свидетельствуют, что в период политической зависимости от Киевской Руси во всей Восточной Прибалтике началось распространение христианства и русской письменности³. Но письменные источники того времени не сохранились: древние латыши не строили каменных построек для хранения архивов, и все записи, вероятно, были уничтожены пожарами или похищены во время частых войн.

За последующий период немецкой агрессии документов сохранилось сравнительно немного: за столетие (1210—1310 гг.) известно лишь около 700 ливонских правовых документов. Немецкие крестоносцы и рыцари, помимо прочего, предпочитали меч и кровь перу и пергамену. Косвенные источники XIII в. также весьма скудны: ведь приговоры волостных судов формировались устно, частноправовые сделки заключались или устно или при помощи символических действий⁴.

Такие важные для латышей документы, как мирные договоры куршей с немецкими агрессорами, сохранились лишь в Рижском городском архиве (подлинник на латинском языке 1230 г.)⁵ и в

Ватиканском архиве в Риме (от декабря 1230 и 1231 гг. в подтвердительных буллах папы)⁶. Стоит отметить, что мирный договор папского вице-легата Балдуина Альнского от 28 декабря 1230 г. с королем куршей Ламекином был меченосцами в 1232 г. силой отобран у латышей во время очередного набега на их земли⁷.

Развивающийся феодальный строй немецких завоевателей в Ливонии с его учреждениями и должностными лицами породил с XIII в. письменную документацию на латинском и немецком языках, непонятных и чуждых латышам.

С XIII в. Ливония охватывала всю территорию Латвии и Эстонии. Сохраняя феодальную раздробленность, немецкие захватчики создали шесть самостоятельных феодальных государственных образований. В XVI в. территория Ливонского ордена охватывала всего 67 тыс. кв. км латышских и эстонских земель, а кроме того в латышской части Ливонии были расположены земли Рижского архиепископства (18 тыс. кв. км) и Курляндского епископства (4500 кв. км), а также патримониальная область (марка) города Риги (около 750 кв. км).

Естественно, что в первые столетия у правителей феодальных княжеств, городов, монастырей и церквей еще не существовало управляемых архивов. Скорее всего это были склады — места хранения привилегий и приказов папской курии и германских императоров, торговых и мирных договоров с соседними княжествами и зарубежными городами.

Со временем делопроизводство расширялось и усложнялось. Взимание феодальной ренты, продажа излишков сельскохозяйственной продукции и т. д. требовали письменной отчетности. В связи с возникновением ливонских ландтагов и городских съездов увеличивалась переписка. У феодальных владельцев начали появляться канцелярии, во главе которых стояли канцлеры, синдики, нотариусы. Совместно с секретарями и писарями они выполняли всю сложную письменную работу, заменяя первых писарей из капланов (священников). Вместе с тем регистратура (текущее делопроизводство) отделялась от архива.

АРХИВ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА

Ливонский орден владел самой крупной в Восточной Прибалтике территорией, через которую проходили важнейшие морские, речные (Даугава, Лиелупе, Гауя) и сухопутные торговые пути. В XVI в. орденская территория была разделена на 40 замковых округов, которыми управ-

ляли 13 комтуров и 6 фогтов, сам орденский магистр (12 замковых округов) и ландмаршал (8). Комтурства и фогства, в свою очередь, подразделялись на доменные имения (амты), а последние — на погосты (вакки). Избираемый пожизненно орденский магистр (с резиденцией в Риге или в Цесисе, в конце XV и в XVI в. — в последнем) осуществлял верховную власть. Власть его была ограничена капитулом — собранием комтуров и фогтов. Заместителем магистра был ландмаршал — начальник военных сил ордена, состоявших к 1558 г. лишь из 120—150 так называемых братьев-рыцарей¹.

Вся организация Ливонского ордена была основана на замках, в каждом из которых конвент рыцарей возглавлялся комтуром или фогтом, который осуществлял военные, административно-хозяйственные и судебные функции в замковом округе. Конвент орденских братьев помогал комтуру в управлении областью. Отдельные братья занимали должности подчашьего, камерария, маршала, заведовали мельницами, рыбной ловлей и хлебными запасами. Расходы по содержанию орденских замков и рыцарей покрывались доменными имениями, которые группировались вокруг замков. В XV—XVI вв. домены управлялись орденскими чиновниками — «ландкнехтами», «ландшрейберами» (писарями), «кормейстерами», «шаферами» и др.² Феодальная рента в виде продуктового оброка и небольших денежных платежей, а с XVI в. — все возрастающей барщины³ являлась экономической основой ордена и формой эксплуатации латышского (равно как и эстонского) населения.

Реализация излишков сельскохозяйственной продукции орденских доменов на внутреннем и внешнем рынках имела большое значение для финансового хозяйства ордена. Торговые операции осуществляли орденские чиновники — кумпаны, ландкнехты, амтманы и др. — под руководством комтуров и фогтов. Торговля производилась как непосредственно с Западом, так и при посредничестве купцов Риги и Таллина⁴.

Вся внутренняя хозяйственная деятельность Ливонского ордена — управление доменами, сбор продуктовой и денежной ренты, организация барщины, а тем более широкая торговля — требовала соответствующей письменной документации. Уставом 1441 г. управителям доменов предписывалось вести строгий учет запасов продовольствия, замкового инвентаря, лошадей и скота, а также подавать сведения о занятых и пустующих землях и т. д.⁵ Сложные взаимоотношения между феодальными княжествами, сношение с Великим Новгородом, с Псковом и Полоцком, с московскими государями и литовскими великими князьями и, наконец, зависимость от папской курии, германского императора и

Тевтонского (Немецкого) ордена в Пруссии порождали многогранную переписку.

Писарскую работу в каждом замке издавна осуществлял капеллан — священник орденских братьев. С XV в., а особенно в XVI в. эти функции выполняли уже особые писари, секретари и начальники канцелярии орденского магистра. Среди них были известные летописцы, которые использовали доступную им по должности документацию для составления хроник⁶.

В XVI в. с разрастанием делопроизводства в канцелярии орденского магистра появляются орденские советники (Ordensrat), канцлеры, вице-канцлеры и юрисконсульты⁷. Одним из последних орденских советников был Филипп фон дер Брюгген, который оставил после себя богатое рукописное наследство, связанное с его должностью⁸. Эта верхушка орденской администрации получала богатое вознаграждение. Так, канцлер Христоф Беттихер, служивший в первой половине XVI в. в течение 18 лет при трех магистрах, получил в ленное владение имение, дома и сады в Риге и Цесисе, а кроме ежегодного жалованья в 200 марок — три ласта хлеба и ласт солода⁹.

Канцелярия магистра Ливонского ордена стала постоянным и важным учреждением по управлению страной, где велись канцелярские книги (регистратура 1524—1551 гг.). Пересылкой сообщений между замками и канцелярией магистра заведовали особые маршалы (Briefmarschall). Канцелярии комтуров также разрастались; в XIV в. в Кулдигском комтурстве была заведена особая книга документов (Kopialbuch, 1340 г.)¹⁰.

Но от богатой экономической и политической документации Ливонского ордена за его 325-летнюю деятельность сохранились лишь небольшие остатки, архив почти полностью погиб.

Во время торжественного акта подчинения Ливонского ордена Сигизмунду II Августу последний магистр ордена и первый герцог курляндский Готгард Кетлер передал 5 марта 1562 г. Николаю Радзивиллу Черному кроме орденского креста и большой печати, папские, императорские и все другие грамоты. Список переданных тогда ливонских грамот не сохранился. Поскольку эти грамоты не числились в инвентарных описях Польского государственного архива в Кракове в 1569—1572 гг. и позже, предполагается, что они остались у Николая Радзивилла и попали в Несвижский архив¹¹.

Готгард Кетлер перевез в 1561 г. остатки орденского архива из Цесисского замка в Елгаву. В 1621 г. шведы увезли архив из Елгавы в Стокгольм в качестве военного трофея. Во время пожара королевского замка в Стокгольме в 1697 г. большая часть орденского архива сгорела¹². Когда Северная война 1700—1721 гг.

приняла для шведов опасный оборот, шведский государственный архив был эвакуирован в 1713 г. из Стокгольма в Эребру. Во время эвакуации и реэвакуации в 1716 г. эти архивные материалы были сильно повреждены и отчасти потеряны¹³.

Остатки архива Ливонского ордена хранятся в Шведском государственном архиве в «Livonica samlingen», отсюда выделены лишь пергамены, которые составляют особую коллекцию. Опубликованная К. Ширреном в 1861—1868 гг. опись этого архива уже устарела. В 1940 г. Е. Дунсдорф в обзоре источников по истории Латвии в Шведском государственном архиве описывает и орденский архив¹⁴. По данным Е. Дунсдорфа, от архива Ливонского ордена в Стокгольме сохранились: черновики (отпуски) и копии писем магистров с XIV в. по 1561 г., среди них черновики отпусков за 1505—1561 гг., подлинные письма за 1540—1561 гг., регистратура, т. е. книги копий исходящих писем за 1524—1525, 1532—1535 и 1541—1551 гг., а также письма, адресованные орденскому магистру за 1506—1561 гг., дипломатическая переписка и церковные дела. Там же хранятся небольшое собрание документов кулдингского комтура 1540—1554 гг., группы документов кондотьера Георга Фаренсбаха и рода Тизенгаузенов, документальные материалы ливонских ландтагов и городов, финансовые и судебные дела 1547—1596 гг., списки военных ополчений, собрания копий документов XIII—XVI вв. и др.

Небольшое количество документальных материалов орденского архива сохранилось в Курляндском герцогском архиве (с 1356 г.)¹⁵, а в Курляндском земском архиве оказались фрагменты архива Кулдингского комтурства (Kopialbuch, 1340 г.¹⁶ и др.). В ЦГИА, кроме того, в коллекции грамот на пергамене и бумаге имеется до 258 единиц хранения орденского периода; в основном это грамоты на отдачу земель в ленное владение, выданные магистрами Ливонского ордена и рижскими архиепископами¹⁷.

АРХИВЫ РИЖСКОГО АРХИЕПИСКОПСТВА, КУРЛЯНДСКОГО ЕПИСКОПСТВА И ПИЛТЕНСКОГО ОКРУГА, МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ

Вторым крупным духовным княжеством в Латвии было Рижское архиепископство (до 1251 г. — епископство), которое просуществовало около 380 лет до окончательной секуляризации в 1566 г. В управлении архиепископством наряду с архиепископом принимали участие 12 высших священнослужителей, так называемый капитул соборных

каноников или «домский капитул». Их земельные владения подразделялись на «столовые имения» самого архиепископа и соборных каноников и на землевладения ленных вассалов.

Имения архиепископа были расположены в 16 замковых округах или амтах. Непосредственная администрация амтов была представлена амтманами, ландкнехтами, ландшрейберами и т. п. Эти должностные лица управляли хозяйством при замках, вели необходимую документацию, например, составляли ландбухи и ваккенбухи. Все столовые имения были разделены на два фогства — Турайдское и Кокнесское. К середине XVI в. фогту принадлежала не только высшая юрисдикция на вверенной ему территории, но и осуществление контроля над хозяйственной деятельностью администрации амтов.

С 1420 г. архиепископ не имел постоянной резиденции, а переезжал из Рауны в Лимбажи, а оттуда в Кокнесе, проживая в каждом месте известную часть года¹. Со смертью последнего архиепископа Вильгельма в 1563 г. все его землевладения перешли к Сигизмунду II Августу, а в декабре 1566 г. были секуляризованы и владения домского капитула².

Во главе домского капитула Рижского архиепископства стоял пробст (praepositus), а члены капитула занимали разные административные должности. Среди них были «camerarius» — кассир и бухгалтер, келарий — заведующий продовольствием каноников, «fabricator» — заведующий строительными работами и «scholasticus» — заведующий Домской школой, библиотекой и архивом. Канцеляриус («sacrista») вел переписку капитула и хранил документы в ризнице³.

Если в XIII и XIV вв. переписка архиепископа велась преимущественно членами домского капитула, то в XV в. эту работу начинают выполнять особые писари архиепископа. В XVI в. канцелярия рижского архиепископа расширилась, кроме писарей среди должностных лиц встречались канцлеры и вице-канцлеры, особые секретари архиепископа, велись реестры⁴. Даже в сравнительно небольшом Сааре-Ляэнеском (Эзель-Викском) епископстве в канцелярии епископа в XVI в. работали канцлер и до шести секретарей и писарей⁵. Иоганн Мейлоф, юрисконсульт орденских магистров (1471—1474 гг.), а затем канцлер и придворный юрист архиепископа Сильвестра (1475—1476 гг.), составил себе богатое рукописное собрание ливонских документов из архивов Риги, Цесиса и Кокнесе⁶. Секретарь последнего архиепископа Маркус Грейфенталь (1535—1539 гг.) также составил сборник ливонских документов, извлеченных из архива архиепископства⁷.

В результате ведения делопроизводства в двух канцеляриях были созданы два архива — архив рижских архиепископов и ар-

хив рижского домского капитула, хотя очевидно, что в первые столетия не было резкого размежевания между ними. Борьба с орденом заставила рижский домский капитул и архиепископа после 1438 г. отослать около 233 грамот за 1209—1438 годы в Любек, для хранения в любекском домском капитуле⁸. В Любеке эти документы хранились более 200 лет, до того времени, когда большую их часть в 1563 г. присвоил Христофор Мекленбургский, коадьютор рижского архиепископа. В 1567 или 1569 г. эти и другие ливонские документы коадьютор вынужден был выдать Сигизмунду II Августу — это было одним из условий освобождения его из польского плена. С того времени упомянутые документы находились в Польском государственном архиве (скарбе) в Краковском замке, где на них в 1569, 1613 и 1682 гг. были составлены описи. Когда в 1765 г. государственный архив Речи Посполитой был переведен из Кракова в Варшаву, 31 документ рижского домского капитула остался в краковской библиотеке магнатов Чарторыйских.

После взятия Варшавы Суворовым в 1794 г. ливонские документы в составе Польского государственного архива были перевезены в Петербург, где в 1796 г. весь архив был разделен между Коллегией иностранных дел и Сенатом. В 1803 г. документальные материалы Польской (Коронной) и Литовской метрик были объединены в один архив Литовской метрики. В 1809 г. документация деловых, ненужная для текущих справок и переписки, в том числе также 314 ливонских документов, была передана из Сената в петербургскую Публичную библиотеку. Польские документы из Коллегии иностранных дел в 1828 г. перешли в Московский главный архив Министерства иностранных дел. В 1887 г. Литовская метрика совместно со старыми делами Сенатского архива была передана в Московский архив Министерства юстиции⁹.

На основании мирного договора от 1920 г. Советским Союзом в 1925 г. были выданы Польше 123 ливонских документа. По отчету Главного архива древних актов в Варшаве от 1932 г. была получена «Collectio autographorum № 207» с 80 ливонскими грамотами за 1195—1585 гг.¹⁰ Летом 1941 г. немецко-фашистские оккупанты изъяли из Главного архива древних актов в Варшаве 168 ливонских документов 1215—1436 гг. для передачи в Государственный архив в Берлине¹¹. Архивные документы Рижского архиепископства погибли во время междоусобных войн в XV—XVI вв., а остатки их были вывезены за рубеж. Так, в 1479 г. орденский магистр фон дер Борх, взяв Кокнесский замок, велел сжечь все привилегии, документы и письма, а также библиотеку, где хранились ливонские летописи¹². Ценные регистратуры канцелярии архиепископства были сожжены в Кокнесе в 1556 г. во

время так называемой коадьюторской войны¹³. Отняв у рижского домского капитула в 1561 г. замок Кримулду, коадьютор Христофор Мекленбургский захватил также архивные документы. По предположению А. Бергенгрюна, эта документация была перевезена в Германию слугами Христофора, когда он находился в польском плену. Среди наследства, перевезенного в Германию после смерти последнего рижского архиепископа Вильгельма в 1563 г., также находились архивные документы. По словам польского историка М. Стрыйковского (1582 г.), администратору Ливонии Яну Ходкевичу принадлежали рукописи по прусской и ливонской истории, которые он главным образом захватил в архиепископском замке в Рауне¹⁴.

Курляндское епископство, имевшее сравнительно небольшую территорию (около 4500 кв. км), состояло из трех разрозненных частей (в позднейшем — Вентспилский, Айзпутский и Талсинский уезды). Во главе светской администрации и суда стоял назначенный епископом фогт (Stiftsvogt). Земельные владения епископа — домены были расположены в восьми замковых округах (амтах), где управление находилось в руках земских писарей (Landschreiber). В 1559 г. права на Курляндское епископство приобрел датский король Фридрих II для своего младшего брата Магнуса. Последний поручил управление территорией соборному пробсту У. Беру, пока в 1578 г. окончательно не осел в Пилтене, где и умер в 1583 г. В 1579 г. Магнус со своей территорией стал в ленную зависимость от Стефана Батория¹⁵.

Судя по инвентарю Пилтенского замка от 1585 г., там ранее находились архив и библиотека епископства. Архив Курляндского епископства почти весь погиб, фрагменты его распылены по архивам Дании и Германии. Часть документов XV в. попала в Копенгаген, где они были оставлены курляндским епископом Иоганном Мюнхгаузеном при проезде через Данию в Германию¹⁶. Другая часть документов епископства в 1584 г. находилась у вдовы Мюнхгаузена в западногерманском городе Фердене.

Иоганн Бер, управлявший епископством после смерти Магнуса, велел составить опись на оставшиеся в Пилтене документы и сборник копий за 1422—1549 гг. Этот сборник-копиарий хранился в Датском государственном архиве, менее полный экземпляр копиария остался в мызном архиве курземского имения Попе. В Прусском государственном архиве в Кенигсберге от документов управления епископскими доменами сохранилась лишь копия ваккенбуха 1583 г.¹⁷

Документация архива курляндского домского капитула в Айзпуде сохранилась лишь за время начиная с 1556 г. и была присоединена к административному архиву Пилтенского округа.

Пилтенский архив за 1556—1817 гг. хранился в доме курляндского дворянства в Елгаве. Первая опись на него была составлена в 1825 г. (*Consignation des Piltenschen Archivs, Anno 1825*), а затем архив был систематизирован и вновь описан историком Т. Шиманом в 1873—1875 гг. В нем богато представлены законодательные материалы, определяющие юридическое положение этой небольшой области (*Provisio Principis 1561, Cronenbuger Tractat 1585, Leges et statuta districtus Piltensis 1611, Formula Regiminis Piltensis 1617 etc.*), протоколы пилтенских ландтагов (1652—1783 гг.), документация о присоединении Пилтенского округа к герцогству, о притязаниях «ливонских» епископов Поплавского и Шембека на Пилтене и т. д. Уголовное дело против помещика Рутенберга описывает его чрезмерно жестокое обращение с крепостными в имении Пуни. Многочисленны также рескрипты польских королей по судебным делам (1614—1782 гг.)¹⁸.

Пилтенский архив дворянством был передан в 1903 г. в новоучрежденный Курляндский земский архив и в его составе в 1919 г. вывезен в Германию¹⁹. Пилтенские дела (1570—1612 гг.) имелись в Курляндском герцогском архиве, часть документации попала в мызные архивы (Попе, Эдоле). Самая ценная часть пилтенского архива погибла в Замке Эдоле во время революции 1905 г.²⁰

В средневековой Ливонии при церквах и монастырях рано образовались собрания грамот, в состав которых входили жалованные грамоты на землевладения, дарения, вклады имущества и денежных средств, долговые записи и др.

В начале XVI в. на латышской части территории Ливонского ордена было до 43, а в епископских землях — 35 церквей, кроме 5 церквей города Риги²¹. Кроме того, действовало 13 монастырей монашеских орденов: цистерцианские монастыри находились в Даугавгриве (1205—1305 гг.) и в Риге (женский Марии-Магдалины, 1255—1582 гг.); францисканские — в Риге (св. Екатерины, 1233—1524 гг.); общегития при церквах св. Духа и Петра, до 1524 г., в Лимбажи (1466—1558 гг.), Кокнесе (1484—1558 гг.) и Айзпуте (около 1500 г.). Бегини имели в Риге два женских конвента (1297, 1425—1524 гг.), а доминиканцы — монастырь св. Иоганна (1234—1524 гг.). В Лиелварде был монастырь св. Антония (до 1514 г.), а в Лимбажи — женский св. Анны (1477—1524 гг.)²². Сведения о монастырях Латгалии известны лишь за XVII и XVIII вв., когда существовали монастыри иезуитов в Даугавпилсе (1630—1820 гг.), доминиканские — в Пасиене, Аглоне и Рушанах, бернардинов — в Вилянах, лазаристов и сестер милосердия — в Краславе²³.

Вначале католические церкви в Ливонии содержались главным образом за счет оброка в виде продуктовой ренты.

С переходом римской курии на денежное хозяйство на этот путь встали и церкви в отдельных странах ввиду своих тесных финансовых связей с курией. Доходы церквей в Ливонии в форме налогов и дарений существенно превышали их расходы, а излишние деньги домские капитулы, монастыри и сельские церкви давали займы феодалам. Кредиты и проценты обеспечивались недвижимым имуществом должников. В XVI в. эта «духовная рента» ипотечного характера имела большое значение в финансовом хозяйстве церквей. Оплата низших церковнослужителей и содержание церковных зданий всецело были основаны на этой ренте. Под видом «покупки ренты» обходилось церковное запрещение взимания процентов. Церковные капиталы ускорили развитие барщинного хозяйства и мобилизацию недвижимостей, в XVI в. количество сделок на покупку и заклад имений увеличивалось²⁴.

Управление недвижимостями и финансовые сделки привели к расширению текущего делопроизводства духовных организаций; соответственно росли и их архивы. Однако от этих архивов ничего не сохранилось, за исключением инвентарной и счетной книги рижской церкви св. Якова (1430—1484 гг.)²⁵, нескольких пергаменных листов с копиями документов рижского доминиканского монастыря (1234—1304 гг.)²⁶ и книги копий документов рижского цистерцианского женского монастыря (с 1255 г.), составленная в 1585 г. иезуитами²⁷.

Вновь образованному в 1582 г. католическому епископству с центром в Цесисе король Стефан Баторий отдал шесть замковых округов (Валмиера, Триката, Буртниеки, Бренгули, Ропажы и Отепя). Документация об административно-хозяйственной деятельности цесисских епископов и их домского капитула в этих крупных землевладениях не сохранилась.

Рижская церковь св. Якова с семью домами, а также цистерцианский монастырь со всеми доходами в 1582 г. были переданы иезуитам. В 1538 г. иезуиты в Риге основали свою коллегия, которая действовала до 1621 г., постоянная иезуитская резиденция в Цесисе — с 1614 г., а гимназия — с 1619 г.; в 1625 г. шведы упразднили резиденцию. Документация иезуитов заслуживает внимания потому, что они, стараясь привлечь на свою сторону латышей и рекатолизировать их, до известной степени содействовали их просвещению. Но архивы рижской и цесисской иезуитских коллегий не сохранились, отдельные архивные документы хранятся главным образом вне Латвии — в иезуитском архиве в Риме, в Бельгийском государственном архиве в Брюсселе и в Шведском государственном архиве в Стокгольме (книга доходов и расходов рижской иезуитской коллегии за 1592—1621 гг.). В архиве Общества истории и древностей хранилась лишь книжка

квитанций иезуитских патеров о получении годовых платежей да приходо-расходная книга владений рижских иезуитов за 1581 г.²⁸

Изгнанные в 1621 г. из Риги иезуиты направились в полоцкую иезуитскую коллегия, забрав с собой часть своего архива. При общем выселении иезуитов из России в 1820 г. их архив из Полоцка был перевезен в Петербург и сдан на хранение в департамент иноверных исповеданий Министерства внутренних дел. Среди вывезенных из Полоцка документов были обнаружены старые пергамены рижских иезуитов, которые отчасти были скопированы Р. Минцловым в 1857—1860 гг. Во время пожара здания Министерства внутренних дел в 1863 г. все эти документы сгорели. Случайно сохранился лишь один том, попавший в частные руки, а затем приобретенный Рижской городской библиотекой. В копиях 1585 г. здесь собраны документы рижского женского монастыря Марии-Магдалины (с середины XIII в.), богатое наследство которого перешло к рижской коллегии иезуитов²⁹.

АРХИВЫ РИГИ И ДРУГИХ ГОРОДОВ ЛИФЛЯНДИИ И КУРЛЯНДИИ

На месте древнего поселения вблизи устья Даугавы (Зап. Двины) ливонский епископ построил в 1201 году торговую базу Ригу, ставшую его резиденцией. Немецкие завоеватели создали базу для насильственного подчинения прибалтийских народностей — ливов, латышей и эстов, а также для захвата выгодного торгового пути в русские земли — Полоцк, Витебск, Смоленск. Даугава была известна как часть великого водного пути «из варяг в греки», а политические и экономические связи местного населения с норманнами и русскими княжествами существовали задолго до вторжения немецких купцов и рыцарей в Прибалтику в конце XII в.

Горожане Риги участвовали наравне с епископом (с 1251 г. — архиепископом) и Орденом меченосцев (с 1236 г. — Ливонский орден) в захвате территорий Ливонии и их разделе. Поэтому уже довольно рано образовалась особая городская марка, или патриомониальный округ, со сравнительно большой площадью — около 750 кв. км¹.

Эти два момента — концентрация торговли с русскими землями в Риге и необходимость управления обширными недвижимостями городского патриомониального округа на многие века определили политику города. Недаром к древнейшей сохранившейся документации рижского городского архива и находящейся

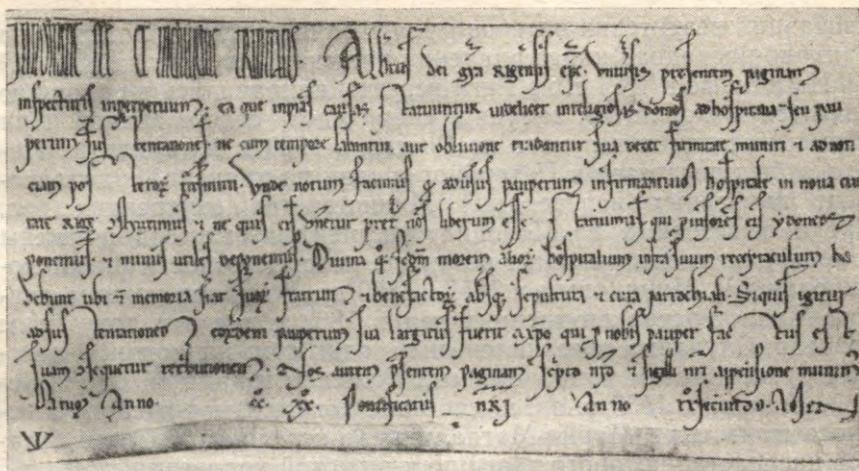

Рис. 1. Грамота епископа Альберта об основании госпиталя в Риге в 1220 году (самый древний документ ЦГИА)

сейчас в Риге (в ЦГИА) принадлежат торговые договоры со Смоленском, Полоцком и Витебском XIII—XV вв. (начиная с 1229 г.), а также книги доходов с городских недвижимостей (*libri reddituum* с 1334 г.) и книги Рижского ландфогства с 1382 г. — особого управления городским патримониальным округом.

В 1201—1561 гг. Рига была подчинена двум феодальным сеньорам — рижскому архиепископу и Ливонскому ордену. После непродолжительного периода самостоятельности (1561—1581 гг.) город подпал под власть Польско-Литовского государства (1581—1621 гг.).

В начале XIII в. епископ Альберт предоставил Риге городское право Висби (на острове Готланд). Примкнув в 1282 г. к союзу северогерманских городов — Ганзе, Рига переняла гамбургское городское право, которое неоднократно перерабатывалось и дополнялось в XIV в. и было в употреблении до 1673 г.

После восстания рижан в 1221 г. против их сюзерена — епископа Альберта власть в Риге перешла в руки общего собрания горожан, которое выбирало городской совет — магистрат, впервые упоминаемый в 1226 г. Вначале магистрат состоял из 12 членов, во второй половине XIII в. — из 16, а в XVI в. число их увеличилось до 20 (в том числе 16 ратманов и 4 бургомистра). В таком виде магистрат сохраняется до 1889 г. Со второй половины XIII в. магистрат присвоил себе право пополнения своего

И НА ГЕРДЕНА КНЯЗЯ КЪ ВЪСЕМЬ СТОКНАИ ТЪ
СУМГРАДЪ ТИ СЛЮШТО И НЕ ЖИВУТЪ КЪ ТМЪ
ИСТО НА ПОСЛЕ ПРИИДУТЬ ТЪ КЛАКЪ ДОМО БУДУ
КАКЪ МНРЪ СМЪ СТВОРИ ПРОСЛАЖИ МЪ СТРА И
СРЪТЪ МАНДРИЖА КЪ МН ИСПОЛОВАИ НЕИ ДЪ К
ЛЪ И ТЪ КО СЪ КО ГРА МЪ О ПИСА И ТЪ КО ПЪ И Д
ДО ВСЕЮ ЗЕМЛЕЮ ОСТУПИ ШГО ВЪ СТЬ А ВЪ ТЪ ГРА ЛЬ СКА
ВЪ ЗЕМЛА КЪ КЪ НЕИ ДЪ ТУ ПА ТИ СЪ М А ТУ Ю ЗЕМЛЕЮ ШГО
КНА ПЪ ОСТА И ТИ ДЪ МЪ СТЕР И О СВОЮ СРЪ СЪ Ю БЪ СКА
СЪ ГРА ДЪ С МЪ ПЕЧА ТЬ Ю КЪ КО БО ЛЕ Ч О Г О П А ТУ ЗЕМЛЕЮ НЕ
ТЪ КО СЪ ВЪ Д ТИ ВЕРХУ Т О Г О П Р О Т У П А К Е С Т Ъ Ш Т О С А В Р О
З Т О Р Ъ С Т В О Р И Л О К А ДЪ И МЪ О ВЪ О А Ю С Т О Р О М У О С Т У
П И Т И Ш Т О Р С А К А З Е М Л А Л О К Е Т Ъ П О Л О У К А О ВЪ С Т Е
К А И МЪ С Т Е Р Ю П Р А В О Г О О С Т У П И С И С Ю П Р А К Д О И В Е Р ХУ
Т О Г О Н Е М С Ъ К О М У Г О Т У К П О Л О У С К У Ю В Е Л И Т Е Х А Н Т О Р Ю
В А П У П И Т И П Р О ВЪ Т А К О П О Л О У А И О И Н Д И Ф Л А И И Н У В
А М О Г О С Г И Т И Е Р И Г У И Д Г О С Т КЪ В Е Р Е Г Ъ А Г Д Е Б У Д Е К О
К М У В И Н О ВЪ Д Т О М Г О Р О Д Е П Р А К Т И Г Д Е Т О Т Ъ И КЪ Ж И
В Е Т Ъ И Н Д Е С У С Л И Н Е Н С К А Т И Ж К О Т О Р Е Н О Л О С Т И В А Й
КЪ И З В И Н И Т Ъ Т У Е М У П Р А В Д А Д А И Л И В И Н А С Г О Д Е С Т А Р
М У М И Р У С Т О А Т И П А Г Е Р Д Е Н А К Н Я Т Ъ К Т О П О Н Е
Б У Д Е Ш Т О П О К Л Е Н И Т А РЪ З Н Г И Ш Т О С Л О К Е Т С Л О Т Ъ
Г О Л Ъ С К А З Е М Л А О Т О Г О С А О С Т У П И Л С Я В С Е Ю П Р А В Д О Ю
М Е С Т Е Р Ъ Т Ж Е Б Р А Д Е Г О О С Т У П И Л И Ш Т О С Л О В Е П О Л О У
С К А З Е М Л А С О В С Ю П Р А К Д О Ю С И О Г Р А Д Ъ П О Г Р А Д И
П С А И В Р И З Е К О Л М БЪ БЫ Л Я Л Ъ Н Е И ХЪ Л Ъ И Д А Е
П О Р О Ж Е Н Б Ж И Д И И З А Т Р А Д И И

Рис. 2. Договорная грамота князя литовского Гердена с магистром Ливонского ордена и городами Ригой, Полоцком и Витебском в 1263 году

состава путем кооптации, а должность ратманов стала пожизненной. Члены магистрата, принадлежащие к богатым семьям купцов, ростовщиков и землевладельцев, образовывали узкий круг городского патрициата. С XIV в. рижский магистрат стал законодательным органом, высшим административно-судебным, полицейским учреждением. Он облагал граждан налогами, руководил военным делом, отправлял послов, а до 1581 г. заключал также от своего имени политические и торговые договоры с иностранными государями и городами².

Магистрату принадлежала вся власть в городе, и это свое олигархическое положение с некоторыми ограничениями он сумел в основном сохранить вплоть до его упразднения в 1889 г. Укреплению позиций магистрата также способствовало подтверждение городских привилегий и прав как духовными сеньорами (рижские архиепископы, Ливонский орден), так и впоследствии польскими и шведскими королями и русскими императорами.

В обстановке классовых и национальных противоречий сосредоточенный в магистрате патрициат должен был бороться за право бесконтрольного управления городом со средней социальной прослойкой горожан — купцами и ремесленниками. С середины XIV в. рижские купцы объединялись в Большой гильдии, а цеховые мастера — в Малой. Начиная с XVI в. эти организации добивались участия в управлении богатыми доходами города.

В период самостоятельности города (1561—1581 гг.) рижский магистрат вынужден был пойти на некоторые уступки требованиям бюргерской оппозиции, но с подчинением Риги Речи Посполитой нашел опору в польском правительстве. В результате так называемых календарных волнений политические и административно-хозяйственные права магистрата были в 1585 г. ограничены в пользу представителей Большой и Малой гильдий. Хотя польские власти в 1589 г. подавили оппозицию и «Северинским договором» власть магистрата была восстановлена, но недовольство горожан не улеглось. Небольшие уступки со стороны магистрата в 1604 г. не удовлетворили бюргеров, и лишь с учреждением шведским королем Карлом XI в 1675 г. рижской городской кассовой коллегии представители обеих гильдий получили решающее влияние на управление городскими доходами и расходами. С конца XVII в. и особенно в XVIII в. обе гильдии совместно с магистратом стремились ограничить права латышских горожан Риги³.

Многообразные функции рижского магистрата по управлению городом вызвали необходимость фиксировать результаты этой деятельности в письменном виде. Вначале составлением всех бу-

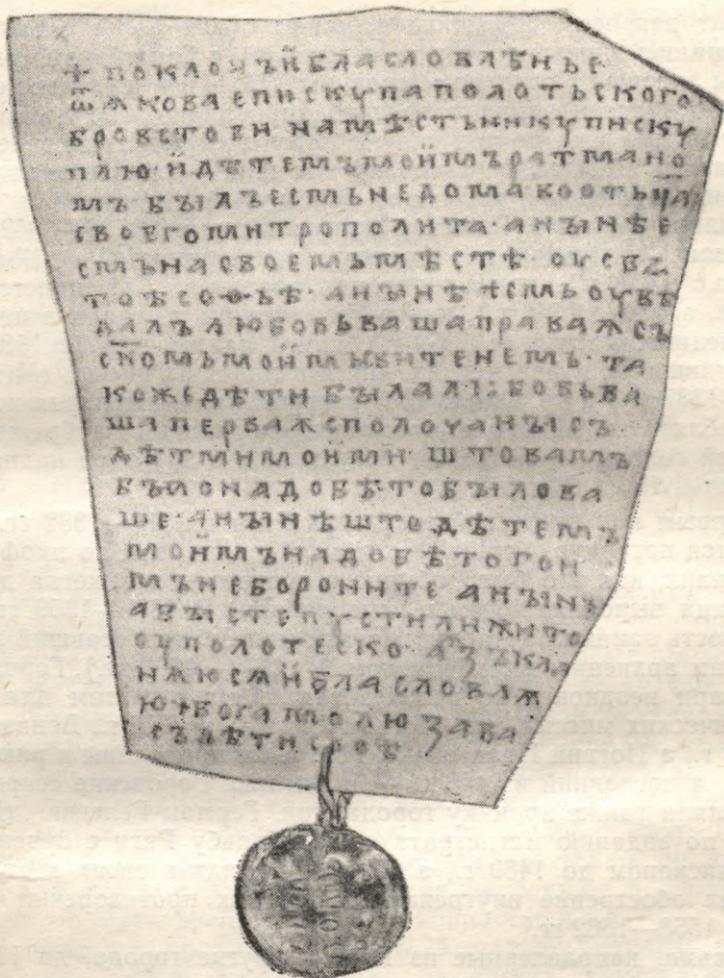

Рис. 3. Грамота полоцкого епископа Якова рижскому епископскому наместнику и городу Риге о мирных отношениях и торговле хлебом в 1309 году

маг занимался лишь один городской писарь, так называемый городской нотариус.

Когда после затяжной междоусобной борьбы Риги с Ливонским орденом (1297—1330 гг.) около середины XIV в. наступил период экономического расцвета города, его административный

аппарат разросся, городские финансы стали более сложными, расширились дипломатические сношения (с Ганзейским союзом, съезды ливонских городов с середины XIV в. и т. д.). В это время сложилась организация городской канцелярии, где делопроизводство было уже не под силу одному писарю. Появление разнообразных деловых и канцелярских книг — признак наличия сформировавшейся и постоянно действующей канцелярии. Продолжались записи в Рижской долговой книге (1286—1352 гг.); заводились книга доходов городских недвижимостей (*libri reddituum* с 1334 г.), книга городских расходов (*Kämmereibuch* 1315 г., затем с 1348 г.), книга регистрации передачи в наследство недвижимостей (с 1350 г.), книга ландфогтов (с 1382 г.), сохранившаяся в фрагментах, книга исходящих писем (*Missiva*, 1347—1387 гг.) и др. Около 1347 г. городская канцелярия начала употреблять также новую, позолоченную печать с изображением львиной головы — символом могущества, с круговой надписью: *Sigilum civitatis Rigensi*⁴.

Первым как городской секретарь Риги в 1314—1332 гг. упоминается нотариус (*notarius civitatis*) Андреас, по профессии священник, как это было обычно в средневековье, когда духовные лица выполняли письменные работы. В 1351—1359 гг. эту должность занимал нотариус Иоганн фон Зинтен, ставший затем рижским архиепископом Иоанном IV (1374—1393 гг.). Городские секретари неоднократно использовались магистратом для дипломатических миссий, так, Иоганн Лупи — в 1372 г., Вендаль — в 1385 г., а Иоганн Пранге — в 1488 г. были посланы в римскую курию, а последний в 1498 г. — в Англию. Городские секретари составляли также хронику города, так, Герман Гелевег (*Helewegh*) по заданию магистрата описал борьбу Риги с орденом и архиепископом до 1489 г., а Иоганн Шмидт в своих мемуарах отразил обострение внутренних классовых противоречий в городе в 1558—1562 гг.⁵

Письма, направленные из Риги в другие города, до 1369 г. писались исключительно по-латыни — на церковном языке католической церкви. Затем с 1410 г. переписка велась на средне-нижненемецком наречии, на которое в это время переходят и городские книги (кемерейные — с 1405 г., ландфогтейские — с 1408 г., наследственные — с 1417 г. и т. д.). В конце XVI в. в канцелярии рижского магистрата средне-нижненемецкое наречие вытесняется верхненемецким⁶. В связи с оживлением сношений с Польско-Литовским государством магистрат с 1559 г. принимает на службу второго секретаря для ведения переписки по-латыни. Контакты с низшими польскими чиновниками, равно как и тесные торговые связи с белорусско-литовскими областями,

вызвали необходимость назначения особых писарей для польских и русских дел⁷. Лишь с 40-х гг. XVI в. римские цифры в городских книгах стали вытесняться арабскими.

С 1561 г. в городских документах, кроме секретарей, фигурируют шесть, а иногда и больше писарей. С тех пор писарей уже не выписывали из-за границы, в большинстве своем это были члены семей рижских ратманов, которые после прохождения службы в городской канцелярии (в качестве секретарей и инспекторов) обычно становились членами магистратской коллегии.

До конца XVI в. синдик-юрисконсульт, обер-секретарь и секретарь нанимали писарей для текущих работ и платили им жалованье. Лишь с изданием канцелярских правил 1598 г. эти писари под названием копиистов были приняты на постоянную службу в городскую канцелярию⁸. В польский период (1581—1621 гг.) в городских посольствах к правительству участвовали обычно синдик, секретарь или нотариус города, а при королевском дворе в Варшаве магистрат держал постоянных представителей, так называемых гофсекретарей⁹.

С конца XIV и до XVI в. отдельные помещения в ратуше, где находилась городская канцелярия, носили названия «notaria», «casa scriptorum», «scrivierie». В 1596—1597 гг. к восточной стороне старой ратуши были пристроены особые помещения для городской канцелярии¹⁰. 14 февраля 1598 г. по случаю перевода канцелярии в новое помещение городский синдик Давид Хильхен произнес торжественную речь по-латыни. Он же выработал новые правила для канцелярии рижского магистрата, ознаменовавшие новый этап в развитии делопроизводства магистрата. Речь Хильхена, как и канцелярские правила 1598 г., сохранилась в объемистом фолианте, где зафиксированы также до начала XVIII в. присяги и условия принятия на службу в городскую канцелярию секретарей, нотариусов, копиистов и т. п.¹¹

Канцелярские правила 1598 г. в 26 статьях подробно регламентировали работу канцелярских служащих. Высший надзор над канцелярией (cancellaria) осуществляла коллегия, в которую входили один из бургомистров, два ратмана и синдик. Коллегия обязана была регулярно посещать канцелярию, в ежегодных ревизиях добиваться согласования канцелярской работы с правилами и представлять магистрату отчет о ревизиях. Непосредственное руководство канцелярской работой и ее распределение находились в руках синдика и обер-секретаря. Инспектор канцелярии был помощником синдика, он осуществлял ежедневный надзор над служащими. Обер-секретарь вел протоколы заседаний магистрата по административным делам (publica),

по финансово-экономическим (cameralia) и по судебным делам (judicialia, decreta); он работал также в нижних городских судах — бургграфском и ландфогтейском и в духовной консистории.

С 1594 г. в фогтейском суде был свой писарь, а в сиротском суде — секретарь (последний с 1615 г. вел также протоколы ландфогтейского суда). С 1637 г. особый секретарь ведал делами ландфогтейского и мюнстерейского (военного) судов. Низшими канцелярскими служащими были копиисты, подчинявшиеся обоим городским секретарям, в домах которых они могли работать «сверхурочно», после рабочего дня, проведенного в канцелярии. Таким образом, в 1598 г. в городской канцелярии работало всего 8 человек.

Обер-секретарь и секретарь должны были заботиться о том, чтобы все документы и вся переписка по административно-судебным делам города после исполнения немедленно сдавались в новую канцелярию (до 1598 г. ратманы, синдики и секретари брали бумаги к себе на дом, где они часто терялись). Канцелярскими правилами было предусмотрено всю документацию сконцентрировать в особом помещении — задней комнате канцелярии, где над дверью имелась латинская надпись о торжественном открытии этого архива рижским магистратом в 1598 г. Передаче сюда не подлежали лишь особо важные документы, в основном это были привилегии и договоры с обоими сеньорами города, торговые договоры с русскими князьями и книги городских недвижимостей. Эти средневековые пергамены-подлинники и впредь должны были храниться в городском казначействе магистрата¹² (Kämmerei) совместно с городской кассой и серебряными предметами. На эту часть городского архива оба камерира и городской писарь уже в 1507 г. составили реестр, представляющий собой ныне самую древнюю архивную опись в Восточной Прибалтике. Все документы в нем обозначались большими и малыми буквами и римскими цифрами (AI, AII, AIII, aI, aIII и т. д.)¹³. Реестр этот служил образцом для всех последующих архивных описей. Изъятие документов из этой части архива происходило в присутствии одного из членов канцелярской коллегии и камерира.

С конца XVI в. в связи с реорганизацией рижской городской канцелярии появляется ряд описей на особо выделенные группы документов, считавшиеся, очевидно, наиболее важными. В фонде «Moscovitica Ruthenica», например, сохранилась опись 1599 г. — «Сведения о том, какие имеются налицо старые документы о русских делах, относящиеся к торговле, и как эта торговля продолжалась из года в год до настоящего времени».

Опись перечисляет семь торговых и мирных договоров между Ригой и Полоцком, с великими князьями Гедимином, Витовтом и Сигизмундом (1229, 1323, 1338, 1393, 1406, 1415, 1439 гг.) и кончается двумя документами о разборе обоюдных жалоб полочан и рижан (1466, 1470 гг.). Особый отдел описи составляют «старые сведения о новгородской конторе» (1448—1514 гг.)¹⁴. При этом стоит отметить, что содержание договора 1406 г. вписано в опись подробно с припиской, что в 1439 г. он был подтвержден великим князем литовским Сигизмундом.

На рубеже XVI и XVII вв. отдельные документы подбирались по содержанию и хранились в особых ящичках (*capsula*). На эти ящички составлялись уже более подробные описи с подразделами. Так, например, опись московской торговли (*capsula* МП — tio) имеет подотделы: псковская торговля, псковские торговые поездки, жалобы, новгородские дела, вес, пошлины, свидетельства и паспорта, московские мирные договоры (1591—1634 гг.), московские активные и пассивные долги, привилегия рижанам А. Людерсу и Ф. Весселингу на московскую торговлю (1676 г.), правила московского торгового подворья в Риге (1663 г.)¹⁵. Эти описи, по всей вероятности, составлены протонотариусом канцелярии Иоганном Флинттом в начале XVII в.¹⁶ Во время ревизии городской канцелярии в 1620 г. он предъявил еще ряд описей на отдельные группы документов внешнего архива (*Polonica* и др.)¹⁷.

Непорядки в городской канцелярии все же продолжались, что было установлено в 1618 г., через 20 лет после издания канцелярских правил. Ревизия опять потребовала возвращения в канцелярию дел, взятых частными лицами. Кроме того оказалось, что черновики протоколов и «мисивы» не переписывались чисто в нижних городских судах уже 7 лет, а в главной канцелярии — 30 лет.

Остальные города Латвии (помимо Риги) в период феодализма были сравнительно мало развиты. В большинстве своем они переняли рижские городские права, приспособляя их к местным условиям. Так, в XIV в. рижское самоуправление было введено в Кулдиге, Пилтене, Кокнесе, Рауне, Валмиере, Вентспилсе, Страупе, Лимбажи, Цесисе и Айзпуте, в XVI—XVII вв. — в Елгаве, Лиенае, Бауске, Гробине. В Даугавпилсе и Екабпиесте (Екабпилсе) городское самоуправление было основано на магдебургском праве. Наконец, в XVIII в. городские права получили Резекне, Лудза, Слока и Тукумс.

В войнах XVI и XVII вв. погибли города Кокнесе, Рауна и феодальный городок Страупе. В шведский период Цесис и Валмиера находились в феодальной зависимости от магнатов

Уксеншерна, Цесвайне — от Брахе, а Лимбажи — в подчинении рижского магистрата. Еще в 1747—1759 гг. город Цесис находился во владении канцлера А. П. Бестужева.

Древние архивы мелких городов Латвии почти все погибли во время войн и пожаров в XVI—XVIII вв. Например, во время осады Цесиса войсками Ивана Грозного в 1577 г. защитники замка взорвали башню, в которой хранился старый городской архив¹⁸. При возникновении пожаров обычно сгорала большая часть города, так как на небольшой городской территории, окруженной валом, огонь быстро распространялся на скученные деревянные дома, покрытые соломой или тесом. Так, в 1639 г. в Валмиере сгорело 37 домов, а в 1640 г. — весь город.

В свете сказанного не вызывает удивления тот факт, что архивы городов Латвии, за исключением Риги, сохранились преимущественно с конца XVIII в., а то и с XIX в. Архивные материалы за время до XVII в. сохранились лишь по Кулдиге, Елгаве и Вентспилсу¹⁹.

АРХИВЫ ГИЛЬДИЙ, ЦЕХОВ И КОРПОРАЦИЙ

В XIII—XV вв. Рига была типичным средневековым городом, причем в ее экономической жизни ремесло имело гораздо меньшее значение, чем торговля. Рижские ремесленники работали главным образом на покрытие потребностей самих горожан и в отраслях, связанных с рижской экспортной торговлей.

Жители Риги начали организовываться в гильдии еще в XIII в., когда в гильдии Св. креста (в 1252 г.) объединились купцы и ремесленники: латыши, ливы и немцы. С XIV в. начинается дифференциация, усиленное объединение в цехи. С середины XIV в. ремесленники объединялись в Малой гильдии (1352 г.), а купцы — в Большой (1354 г.). Компания Черноголовых, в которую входили иностранные купцы и моряки, стала затем объединением холостых купцов, тесно связанных с патрициатом города¹.

В 1441 г. компания Черноголовых хранила свою документацию в подвальном помещении дома собраний в особом обитом ящике за тремя замками; это было начало архива Черноголовых. Во время отсутствия членов компании по торговым делам архивные документы и серебро компании сдавались на хранение городскому камериру в ратушу. С XVI в. архив уже не пере-

мещался, он хранился в особом помещении нижнего этажа Дома Черноголовых (или «Нового дома»); в 1696 г. это сводчатое помещение было расширено. Текущая документация казначея общества помещалась в большом шкафу в большом зале. Вся остальная обширная документация хранилась в ящиках, лишь в 1724 г. в целях более удобного пользования документами их разместили в шкафах.

Для того чтобы раскрыть содержание архивных документов, в 1754 г. 17 самых древних книг были переписаны современным немецким языком. В 1810 г. архив Черноголовых был систематизирован, россыпь распределена на 63 связки, снабженные надписями. Наконец, в 1902—1905 гг. все связки были систематизированы историком К. Меттигом в хронологическом порядке и переплетены в книги. С 1893 г. архив хранился в железном стеном шкафу в огнеупорном помещении². Описи на архив компании Черноголовых были опубликованы в 1909 и 1934 гг.³ В ходе репатриации прибалтийских немцев фонд был в 1940 г. вывезен в Познань, откуда в 1958 г. возвращен с большими пробелами⁴.

Бичом средневековых архивов были пожары, в которых погибла почти вся старая документация гильдий и цехов. Обычай держать архивы на частных квартирах также способствовал их уничтожению. Так, в 1532 г. книги рижской Большой гильдии сгорели в доме старшины гильдии⁵. От средневековых архивов рижских Большой и Малой гильдий до наших дней сохранились лишь отдельные документы, небогата документация XVII в., и лишь с конца XVIII в. количество архивных материалов значительно возрастает. Сведения об организации архивов Большой и Малой гильдий в старину не сохранились⁶.

Объединения купцов и ремесленников в длительной борьбе с магистратом добились с XVII в. решающего влияния на участие в управлении городскими финансами. Эта борьба, происходившая в XVI—XVII вв., отчасти отражена в архивных документах⁷. Архивная документация рижской компании мелочных торговцев (Klämer Compagnie) сохранилась с конца XVI до XVIII в. (1578—1787 гг.), а пивоваренной компании — с 1672 г.⁸

Естественно, что, если условия хранения документации в этих сравнительно мощных купеческих и ремесленных объединениях были неудовлетворительны, то тем более это относится к небольшим ремесленным цехам и братствам грузчиков и носильщиков. От архивов этих организаций в основном сохранились лишь уставы (шраги) и редкие списки членов. При большом пожаре города Цесиса в 1748 г. сгорели все ларцы с документами городских цехов⁹.

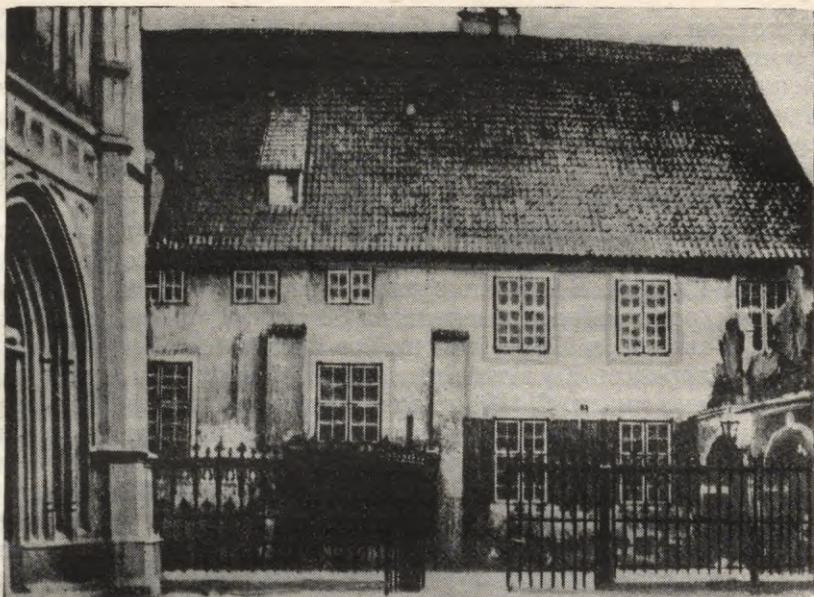

Рис. 4. Дом Малой гильдии в Риге

Период наивысшего расцвета рижских цехов начинается с конца XV в. и продолжается в течение XVI в. и в первой половине XVII в. В XVI в. в Риге было 24 ремесленных цеха, в XVII в. — 43, а в XVIII в. — около 50¹⁰.

Организация гильдий, цехов и братств требовала заведения делопроизводства — составления списков членов организации, записи членских сборов и расходов, наличия книги протоколов собраний. Эта документация вместе с уставом цеха (шрага), в котором были зафиксированы его привилегии, в основном и составляла содержание цехового ларца (Amtslade). Ключи от ларца хранились у старшины цеха, а при смене руководства сдавались новому старшине по описи (1625 г.)¹¹. Письменные работы в отдельных организациях в средние века и позднее выполняли обычно духовные лица — католические священники, а затем пасторы.

Архив наиболее древней латышской гильдии рыбаков в Риге не обнаружен. Рижские транспортные рабочие — латыши основали три отдельных братства — гильдин носильщиков пива (1386 г.), носильщиков (Losträger, 1450 г.) и рабочих (Ligger,

1463 г.)¹². Списки членов гильдий носильщиков (Losträger) за 1533, 1534 и 1549 гг., а также носильщиков пива за 1558, 1561, 1572 и 1573 гг. считаются самыми древними записями светского содержания на латышском языке¹³.

Документация цехов и братств хранилась в частных домах, поэтому рано погибала и распылялась. Свое собственное здание для собраний и хранения документов имел в конце XVI в. лишь рижский портняжный цех, считавшийся в XVI и XVII вв. наиболее богатым цехом города¹⁴. О небрежном обращении цеховых старшин с вверенной им документацией свидетельствуют и протоколы Рижского цехового суда. Гильдия рижских льнотрепальщиков просила суд в 1640 г. снабдить их уставом, так как старшина затерял не только старый устав, но и все документы цехового ларца¹⁵. Некоторые фрагменты цеховой документации попали затем путем купли или дарения в библиотеку Рижского общества истории и древностей, часть оставалась в частных руках. Таким образом, в 1877 г. были приобретены три книги носильщиков пива (1485—1686 гг.)¹⁶, в 1889 г. — счетная книга каменщиков (XVI—XVII вв.)¹⁷, в 1905 г. — три книги цеха по выделке якорей и гвоздей (1687—1848 гг.)¹⁸, наконец, в 1900 г. по

Рис. 5. Ларец рижского цеха медных дел кузнецов 1717 года

дороге на бумажную мельницу удалось спасти две древние книги носильщиков (Losträger) XV—XVI вв.¹⁹ В частных руках осталась книга записи учеников (1640—1844 гг.) золотых дел мастеров в Бауске и другие документы их цехового ларца²⁰.

МЫЗНЫЕ АРХИВЫ

Основой феодального строя в Ливонии было владение землей с населяющими ее крестьянами. При смене сюзеренов вассалы всякий раз обязаны были снова ходатайствовать об утверждении своих прав на ленное землевладение. Поэтому жалованные и подтвердительные грамоты магистров Ливонского ордена, рижского архиепископа и других ливонских епископов являлись главной документацией, которую господствующий класс феодалов тщательно хранил в своих мызах с первых веков их существования.

Переход к мызно-барщинному хозяйству в условиях роста цен на сельскохозяйственную продукцию в 30—40 годах XVI в. привел к значительному увеличению доходов феодалов. В свою очередь социально-экономические и политические позиции дворянства усиливались также благодаря расширению его феодальных привилегий. Привилегированное ленное право («новый манлен» и «владение общей руки») уже к середине XVI в. распространилось на большую часть лифляндско-курляндского рыцарства. Это право обеспечивало не только наследственность ленов, но практически и неограниченную свободу их отчуждения. В это время создавалась крупная земельная собственность, сосредоточенная в немногих руках (Розены, Тизенгаузены, Унгерны, Крюденеры и др.)¹. Официально аллодификация ленов, т. е. превращение ленов в частную земельную собственность, была проведена в Курземе в 1570 и 1776 гг., в Латгалии — в 1764 г. и в Видземе — в 1783 г.

✓Когда Ливония стала владением Польско-Литовского государства (1561—1629 гг.), а затем Швеции (1629—1710 гг.), вопрос о документации на право владения ленными имениями стал для ливонских феодалов весьма актуальным. Секуляризация орденских и епископских доменов, самовольный захват земельных угодий после Ливонской войны, как и частые переходы ливонских феодалов во время польско-шведской войны на сторону противника, вынудили правительство Речи Посполитой провести ряд ревизий на право владения землей (1582, 1589, 1599 гг.), а с 1601 г. — конфискацию имений перебежчиков². Если феодал

не был в состоянии письменными документами доказать свои права на землевладение, его имение отбиралось в казну. Такую же политику проводили шведские власти, особенно во время правления Карла XI в конце XVII в. (ревизии в 1623, 1626, 1663—1664, 1681—1682 гг.)³.

Начавшаяся в первой половине XVI в. мобилизация земельных угодий в виде заклада, передачи или продажи ленных имений или частей их вначале еще подтверждалась сюзеренами. Поэтому содержание мызных архивов в XVI в. в основном состояло из грамот на пожалование и подтверждение имений, на куплю-продажу, заклад, обмен и другие виды отчуждения как имений, так и отдельных участков земли (погост, гаки), крестьянских дворов, корчем, перевозов и т. п.

Со второй половины XVI в. все более увеличивалось количество документов о распределении наследства, разграничении землевладений, долговых записей, судебных приговоров, завещаний и соглашений по этим вопросам. Со временем к этой документации частноправового характера присоединялась хозяйственно-экономическая документация по управлению имениями, а также хроники, генеалогические материалы и т. п., так что объем некоторых мызных архивов достигал значительных размеров.

В первую очередь здесь следует упомянуть мызный архив Генриха Тизенгаузена (1520—1600 гг.), советника рижского архиепископа и владельца имений Берзауне, Калснава, Марциена и Гростона. В его мызном архиве хранились вакковые книги этих имений (1582—1593 гг.), хозяйственные книги (1578—1593 гг.), отчеты об управлении церковным имуществом (1577—1593 гг.). Около 1575 г. он написал не только историю рода Тизенгаузенов в Ливонии (на основании средневековых хроник, ленных грамот и других доступных ему источников), но и критику хроники Бальтазара Руссова с позиций ливонских феодалов-крепостников⁴. Тизенгаузен придавал большое значение своему архиву, и, когда в 1577 г. войска Ивана Грозного частично уничтожили или увезли его архив, он в записи от 8 января 1578 г. фиксирует гибель мызной доходно-расходной документации. По его словам, главный ларец с привилегиями и документами находился в другом имении и поэтому уцелел⁵.

Весьма крупные землевладения принадлежали и феодалам Розенам. В главном имении этого рода Лиелстраупе хранился значительный мызный архив⁶.

Большинство мызных архивов мелких феодалов состояло из небольшого количества документов частноправового характера, которые хранились в особых ларцах (Briefflade)⁷. В целях

Рис. 6. Ларец вотчинного архива Тизенгаузенов из имения Яунпилс

обеспечения сохранности этих ящиков с документами их хранили в особых каменных башнях на господском дворе (Эргли), иногда же сдавали в архивы городов. В городском архиве Риги сохранилась расписка магистрата от 13 мая 1598 г. о принятии на хранение обитого ларца с документами от цесисского воеводы Георгия Фаренсбаха. В этой расписке перечисляются принятые документы: жалованные грамоты Стефана Батория и Сигизмунда III на имения; грамота на пенсию в 3000 талеров из средств рижского портория (пошлин), купчая на дом в городе Цесисе и др. В 1611 г. сын умершего воеводы получил этот ларец обратно⁸.

В документации XVI в. сохранились сведения о присвоении отдельных документов из мызного ларца, о хранении ключей ларца опекунами, передаче их наследникам и т. д. При переходе имения в другие руки ларец с документами передавался новому владельцу⁹.

Из многочисленных средневековых мызных архивов лишь незначительная часть документации перешла в XIX и XX вв. в архивы ливляндского и курляндского дворянств и исторических обществ. В первом томе ливляндских мызных документов (1207—1500 гг.), изданном в 1908 г., лишь немногие из 694 документов были взяты из 24 мызных архивов, большинство же происходит из дел гофгерихта и экономического управления, а также из материалов польских и шведских поземельных ревизий и других коллекций документов, отчасти заграничных¹⁰.

В отчете о работе по подготовке к печати мызных документов за 1501—1561 гг. Г. Бруйнинг писал, что им не использованы решения магистра Ливонского ордена и орденского совета и переписка вассалов из отдела «Ливоника» Шведского государственного архива. Он также отказался от использования протоколов польских ревизий 1582 и 1583 гг. в архиве Министерства юстиции в Москве¹¹. Исследуя акты Литовской метрики, В. В. Дорошенко обнаружил некоторое количество лифляндских мызных документов 1501—1560 гг., не учтенных Г. Бруйнингом¹². Второй том лифляндских мызных документов (1501—1545 гг.) был напечатан в 1923 г. (1203 документа), а рукопись третьего тома (1546—1561 гг.) находится в ЦГИА ЛатвССР¹³.

В коллекции древних грамот в ЦГИА хранятся разрозненные документы из мызных архивов (1399—1775 гг.). В основном это грамоты магистра Ливонского ордена и рижского архиепископа отдельным феодалам на отдачу земель и разных угодий в ленное владение, подтверждения продажи земель, наследственного перехода имений, решения по спорным вопросам рыболовства, рубки леса и т. п. Тут же документы о сделках между вассалами относительно купли-продажи имений, деревень, крестьянских хуторов, сенокосов, закладные и долговые записи на земельные угодья, наследственные соглашения и т. п.¹⁴

Другая коллекция мызной документации в ЦГИА охватывает главным образом XVIII—XX вв.¹⁵ Сохранившиеся фрагменты родовых архивов курляндских помещиков Ганов (1749—1823 гг.) и лифляндских Рихтеров (1763—1914 гг.) и Гагемейстеров (1804—1886 гг.)¹⁶ лишь в малой степени отражают социально-экономические вопросы — здесь преобладает семейная переписка.

Количество мызных архивов в Курляндском земском архиве возросло со 100 в 1909 г. до 161 в 1931 г. Около 20 мызных архивов погибло во время революции 1905—1907 гг., среди них был особенно богатый древними грамотами архив в имении Эдоле. После упразднения Курляндского епископства часть его документов попала в мызные архивы. Роду Брюггенов принадлежало в Курземе крупное имение Стенде, где хранились рукописные материалы орденского периода и за XVII—XVIII вв. Орденский советник Филипп фон дер Брюгген хранил в мызном архиве, кроме 179 писем (1554—1555 гг.), счетов и судебных дел, также инструкции по ведению орденских дел и книгу записей о своем путешествии на рейхстаг в Аугсбург (1549—1550 гг.) в качестве орденского посла вместе с частью актов этого рейхстага¹⁷.

Большинство феодальных землевладельцев Латгалии хранило свои рукописные документы вместе с библиотекой в господских домах в шкафах, лишь феодальная верхушка — Плятеры, Гильзены и Корвин-Гонсевские сооружали для хранения документов особые здания. Эти здания — «лемгузы» или «скарбы» — служили также для хранения дорогого оружия и других фамильных ценностей.

В Ливонскую войну погибли древние мызные архивы Борхов и Циммерманов, в дни войны 1654 г. были уничтожены рукописные собрания Карницких. Во время пожара в XVIII в. сильно пострадал мызный архив помещиков Молей; оставшаяся часть архива была сожжена в 1863 г. крестьянами-повстанцами в замке Вышки, в том же 1863 г. сгорел архив Гильзенов в Дагде.

Мызный архив графов Борхов находился в имении Варакляны, Вейсенгофов — в Рибени и Андзельмуйже, Рыков — в Дриценах и Вецрыках, баронов Мантейфелей — в Берзгале и Бонифацове, Солтанов — в Презме, а Корфов — в Крустпилсе. Рукописные документы латгальских магнатов Плятеров хранились в имениях разных ветвей этого рода — в Индрице, Комбулях, Ликсне, Краславе и Амбельмуйже. Мызные архивы помещиков Ромеров находились в Янополе и Тискаде, Реута — в Сомерсете, Жабы — в Кастире и Вейтко — в Берзгале. Документы этих мызных архивов охватывали время с XV по XX в. Большинство из них было вывезено из Латвии или погибло во время первой мировой войны¹⁸, или было уничтожено немецкими фашистами в 1944 г. в архивах и библиотеках Варшавы¹⁹.

Кроме перечисленных мызных архивов, у латгальских феодалов, несомненно, были и другие собрания рукописных документов, но сведений о них не сохранилось²⁰.

В ЦГИА сохранились фрагменты двух мызных архивов латгальских магнатов. Фонд Плятеров фон дер Броель (54 ед. хр.) — это лишь небольшая россыпь из мызного архива в Краславе, хотя он и охватывает XVI—XX вв. Среди документов сохранились грамоты, привилегии и дипломы, подлинные от польских королей (отчасти в копиях XVIII и XIX вв.), выписки из Литовской метрики о земельных правах, духовные завещания, переписка по межевым и тяжёлым делам, экономическая документация и т. п. В фонде имеются также бумаги родственных Плятерам — графов Мануцци²¹. Разветвление рода Плятеров по всей территории Речи Посполитой привело к образованию новых мызных архивов, которые находятся как в Москве и Киеве, так и в Польше²². Еще в 1909 г. Г. Бруйнингу были предъявлены старые грамоты на пергамене (XV—XVI вв.) из плятеровского мызного архива в Краславе²³.

Сохранилась и часть мызного архива рода Борхов из Вараклян (1562—1806 гг.). В копиях и оригиналах в их фонде сохранились грамоты о пожаловании ленных имений магистрами Ливонского ордена и польскими королями, документы о купле-продаже имений, инвентари земельных владений, завещания, тяжёлые дела о «наездах» и другая документация. Главная часть мызного архива Борхов из Вараклян после первой мировой войны находилась в «Оссолинеуме» во Львове²⁴, а теперь — во Вроцлаве.

АРХИВЫ ЗАДВИНСКОГО ГЕРЦОГСТВА (1561—1629 гг.) И ЛАТГАЛИИ (1629—1772 гг.)

После 1561 г. территория Латвии к северу от Даугавы и часть южной Эстонии образовали Задвинское герцогство (*Ducatus Ultradunensis*) под властью Литвы и Польши. Административно-политическое устройство этой части Ливонии было окончательно установлено двумя ординациями Сигизмунда III Вазы от 1589 и 1598 гг. Герцогство делилось на три воеводства (президиата) с центрами в Цесисе, Тарту и Пярну. Во всех трех воеводствах было создано 26 староств (из них 18 — на территории Латвии), преобразованных из бывших орденских или епископских замковых округов. Эти староства (*Caritaneatus*) передавались в пожизненное держание польским или литовским военачальникам и знатым магнатам. По сеймовой конституции 1589 г. доход от казенного имения — староства делился на три равные части: одну часть получала попеременно литовская или коронная казна (скарб), другая — шла на оборону Ливонии, а третья — поступала старосте на укрепление замка и содержание гарнизона¹.

Во главе герцогства стоял назначенный королем администратор или губернатор. После кратковременного правления Готгарда Кетлера (1562—1566 гг.) эту должность занимали представители двух знатнейших семей магнатов Литвы. Ян Иероним Ходкевич управлял Задвинским герцогством 12 лет (1566—1578 гг.), а в 1578 г. проадминистратором был его сын Александр. Восемь лет правил Задвинским герцогством епископ, а впоследствии кардинал Георгий Радзивилл (1582—1600 гг.), а последним администратором был Ян Кароль Ходкевич (1603—1621 гг.).

Администратор имел очень широкие полномочия. Так, Ян Иероним Ходкевич, являясь главным военачальником провинции, наивысшей судебной инстанцией, имел право ставить верных людей во главе замков, созывать сеймики для утверждения

податей на оборону провинции, распоряжаться пошлинами и назначать новые, определять вес и ценность монет. Рядом с губернатором стояло особо доверенное лицо короля — генеральный комиссар. Генеральным комиссаром и заместителем Георгия Радзивилла был Станислав Пенкославский, алуксненский староста (1583 г.) и руководитель редуccionной комиссии 1582—1583 гг. Затем эту должность занимал Ян Дмитрий Соликовский, львовский архиепископ, который вместе с известным магнатом Львом Сапегой участвовал в проведении всех трех поземельных ревизий в Ливонии. Во время ревизии 1598 г. Соликовский пользовался почти неограниченными полномочиями; кроме проведения ревизии ему было поручено созвать сеймик в Цесисе, восстановить земельные владения цесисского епископа, решать споры и судебные апелляции; наконец, ввести в действие земские суды и учреждения².

В каждом воеводстве был основан земский суд для разбора гражданских и уголовных дел дворян. Членов земского суда назначал король из кандидатов, избранных сеймиком, низших же судебных и административных чиновников (гакенрихтеров) избирали сами дворяне. В Риге, Цесисе, Тарту, Лимбажи и Даугавпилсе были организованы особые замковые суды — для решения дел о поджогах, грабежах, насилии и т. п. уголовных дел для всех свободных людей³.

Администратор, воеводы и старосты для выполнения своих функций по административно-судебным делам, по управлению государственными имениями, взиманию податей и пошлин и т. п. имели свои канцелярии с секретарями и писарями. Георгий Радзивилл привез из Венеции ксендза Людовика Фульджино, который вел книги и корреспонденцию администратора по латыни; немецкую же переписку вел известный гуманист Даниил Герман⁴.

В эпоху феодализма, в обстановке всеобщей неустойчивости и неуверенности, светские и духовные феодалы начали заносить важные документы с полным их текстом в книги. В таком компактном и портативном виде документы можно было вернее спасти во время опасности, в походах и при тому подобных обстоятельствах.

С конца XIII и в начале XIV в. в Германии уже были в обиходе так называемые «Kopialbücher». В XIV в. и в Польше стали практиковать вписывание в книги королевских декретов, жалованных грамот и привилегий, судебных решений и различных документов частного характера. Ведение таких актов книг затем распространилось и в землях великого княжества Литовского, где к середине XVI в. оно стало повсеместным.

Первый Литовский статут 1529 г. узаконил эту практику. Эти актовые книги впоследствии образовали Литовскую метрику, т. е. центральный государственный архив великого княжества Литовского. Под руководством канцлера и подканцлера архивом заведовали «metrykanty». Акты и грамоты, издававшиеся от имени короля польского, хранились отдельно и составляли Метрику коронную. Литовская метрика с течением времени понесла много крупных потерь, особенно в XVII в. в период шведско-польской и русско-польской войн, когда архив находился в Вильнюсе⁵.

Наличие ливонских актовых книг в составе Литовской метрики в Москве показывает, что со второй половины XVI в. этими книгами пользовались и на территории Задвинского герцогства⁶. Сохранились материалы всех трех ливонских ревизий (1582, 1590 и 1599 гг.) по проверке владельческих прав местных дворян и инспекции старостинских имений. Ординация 1598 г. особо подчеркивает, что результаты ревизии должны быть сданы на хранение в скарб короны и в скарб Литвы⁷. Материалы ревизии привилегий 1599 г. сохранились в Риге в трех списках⁸. Богатое собрание поземельных ревизий Ливонии 1582—1583 и 1599 гг. хранилось в Варшаве в «Archiwum Główne akt Dawnych», «Archiwum Skarbowe», «Biblioteka Ordy nacji Krasieńskich» и «Biblioteka Akademji Umiejętności»⁹.

Архивные материалы земских судов Задвинского герцогства не сохранились. По постановлению Варшавского сейма 1581 г. воеводы и старосты великого княжества Литовского обязаны были отвести места для постройки дома земского суда и для помещения туда его судебных книг. В Литовском статуте 1588 г. уже подробнее говорится о каменных зданиях (sklepy) для сбережения актовых книг и о порядке их хранения. Особой заботой были окружены книги земских судов, куда писарь земского суда обязан был немедленно вносить решенные дела. Эти земские книги находились в особых ларцах (скрынях) под тремя ключами: один ключ имелся у судьи, другой — у подсудка, а третий — у писаря. Такой же способ хранения судебных книг замкового (гродского) суда был предписан воеводам и старостам¹⁰.

Часть документации Задвинского герцогства попала в архивы польско-литовских магнатов — Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, Красиньских, Замойских и др. Эти магнаты занимали высшие должности в Речи Посполитой, были канцлерами, гетманами, сенаторами, архиепископами и т. д. В Ливонию эти доверенные лица короля назначались администраторами, воеводами, комиссарами и старостами; они возглавляли поземель-

ные ревизии, вводили новые административные, судебные и церковные порядки и устройства. Естественно, что в их родовых архивах скапливались как собрания ливонских рукописей, так и служебная документация¹¹.

Немецкие фашисты разгромили варшавские архивохранилища Красиньских, Замойских и Пжездзецких. В октябре 1944 г. полностью была уничтожена библиотека ординации Красиньских с богатым собранием рукописей Ливонии и Курляндии, подлинником ревизии 1599 г., мызным архивом латгальских помещиков (Вейсенгофов, перепиской Ходкевичей по ливонским делам и т. п.)¹². До второй мировой войны части не-свижского родового архива Радзивиллов хранились в Познани в библиотеке Рачиньских, а также — в Варшаве. Родовой архив Ходкевичей хранился в Кракове в музее Хутен-Чапских, в архиве Замойских в Курнике, в Ягеллонской библиотеке и библиотеке Чарторыских в Кракове¹³. Перечень документации этих архивов, которая относится к Латвии, отчасти опубликовал Б. Брежго¹⁴.

После Альтмаркского (1629 г.) и Штумсдорфского (1635 г.) договоров у Польши от Задвинского герцогства остались лишь четыре староства — Даугавпилское, Резекненское, Лудзенское, и Вилякское (около 13 тыс. км²) — нынешняя Латгалия. Ординация 1677 г. устанавливала, что Латгалия — княжество Инфлянтское составляет самостоятельную административную единицу Речи Посполитой. Четырех старост назначал король, во главе их стоял даугавпилсский староста с правами воеводы. Даугавпилсский замок находился в управлении каштеляна, который в то же время был главным начальником всех замков Латгалии. Даугавпилсский староста с каштеляном и ливонским епископом являлись членами польского сената. На сеймике в Даугавпилсе дворяне-помещики избирали 6 послов на общего государственной сейм и кандидатов на должности подкоморного (межевого судьи), хорунжего (начальника дворянского ополчения), судьи, подсудка и писаря. Утвержденное королем в должности лицо получало особую королевскую грамоту (przywilej) с печатями Литвы и Польши. Эти должностные лица составляли земский суд, который собирался три раза в год в Даугавпилсе и судил по Литовскому статуту. В замковом (гродском) суде под председательством даугавпилсского старосты заседали подстароста, судья и писарь. Писарь заносил в гродские книги (wieczyste) судебные решения, акты доброй воли, протесты на обиды и нарушения местных прав и т. п. Делопроизводство в этих судах велось на польском языке, а апелляционной инстанцией был королевский ассессорский суд¹⁵.

Получив в 1582 г. городское право (магдебургское), Даугавпилс стал административным центром Латгалии. В состав даугавпилсского магистрата входили бургомистр и 4 советника, он подчинялся даугавпилсскому старосте. Управление Резекне и Лудзы, не имевших в то время городских прав, находилось в руках войтов, в свою очередь подчиненных королевскому старосте своего округа¹⁶.

В период (1629—1772 гг.) постановления Литовских статут-ов о хранении земских и городских книг имели обязательную силу в Латгалии. Перед судебной сессией книги вынимались из сундука, а по окончании сессии они еще три дня были открыты для внесения в них записей, после этого книги запи-рались в сундук, и к нему прикладывались печати всех трех членов суда. По постановлению коронационного сейма 1764 г. все акты земских и городских учреждений великого княжества Литовского подлежали регистрации и переплету в книги. Для хранения этих актов книг воеводам и старостам предписы-валось позаботиться о возведении каменных зданий. Из инвен-таря даугавпилсского староства от 1 февраля 1765 г. видно, что канцелярия городского суда занимала отдельный дом на городской площади, там же хранились акты книги суда¹⁷. По описи 1871 г. с дополнениями 1893 г. в Центральном архиве древних актов в Витебске хранились 84 книги княжества Ин-флянтского за 1678—1781 гг.¹⁸

В Центральном государственном историческом архиве ЛатвССР за этот период сохранилась лишь незначительная часть документов — люстрация инфлянтских староств 1764—1766 гг. и три книги описи актов книг 1694—1833 гг., сами же акты книги даугавпилсского поветового земского суда сохранились лишь с 1701 г.¹⁹

АРХИВЫ ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ШВЕДСКИЙ ПЕРИОД (1629—1710 гг.)

После взятия шведами Риги в 1621 г. и Тарту — в 1625 г. из завоеванной области была образована Лифляндская губерния. Губерния делилась на три наместничества (län) — Рижское, Тартуское и Кокнесское, непосредственное управление которыми находилось в руках гу-бернатора в Риге и наместников в Тарту и Кокнесе. С 1629 г.

было учреждено Лифляндское генерал-губернаторство, в которое до 1642 г. входила и Ингерманландия. С 1632 г. резиденцией шведского генерал-губернатора стал город Рига и постоянным местопребыванием — Рижский замок¹.

Генерал-губернатор был наместником шведского короля в Лифляндии, он назначался королем и управлял губернией согласно королевским инструкциям и распоряжениям. Он должен был учитывать привилегии местного дворянства и города Риги, но во всем соблюдать интересы шведского правительства².

Генерал-губернатору принадлежала вся административная и военная власть в губернии: он назначал высших чиновников, осуществлял надзор за сбором налогов и пошлин, за содержанием дорог и мостов, почты, школ и церквей³. Являясь главным командующим всех военных сил губернии, генерал-губернатор следил за укомплектованием личного состава полков, обороноспособностью крепостей и снабжением их провиантом и амуницией. Генерал-губернатору принадлежали также довольно широкие права юрисдикции и полицейские функции по охране общественного порядка.

Все управление в губернии было централизовано, господствовал бюрократизм. Эти тенденции особенно усилились в годы правления Карла XI и Карла XII, которые стремились контролировать государственный аппарат в Лифляндии и в мелких вопросах⁴.

Губернатор вместе с главным казначеем (обер-камерир) и экономическими наместниками (с 1691 г.) являлись главными помощниками генерал-губернатора, а губернатор — его заместителем. Они в своей работе также руководствовались инструкциями⁵.

Свои многообразные функции генерал-губернатор осуществлял через свою канцелярию, где в 1699 г. было занято 18 человек. Два секретаря (один — для шведской, другой — для немецкой переписки) стояли во главе канцелярии. Секретари регистрировали всю входящую корреспонденцию и указы правительства, составляли черновики писем, приказов и распоряжений. Под их надзором находились два писаря и два переписчика (копииста), архивариус и русский переводчик⁶. В 1640 г. правительство предписало генерал-губернатору Бенгту Бенгтссону Уксеншерне вести переписку с королевским двором и центральными коллегиями на шведском языке, а в генерал-губернаторстве ему разрешалось издавать приказы, распоряжения и т. п. на немецком языке. Как в 1632 г., так и в 1699 г. в штатах канцелярии числился русский переводчик, что указывает на большое значение, которое шведские власти придавали сношениям с Московским государством⁷.

С 1663 г. по 1673 г. в канцелярии был особый секретарь, или референдарий, для польских дел.

Обер-камерир и камерир с помощью двух писарей и двух переписчиков вели всю финансово-счетную часть генерал-губернаторства, бухгалтерию доходов и расходов, производили выплату денег по ордерам губернатора и генерал-губернатора⁸.

Уже в 1632 г. генерал-губернатор И. Б. Шютте издал регламент для канцелярии по шведскому образцу. Посторонним лицам вход в канцелярию был воспрещен, дела выдавались лишь с особого разрешения генерал-губернатора. Для упорядочения делопроизводства в канцеляриях рижского губернатора, тартуского и кокнесского наместников им предписывалось в 1630 г. завести регистратуры для входящих и исходящих бумаг в двух экземплярах. В конце года регистратуры переплетались в книги, один экземпляр отсылался на хранение в Лифляндский гофгерихт, другой же — оставался в замковой канцелярии для справочных целей последующим наместникам⁹. С 1650 г. главными помощниками генерал-губернатора по канцелярии стали так называемые ассистенц-советники, из которых в последнюю четверть XVII в. и в начале XVIII в. особое значение приобрел Михаил фон Зегебаде, которого именовали «малым канцлером»¹⁰.

Большое влияние на развитие архивного дела в Латвии оказал факт основания по инициативе государственного канцлера Швеции Акселя Уксеншерны Шведского государственного архива в Стокгольме в 1618 г.¹¹

Осуществляя централизованное управление своей заморской колонией Лифляндией из Стокгольма, правительство и центральные коллегии Швеции постоянно нуждались в справках и сведениях как о местных условиях, так и о событиях в соседних с провинцией странах — Польше и Московском государстве. Для выполнения этой задачи оказалось необходимым создать при канцелярии генерал-губернатора Лифляндии упорядоченный архив. Поэтому в королевских инструкциях генерал-губернаторам Эрику Эрикссону Рюнингу и Габриэлю Бенгтссону Уксеншерне в 1644—1645 гг. четыре статьи специально посвящаются устройству канцелярии и архива генерал-губернатора¹².

Предписывалось отвести три сводчатых помещения Рижского замка под приемную, канцелярию и архив, снабдив последний железными дверьми и железными ставнями. В архивохранилище устанавливались 5 шкафов с отделениями для хранения всей входящей и исходящей документации. В шкафах архивные материалы располагались по следующей тематике: 1 — положения о церквях, школах и госпиталях, уставы, инструкции; 2 — судебные дела и протоколы земских и замковых судов; 3 — военное дело,

списки солдат и кавалеристов, перечни оружия, артиллерии, амуниции и провианта гарнизонов и крепостей, письма и приказы; 4 — административные дела по управлению генерал-губернаторством (полномочия, инструкции, мемориалы, мандаты и ординации), привилегии и уставы местного дворянства и городов, уставы цехов и торговые постановления, переписка с соседними и другими государствами; 5 — финансовые дела, счета, вакенбухи, списки и переписка.

К обязанностям генерал-губернатора относились и ревизия архива, и надзор за секретарями, у которых хранились ключи от архива и которые отвечали за его сохранность, принимая и сдавая архив по описи. С расширением делопроизводства канцелярии и накоплением дел в архиве к концу XVII в. была создана должность архивариуса¹³.

Исходя из чисто практических соображений, вытекавших из необходимости управления разбросанными вдоль балтийского побережья владениями, шведское правительство с середины XVII в. начало заботиться о сохранности и упорядочении местных архивов. Об этом свидетельствуют ряды объемистых томов исходящих писем (Missive)¹⁴, королевских писем и писем центральных коллегий и другие, сохранившиеся в ЦГИА в кожаных переплетках того времени. Составлялись и особые сборники, например, резолюций генерал-губернаторов по местному управлению¹⁵.

С установлением двух особых управлений государственными имениями в Риге и Тарту во главе с экономическими наместниками (1691 г.) функции генерал-губернатора несколько сузились. Прежде всего наместникам передали управление доменами с разрешением всех связанных с этим вопросов, как надзор за доходами имений, мызными строениями, живым и мертвым инвентарем, разрешение межевых споров, забота о церкви и школе. Кроме того, наместники должны были заботиться об охране казенных лесов, уничтожении волков, ремонте дорог и мостов и т. п. Для выполнения этих функций каждый наместник имел бухгалтера, писаря, стряпчего и полицейского с помощником (1699 г.). В своей работе они руководствовались инструкцией для экономических наместников 1691 г. и регламентом 1696 г.¹⁶

В ЦГИА сохранилось до 66 единиц хранения экономического управления латышской части Лифляндской губернии с весьма ценными «миссивами» наместников; две трети фонда погибли во время войны¹⁷. Под надзором землемеров производилось межевание в 1681—1696 гг.; в ЦГИА сохранилось 2190 мызных и областных карт и 34 дорожных¹⁸. Материалы редуccionных комиссий, а также книги шведских ревизий гаков за 1624, 1627, 1630, 1638 и 1688—1690 гг. сохранились частично¹⁹.

Новые канцелярии и архивы возникли и в связи с произведенной шведским правительством судебной реформой в Лифляндской губернии (1630—1632 гг.). Было учреждено пять земских судов (ландгерихтов), из которых четыре — рижский, цесисский, тартуский и пярнуский — просуществовали почти 250 лет (до 1889 г.), кокнесский же земский суд был вскоре упразднен (1635 г.). Для облегчения судопроизводства судебные округа в 1693 г. были разделены на латышские и эстонские²⁰. Находясь в руках дворян-помещиков, из которых избирался судья (ландрихтер) и два его помощника (ассессоры), земские суды превратились в орудие внеэкономического притеснения крестьян. Письменные дела в судах вел нотариус, он же хранил архив²¹.

Второй апелляционной инстанцией для земских судов были учрежденные в 1631 г. замковые суды — рижский, тартуский и кокнесский (последние два упразднены в 1636 и 1639 гг.). В состав рижского замкового суда входили четыре заседателя под председательством рижского губернатора. Резолюцией генерал-губернатора Я. И. Гастфера от 4 октября 1687 г. юрисдикция этого суда была ограничена округом Рижского замка, форбургом, кроме того, даугавгривскими и спилвенскими крестьянами и рыболовством на Даугаве²².

Устав рижской замковой канцелярии 1631 г. предписывал секретарю и писарю производить переписку на бело судебных протоколов, регистрацию всех бумаг тяжущихся сторон, особую регистрацию и брошюрование королевских писем. Губернатор или наместник должны были выбрать подходящее помещение для замковой канцелярии с полками или шкафами (repositoris) с закрываемыми ящиками. Помещение по возможности должно быть сводчатым, чтобы письма и все другие акты и документы сохранились в нем в большей безопасности²³. Несмотря на принятые меры предосторожности, документация замковых судов в ЦГИА отсутствует, от документов же рижского, цесисского и кокнесского земских судов здесь сохранились лишь жалкие остатки²⁴.

Решением лифляндского ландтага от 1668 г., утвержденным шведским правительством в 1671 г., в четырех уездах Лифляндской губернии были образованы орднунгсгерихты — главные органы полицейского надзора дворянства над крестьянством. Эти выборные дворянские полицейские суды Карл XI упразднил в 1694 г., причем судебные функции их были переданы земским судам, а административно-полицейские — уездным фогтам. Фогтам было предписано рызскать архивы упраздненных орднунгсгерихтов и взять дела, резолюции, распоряжения, карты и протоколы на хранение. Ведение протоколов, регистрация дел и

хранение их в порядке были поручены помощнику фогта — уездному нотариусу²⁵. Архивы орднунгсгерихтов и уездных фогтов шведского времени не сохранились²⁶.

Высшей апелляционной инстанцией для земских, замковых и городских судов (кроме Риги) являлся придворный суд (гофгерихт), учрежденный в 1630 г. в городе Тарту, а с 1702 г. находившийся в Риге²⁷. Юрисдикция гофгерихта распространялась на все уголовные преступления дворян, а также гражданские дела о завещаниях, наследстве и банкротстве дворян и жалобы и иски горожан к дворянам и т. п. Президента и вице-президента суда назначал король, из 12 заседателей шесть должны были быть юристами, остальные шесть — представителями дворянства (с 1643 г. в их числе были три ландрата). Канцелярией руководил секретарь с помощью нотариуса и двух писарей. Секретарь обязывался в присяге заботиться о сохранности рукописей, копий и писем, а также дел. Согласно резолюции королевы Кристины от 28 сентября 1638 г. в архив гофгерихта сдавались на хранение заверенные книги, копии с ревизий прав на мызное владение (Güterbesitz-Titel Revision), равно как и материалы ревизий гаков²⁸.

Зимой 1702 г. архив гофгерихта был перевезен из Тарту в Ригу на 8 санях, а в 1705 г. архив был перемещен в сводчатое помещение Рижского замка, где уже находился архив курляндских герцогов²⁹. Во время осады Риги русскими войсками под командованием Б. П. Шереметева в 1709 г. 11 ящиков с делами и протоколами Лифляндского гофгерихта были отправлены на почтовых яхтах в Стокгольм. Туда же были эвакуированы и мызные карты экономического управления³⁰.

В результате законодательного оформления в 1634, 1643 и 1648 гг. сословной организации лифляндского дворянства усилилось классовое господство дворян над латышским и эстонским крестьянством. Высшим органом дворянского самоуправления стал периодически собиравшийся ландтаг с выборным ландмаршалом и постоянным совещательным органом дворянства — коллегией ландратов, состоявшей из 6, а впоследствии — из 12 членов. С 1662 г. текущие дела дворянства по очереди велись одним из ландратов — очередным, который находился в Риге. Организованная в 1637 г. касса рыцарства располагала средствами, полученными путем самообложения, и служила для содержания сословной организации. Королевской резолюцией от 10 мая 1678 г. генерал-губернатору было предписано совещаться с ландратами по всем гражданским и военным вопросам управления провинцией. Убедившись, что ландратская коллегия далеко вышла за пределы предоставленной ей власти, Карл XI в 1694 г. упразднил

ее, а ландтаг превратил в совещательный орган под председательством генерал-губернатора³¹.

Делопроизводственные материалы лифляндской дворянской корпорации, которые начинаются с 1643 г., обычно хранились у секретаря дворянства. Во время осады Риги войсками царя Алексея Михайловича в 1656 г. ядро попало в дом секретаря Викена и разбило архивный ларец, но документы все же уцелели. Канцелярия дворянства находилась в Рижском замке, а в 1656 г. генерал-губернатор обещал отвести для дворянских собраний другое помещение³².

До второй половины XVIII в. лифляндское дворянство не заботилось о сохранении архивов, внимание уделялось лишь общим привилегиям рыцарства. Поскольку шведское правительство настоятельно требовало предъявления пресловутой привилегии Сигизмунда II Августа от 1561 г., лифляндское дворянство лихорадочно, но безуспешно разыскивало в 1626, 1629 и 1699 гг. ларец с документами последнего ландмаршала Тизенгаузена³³.

Начало архиву дворянства было положено в 1668 г., когда ландрат Густав Менгден передал ландтагу 9 старых пергаменных грамот с висячими печатями. Эти грамоты касались разных прав и привилегий дворянства и были разысканы и собраны Менгденом чуть ли не на свалке³⁴.

В связи с начавшейся в 1681 г. редукцией имений и требованием редукционной комиссии о предъявлении документов на право владения — каждый феодал осознал важность своих документов, своего мызного архива. На ландтаге 1686 г. был поднят вопрос также о месте хранения и лучшей сохранности подлинных документов дворянства. Решено было завести для этих документов обитый железом ларец с тремя замками, ключи от которых должны были храниться у старшего ландрата, у ландмаршала и у секретаря. При смене секретарей дворянства составлялись описи архива (1677—1685 гг.)³⁵.

По требованию генерал-губернатора дворянство в 1690 г. было вынуждено представить правительству собрание своих привилегий (*corpus privilegiorum*). При этом выяснились неурядки в архиве, а ландтаг 1692 г. потребовал завершить упорядочение архива. Для достижения этой цели архив и канцелярия были переданы в распоряжение известного впоследствии Иоганна Паткуля. Во время его процесса в Стокгольме он сумел скрыть, частично уничтожить и переправить за границу документацию дворянского архива, касавшуюся оппозиции дворянства правительству в вопросе редукции имений. Когда правительство потребовало от генерал-губернатора Я. И. Гастфера розыска исчезнувшего архива дворянства³⁶, губернатор Сооп предпринял

поиски в Риге, в имениях И. Паткуля и его родственников и даже в Курземе (1694 г.). Благодаря усилиям правительства большая часть архива лифляндского дворянства была найдена, и на ландтаге 1695 г. генерал-губернатор предложил дворянству назначить представителей для принятия архива и перемещения его в канцелярию дворянства в целях лучшей сохранности³⁷.

Накануне капитуляции Риги русским войскам (1710 г.) дворянство хотело пополнить свой архив за счет генерал-губернаторского архива, который предполагалось вывезти в Швецию. Притязания ландмаршала о выдаче из этого архива корпуса привилегий и других документов, касавшихся дворянства, генерал-губернатор Н. Стремберг отклонил 8 июня 1710 г.³⁸

Канцелярия рижского магистрата в XVII в. продолжала развиваться и усложняться. Несколько новых образцов по форме и содержанию описей составил Иоганн Шейбе (1634—1647 гг.), прошедший до того хорошую школу в архиве лифляндского генерал-губернатора. Ревизия канцелярии в 1646 г. установила, что дела, акты и привилегии хранятся в беспорядке в разных местах канцелярии. Магистрат решил, что для приведения в порядок дел и составления на них описей требуется особый чиновник, поэтому в 1647 г. была создана должность городского архивариуса.

На эту должность был назначен Иоганн Витте, окончивший Лейденский университет и в течение 7 лет представлявший интересы города Риги в Стокгольме. Витте привел дела в порядок и составил две описи как на дела канцелярии, так и на городские привилегии³⁹, которые послужили основой для всех последующих описей внешнего и внутреннего архива. Когда Витте в 1656 г. стал ратманом, обязанности архивариуса опять были возложены на секретарей, которые считали эти обязанности побочными и притом менялись каждые два-три года. Обер-секретари, секретари и нотариусы работали в канцелярии в особых отгороженных местах — кельях, где в капсулах в столах хранили документы, необходимые для текущей работы (дела внешнего архива).

С разрастанием делопроизводства в канцелярии стало не хватать места для архива, и поэтому протоколы, документы и письма прежних лет были сложены в помещении над канцелярией на полках вдоль стен⁴⁰. 9 февраля 1674 г. из-за повреждения дымовой трубы в этом помещении возник пожар. В результате сгорел весь установленный там средневековый архив города, а также часть документации польского и шведского периодов. Текущий архив (внешний) нижней канцелярии и собрание привилегий и городских книг, хранившееся в сводчатом помещении восточной части ратуши (внутренний архив), сохранились⁴¹. Не

успели секретари привести в порядок оставшиеся архивные материалы, как в 1677 г. возник второй большой пожар, и архив был в спешке вывезен из ратуши.

Ревизия в 1703 г. выяснила, что неустройство канцелярии объясняется внешними и внутренними катастрофами — двумя пожарами, осадами города Риги в 1656 и 1700 годах и перепиской в связи с несогласием горожан с финансовой политикой магистрата, которое привело к учреждению городской кассовой коллегии (1675 г.). Эти и другие события чрезвычайно обременяли канцелярию, вызывали усиленную переписку с правительством и городскими делегациями в Стокгольме (1676, 1678, 1680 и 1681 гг.), с генерал-губернатором в замке⁴².

Несмотря на все эти недостатки и неустройства, к концу XVII в. в рижском городском архиве был установлен известный порядок, чему немало способствовали описи, составленные как на группы документации внутреннего архива, так и по отдельным тематическим вопросам внешнего архива. В XVIII в. описи уже сшивались, снабжались обложкой и надписью.

От пожара 1674 г. уцелела коллекция подлинных русских грамот и писем за период с XIII по XVII вв. (*Moskovitica-Ruthenica*) и переписка польского периода (*Polonica, Aulico Polonika*)⁴³. Делопроизводственная документация рижского магистрата сохранилась в основном лишь с 40-х гг. XVII в., протоколы магистрата (*Publica*) — с 1643 г.⁴⁴, миссивы — с 1644 г., *Aulica* — с 1648 г., рескрипты шведского правительства — с 1621 г. и т. д. Протоколы и дела нижних городских судов начинаются: ландфогтейского — с 1547 г.⁴⁵, торгового — с 1613 г.⁴⁶, фогтейского — с 1619 г.⁴⁷, сиротского — с 1652 г.⁴⁸, кемерийного и ремесленного — с 1654 г.⁴⁹ и т. д. Финансово-экономическая документация города и его патримониального округа сохранилась в фондах городской кассы с 1593 г.⁵⁰, городского акциза — с 1637 г.⁵¹, кассовой коллегии⁵² и экономической экспедиции⁵³ — с 1675 г. и т. д.

Шведские короли, используя свою церковную власть, которую они осуществляли как главы протестантского государства, реорганизовали в 1633—1694 гг. церковный уклад Лифляндии. Созданная в 1633—1634 гг. главная консистория во главе с назначенным королем светским президентом и духовным суперинтендантом подпала отчасти под влияние местного дворянства, интересы которого представляли в консистории как президент, так и три светских заседателя. В состав главной консистории входили еще три духовных заседателя и секретарь-нотариус, ведавший делопроизводством.

Реформой 1694 г. главная консистория была превращена в чисто духовное учреждение, проводившее интересы шведского правительства с элиминацией влияния дворянства. Созданные в 1636 г. подконсистории в Рижском, Цесисском и Кокнесском уездах были упразднены. Лишь рижская городская консистория (основанная в 1577 г.) для города и патримониального округа осталась существовать рядом с главной консисторией. Кроме административно-церковных функций, главная консистория обладала и судебными — юрисдикцией над священниками⁵⁴. В ЦГИА сохранились как протоколы самой консистории с 1651 г.⁵⁵, так и протоколы церковных ревизий (визитаций), в которых отражались экономика и быт латышских крестьян в XVII в.⁵⁶

Церкви и священники были окружены особой заботой правительства (привилегии 1650 и 1675 гг.)⁵⁷, через них оно проводило свои идеи и мероприятия непосредственно в массу крестьянства. На латышском и эстонском языках крестьянам объявлялись в церкви законы и приказы генерал-губернатора (патенты). После редукций имений права патроната (т. е. назначение священников на должность) в значительной мере перешли к государству, а в 1693 г. генерал-губернатор объявил все церковные приходы казенными (Regalpfarren)⁵⁸. Следовательно, к концу XVII в. священники в Лифляндии стали государственными чиновниками, которых правительство использовало также в качестве осведомителей о настроениях крестьянства и дворянства, особенно во время Северной войны⁵⁹.

Обычай вести церковные книги с метрическими записями о крещении, бракосочетании и похоронах внедрялся в Европе с XVI в. очень медленно и получил всеобщее распространение лишь во второй половине XVII в. (Дания, Швеция). В это время ведение церковных книг началось и в Риге. Исключение составляет книга с записями о крещеных и сочетавшихся браком, которая велась в католической церкви св. Якова в Риге с 1582 по 1621 г. (в 1897 г. она еще находилась в университетской библиотеке в Упсале).

В Риге хранились записи крещеных в книгах рижских церквей св. Петра и Домской за 1657 и 1658 гг., но лишь к 1693 г. ведение метрических записей распространилось и на все церкви Рижского патримониального округа⁶⁰. В церквях городов Курляндии церковные книги появились несколько ранее: в Вентспилсе — с 1636 г., Елгаве — с 1641 г., Лиенае — с 1652 г., Бауске — с 1664 г., Кулдиге — с 1665 г. и Пилтене — с 1661 г. Для всех церквей Лифляндии ведение метрических записей стало обязательным лишь с 1694 г. — со времени введения в Лифляндии шведского церковного закона 1686 г. Кроме ряда хозяйственных

книг, закон обязывал священников вести подробные метрические записи⁶¹. Так как священникам предписывалось также записывать все чрезвычайные события и природные явления в приходе, то церковные книги содержат и много сведений о быте крестьян, неурожаях и других явлениях⁶².

Для экономического обеспечения церквей и их служителей в каждом уезде Лифляндской губернии шведские власти создали в 1650 г. главные церковные попечительства с ландратом во главе. Это учреждение контролировало церковные попечительства при каждой церкви. Основной задачей этих попечительств было содействовать постройке и ремонту церквей и пасторатов, заботиться о правильном поступлении церковных доходов и о том, чтобы помещики не препятствовали посещению церкви крестьянами⁶³.

Шведский период в Лифляндии характеризуется основанием многих разнообразных учреждений — административных, судебных, сословных и церковных, которые в основном сохранились до судебной реформы 1889 г., некоторые же — вплоть до 20-х гг. XX в.

Во всех инструкциях относительно деятельности новых учреждений секретарям и нотариусам поручалось следить за сохранностью писем, протоколов, заявлений и других рукописных документальных материалов. С разрастанием и усложнением делопроизводства возрастал и объем архивов. В середине XVII в. рижский магистрат назначил особого архивариуса (временно), а к концу века архивариус или регистратор числился и в канцелярии лифляндского генерал-губернатора.

Архивы приобретали все большее значение и в политическом отношении. В период войн XVII в. шведские короли не жалели трудов на транспортирование иностранных архивов в виде военных трофеев в далекий Стокгольм. Так поступили Густав II Адольф и Карл X с архивом курляндских герцогов, последний захватил также и польские архивы, а во время 30-летней войны шведские военачальники грабили архивы Германии.

Во время войн на территории Латвии в XVII — начале XVIII в. архив лифляндского гофгерихта эвакуировался из Тарту в Пярну (1656 г.) и в Ригу (1702 г.). Во время Северной войны (1700—1721 гг.) архивы эвакуировались из Риги и Таллина в Стокгольм на почтовых яхтах.

Велика была роль архива лифляндского дворянства во внутренней борьбе феодалов с абсолютизмом Карла XI. На присвоенных и вывезенных им за границу архивных материалах Иоганн Паткуль построил свои обвинительные брошюры против шведского правительства⁶⁴.

За исключением таможенных и финансовых книг, находящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту, основная часть архива лифляндских генерал-губернаторов шведского периода хранится в ЦГИА в Риге. Много рукописных материалов этого архива все же было отчуждено еще в шведское время. Так, генерал-губернатор Юхан Шютте, уехав в 1634 г. в Швецию, захватил с собой большую часть документации, относящейся ко времени его администрации (1629—1634 гг.), то же самое сделал генерал-губернатор Эрик Дальберг (1696—1702 гг.). Официальная документация вместе с частной перепиской и мызными документальными материалами Лифляндии сохранилась как в коллекциях документов Шведского государственного архива, так и в частных архивах шведских магнатов — семей Уксеншерна, Бьельке, Тот, Делгарди, Хурн и др.⁶⁵

Совершенно обеспечить сохранность архивов государственных учреждений шведскому правительству все же не удалось. Так, в 1695 г. из конторы редукционной комиссии в Стокгольме было выкрадено и продано 11 томов переписки. В связи с этим 27 апреля 1695 г. был издан строгий королевский указ, который под угрозой наказания запрещал отчуждать, передавать, покупать или продавать государственные документы. Это был не первый и не последний указ такого рода, так как после пожара королевского замка (1697 г.) много архивных документов попало в частные руки⁶⁶.

АРХИВЫ КУРЛЯНДСКОГО ГЕРЦОГСТВА (1561—1795 гг.)

В резиденции курляндского герцога в Елгаве по образцу канцелярии Ливонского ордена была учреждена герцогская канцелярия во главе с советником и под надзором канцлера. Канцелярские правила от 23 января 1581 г. подробно регламентировали работу секретаря с писарем, ведавшего судебными делами, и другого секретаря с двумя писарями, который ведал административной перепиской на латинском и немецком языках. Правила предусматривали ведение протоколов, составление черновых отпусков, их оформление и запись исходящих писем в книгу «миссив». Тут же перечислялись 10 канцелярских книг регистрации по географическим признакам и отдельным вопросам (польские, литовские и другие судебные дела, особые герцогские дела, администрация Задвинского герцогства, рижские дела, реестр лиц, получивших лены, и др.). Особая книга — руко-

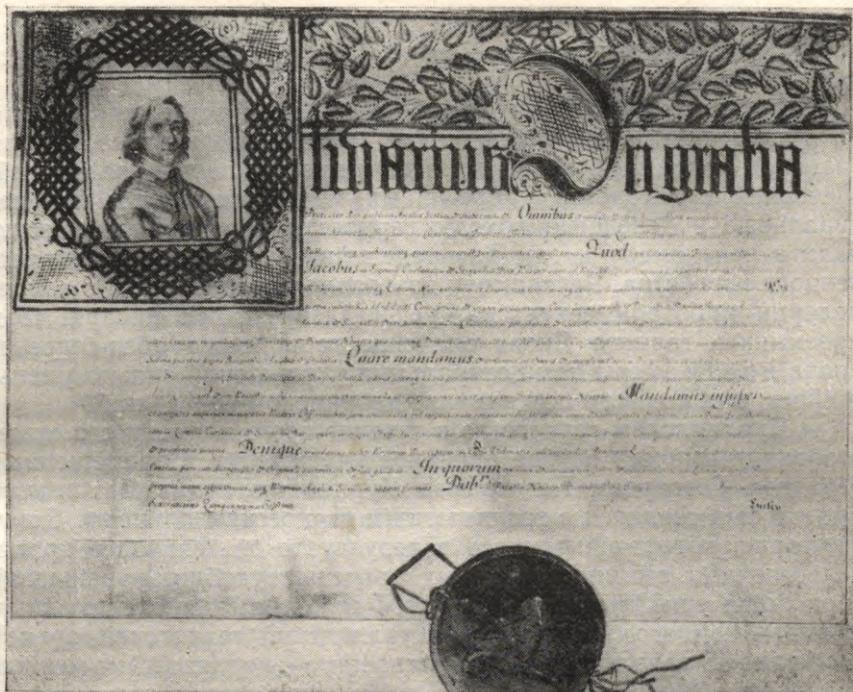

Рис. 7. Договор Кромвеля с курляндским герцогом Яковом о торговле и судоходстве от 17 июля 1657 года

водство для молодых писарей — была посвящена технике составления документов с шаблонами титулатуры владетельных особ. Эти книги хранились в ящике с тремя замками вместе с малой печатью (*secretum minus*); ключи от ящика находились у канцлера и у секретарей. Большая государственная печать (*sigillum majus*) хранилась у герцога или у канцлера¹.

Герцог Яков основал свою канцелярию — обер-секретариат, который стал центральным учреждением герцогства по всем политико-экономическим и хозяйственным вопросам. Через эту канцелярию шла вся переписка герцога с чиновниками его доменов, на поставки и доходы которых в основном содержались двор и весь государственный аппарат герцогства. Тут же была сконцентрирована переписка герцога с его торговыми агентами и представителями за границей, с иностранными владельцами и родственниками. Здесь же разрабатывались герцогские проекты

организации торгово-промышленных предприятий, колоний и т. п., пересылавшиеся затем для реализации в казначейство (ренткамеру).

Из учреждения для управления доменами ренткамера стала высшим финансовым учреждением герцогства, которое ведало учетом доходов и расходов доменов и промышленных заведений, торговлей, судоходством, пошлинами, монетным двором. Все натуральные и денежные доходы герцогских предприятий поступали в ренткамеру и там распределялись на нужды государственного хозяйства. Ренткамеру возглавлял рентмейстер, а в канцелярии работали секретарь, регистратор и три писаря. При преемниках герцога Якова значение герцогского обер-секретаря и ренткамеры как центральных учреждений сильно уменьшилось; они подпали под влияние дворянской олигархии².

В Курляндском герцогстве в течение всего времени его существования имелось особое архивное учреждение. Перемещенный герцогом Готгардом Кетлером в Курляндию архив Ливонского ордена был соединен с возникающим герцогским архивом. Документация, которая скопилась в результате деятельности правительственных, административных и высших судебных учреждений герцогства за 234 года (1561—1795 гг.), совместно с семейным архивом герцогов образовала Курляндский герцогский архив³.

Архивом заведовал особый чиновник — архивный и ленный секретарь (Archiv-und Lehnsekretär), что указывает на феодальный в основном характер документации. В XVIII в., с расширением архива, там уже работали 2—3 чиновника — помощники первого архивариуса (Sub-Archivarius, Adjunkt)⁴. Во время правления герцога Якова архив находился при обер-секретариате и имел особую печать «Sigillum Archivi Ducatus» для заверения копий архивных документов.

В 1643 и 1696 гг. архивариусы Фабрициус и Фриген разработали для архива особую тематическую схему и составили алфавит на 75 листах. В 1660 г. архивные материалы хранились в нумерованных бочках, ларцах и ящиках, которые обозначали по внешним признакам (например, широкий ларец, обтянутый кожей, с круглой крышкой, белый ларец с двумя замками и т. п.)⁵. Определив в 1677 г. воспитателя своего сына Георга Стефани архивариусом и ленным секретарем, герцог Яков назначил ему высокое жалованье, предоставил квартиру в замке и поставил рангом непосредственно за обер-секретарем. В то же время в замке для хранения архива была выделена особая камера⁶.

Судьба архива была тесно связана с военно-историческими событиями. Захватив в 1621 г. город Елгаву, Густав II Адольф велел перевезти оттуда в Стокгольм весь герцогский архив

(включая архив Ливонского ордена). После заключения Штумсдорфского мирного договора (1635 г.) герцогский архив был возвращен в Елгаву.

Когда в 1658 г. генерал-фельдмаршал Лифляндии Р. Дуглас захватил Елгавский замок и пленил герцога Якова с семьей, он особое внимание велел обратить на оружие и архивные документы. Собранные в замке документы шведы в 9 ящиках и 4 бочках отвезли в Ригу, оттуда после просмотра часть их была отправлена в Стокгольм. По некоторым сведениям, сугубо секретные документы герцогские слуги все же сумели скрыть от шведов⁷. После заключения Оливского мирного договора в 1660 г. документы были возвращены.

После победы Карла XII над русско-саксонскими войсками в июле 1701 г. герцог Фердинанд спасся бегством в Гданьск, приказав елгавскому почтмейстеру перевезти туда же часть герцогского архива. В интересах сына, малолетнего герцога Фридриха-Вильгельма, герцогиня Елизавета-София велела советнику Христиану Лау задержать архивные материалы в Клайпеде, откуда их перевезли в Кенигсберг⁸, где они хранились до 1712 г., когда были возвращены в Елгаву⁹.

В июле 1701 г. Карл XII переслал из Елгавы в Ригу весь оставшийся герцогский архив и библиотеку¹⁰. Генерал-губернатор Э. Дальберг назначил в августе особую комиссию для разборки и инвентаризации архива и библиотеки. Описи, составленные комиссией, в ЦГИА не обнаружены. В переписке с Дальбергом комиссия указывала на трудность разборки архива из-за отсутствия старых описей и отказалась от ответственности за сохранность архива в нумерованных и частично развалившихся ящиках¹¹.

Хотя Петр I в 1710 г. и разрешил вернуть курляндский архив герцогу Фридриху-Вильгельму, но вследствие смерти последнего (в 1711 г.) архив остался в Риге. В 1735 г. курляндское правительство ходатайствовало о выдаче архива перед императрицей Анной Иоанновной, но лишь в 1738 г. Эрнсту Бирону удалось вернуть архив в Елгаву и одновременно получить некоторые курляндские архивные материалы из Стокгольма¹².

В судебном доме в Елгаве герцогский архив хранился почти 35 лет под надзором двух архивных секретарей. Когда в 1772 г. в новоотстроенный елгавский дворец переехало правительство и ренткамера, туда же под дворцовую часовню на первый этаж левого флигеля дворца был 12 августа перемещен и архив. При перестройке часовни в 1776 г. на архив обрушился потолок, и он вместе с обломками стен провалился в подвал, откуда архивные материалы были с трудом извлечены. Во время пожара дворца в декабре 1788 г. архивные материалы были выброшены на

дворцовую площадь, а затем перевезены в здание Петровской академии; при этом много ценных грамот погибло от огня и воды или было расхищено во время перевозки из развалившихся ящиков¹³. Часть этих документов была затем возвращена в герцогский архив наследниками умершего канцелярского советника Слефогта¹⁴. В 1789 г., прослужив в архиве 32 года, Иоганн Неймбтс писал, что теперь ему придется в пятый раз братья за упорядочение сильно расстроенного архива¹⁵.

Пилтенский округ после упразднения Ливонского ордена не был присоединен к Курляндскому герцогству. За исключением времени с 1661 по 1717 г., когда этот округ входил в состав герцогства, он имел свое особое управление и собственный архив.

За пределами Курляндского герцогства оставался в 1560—1609 гг. также Гробиньско-Лиепайский округ. Он в течение почти 50 лет находился под управлением прусских чиновников. Вся делопроизводственная документация округа попала поэтому в Прусский государственный архив в Кенигсберг, где и хранилась до Великой Отечественной войны; в настоящее время она находится в Гёттингене¹⁶.

АРХИВЫ ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В 1710 г. Петр I завершил завоевание Ингерманландии, Эстляндской и Лифляндской губерний, а Ништадтским мирным договором от 30 августа 1721 г. эти области были присоединены к России. Указом 1713 и 1714 гг. определялась организация Рижской губернии, а присоединением к ней Дерптского уезда в 1727 г. фактически была восстановлена Лифляндская губерния в границах шведского периода. После присоединения в 1783 г. Слокского округа, отторгнутого от Курляндского герцогства, Лифляндская губерния в таком виде с ее латышско-эстонским населением сохранилась вплоть до 1917 г.¹

В Лифляндской губернии были сохранены учреждения шведского периода, причем местные феодалы добились восстановления своих сословных учреждений, упраздненных Карлом XI в 1694 г.² В документе капитуляции города Риги, в «аккордных пунктах» и в Ништадтском мирном договоре оговаривались сословные привилегии и права лифляндского дворянства, рижского магистрата, гильдий и цехов. Латышские и эстонские крестьяне в этих правовых актах не упоминались.

Высшим сословным органом лифляндского дворянства являлся ландтаг, который избирал свои исполнительные органы — пожизненно 12 ландратов и на три года — ландмаршала. В высшем суде — лифляндском гофгерихте заседали 4 ландрата, в каждом уезде один ландрат являлся главным церковным попечителем, который назначал приходских церковных попечителей из местных дворян-землевладельцев. Дворянство избирало одного ландрата светским президентом консистории и двух светских ассессоров; члены орднунгсгерихта и земского суда также выбирались ландтагом. Таким образом, вся судебная власть и церковная организация губернии перешли в руки сословно-выборных органов дворянства; под его влиянием оказалась и администрация. Коллегия ландратов стала совещательным учреждением при генерал-губернаторе, а два регирунгсрата из этой коллегии управляли делами его канцелярий совместно с вице-губернатором.

Канцелярия генерал-губернатора, называвшаяся по штатам 1728 г. губернской канцелярией («General-Gouvernement»), сохранила во многом организацию шведского периода. По-прежнему канцелярия делилась на два отдела — русский (вместо шведского) и немецкий, которыми непосредственно руководили секретари. В немецком отделе канцелярии значились архивариус, два канцеляриста и два копииста (переписчика), в русском — 6 копиистов и 2 переводчика. Обязанностью архивариуса было «готовить по данным и отправлениям делам верный и порядочный реестр и от ежедневного отправления журнал, который по все субботы губернатору подается». В архивных документах архивариус фигурирует с 1714 г.³

В России термины архив и архивариус ввел Петр I в 1712 г. Прежде всего для вновь учрежденных государственных коллегий, их канцелярий и контор был издан в 1720 г. «Генеральный регламент или устав». В особой главе предусматривалось устройство хранилищ документов — архивов, в которые канцелярия по прошествии трех лет сдавала оконченные дела архивариусу под расписку. В наказе губернаторам от 1728 г. в каждой губернии предусматривалось создание двух центральных архивов — архива губернского управления и архива городского самоуправления; в эти архивы должны были сдаваться «оконченные и старых лет дела». Однако такую концентрацию ведомственных архивов царское правительство не смогло осуществить ни в центре, ни на местах, и при каждом учреждении образовался свой архив⁴.

Наказ губернаторам от 1728 г. предусматривал складывать архивы в «особливое безопасное место». Указ 1736 г. предписывал «для старых дел на архивы построить во всех губерниях и провинциях, где нет каменных палат, по две палаты каменные, от

деревянного строения не в близости, с своды и полы каменными, и с затворы и двери и решетки железными, из которых бы одна была на архиву, а другая на поклажу денежной казны»⁵; на старые и оконченные дела указ предписывал составлять описи. Смысл этого указа сходен с инструкциями шведским генерал-губернаторам Лифляндии от 1644 и 1645 гг.⁶ По указу Сената от 1768 г. в архивариусы следовало определять людей «трезвых и неподозрительных», начальникам учреждений вменялось в обязанность производить ежегодную ревизию архива⁷.

Перестройка государственных учреждений в Лифляндской губернии не сопровождалась столь крутой ломкой прежней системы управления, как во внутренних губерниях России. В Лифляндии в основном применительно к новым условиям были сохранены или восстановлены учреждения шведского периода. В канцелярии генерал-губернатора имелся архивариус, в других губернских и уездных административно-судебных учреждениях его функции выполняли обычно секретари. В этих реорганизованных учреждениях складывались свои, новые текущие архивы или регистратуры.

Пренебрежительное отношение новой губернской администрации к старым архивам отразилось на судьбе архива лифляндских генерал-губернаторов шведского времени. Архив этот, уложенный в 20 ящиков, с 1710 г. был свален в подвалах Рижского замка, и о нем успели основательно забыть. Тем не менее архив не утратил свой справочный характер, и с 1731 г. стало поступать все больше запросов как от частных лиц, так и от Сената и Юстиц-коллегии (1732 г.). Отказ в выдаче справок мотивировался тем, что во время осады Риги и чумы архив в большом беспорядке в больших ящиках был сложен в темном подвале замка.

В 1731 и 1732 гг. генерал-губернаторская канцелярия в мемориале Сенату обосновала невозможность переместить, разобрать и описать документацию архива шведского времени без ассигнования средств на принятие добавочных чиновников. Лишь 6 марта 1735 г. сенатский указ предписал принять на службу на один год архивариуса и двух писарей для упорядочения и описания старого генерал-губернаторского архива и этим устранить препятствие к получению справок Сенатом и государственными коллегиями. Хотя уже в августе 1735 г. экстраординарный архивариус приступил к разборке и описанию документов архива, но за год-два такую работу невозможно было закончить. И так как жалобы коллегий не прекращались, Сенат указом от 12 декабря 1737 г. велел учредить постоянную должность нотариуса с жалованием архивариуса в 175 рейхсталеров в год для упорядочения этого архива.

В течение 20 лет архивариус Энkvист разобрал и систематизировал в хронологическом порядке все частные акты архива, составив на них алфавитную опись в четырех томах, а на королевские письма и резолюции (1634—1708 гг.) — подробную опись в двух томах на 853 листах⁸. Работа эта постоянно прерывалась составлением исторических справок и переводом документов со шведского языка как для центральных, так и для местных правительственных учреждений. По предписанию Коммерц-коллегии Энkvист подобрал 26 дел рижской таможни 1673—1700 гг. для передачи в канцелярию рижского обер-инспектора. Юстиц-коллегия требовала присылки сведений о постановлениях шведского риксдага, касавшихся редукций. Последний архивариус Гартен (Harten) должен был в 1766 г. составить для Сената засвидетельствованные копии всех прав и привилегий, на которых основывалось местное судопроизводство, взимание налогов и поддержание порядка, а также копию шведского земского и городского прав 1709 г. Для регирунгсрата Кампенгаузена был составлен список всех шведских генерал-губернаторов.

Непосредственная работа архивариуса ограничивалась составлением реестров к некоторым томам писем королевских коллегий. К концу 60-х гг. XVIII в. архив шведских генерал-губернаторов в общем и целом был упорядочен, поэтому архивариус Гартен смог дать краткие суммарные сведения о содержании архива:

1) королевские письма, резолюции и предписания 1634—1709 гг. в 28 томах с описью в двух томах;

2) отношения королевских коллегий и комиссий 1660—1696 гг. в 8 томах с краткими алфавитными реестрами на шведском языке к каждому тому;

3) частные акты за 1489, 1500, 1618, 1619, 1621—1709 гг. с описями в четырех томах;

4) дела военные, экономии, консистории, академии, рыцарства, почты и казначейства за многие годы хотя и разобраны, но не описаны.

Рижский генерал-губернатор Ю. Ю. Броун считал особое управление для архива шведского времени излишним, поэтому со смертью архивариуса Гартена рижское наместническое правление постановило 10 декабря 1786 г. упразднить эту должность, архив же был отдан под надзор архивариуса немецкой экспедиции наместнического правления⁹.

Таким образом, после 25-летнего хранения в подвалах Рижского замка (1710—1735 гг.) архив шведских генерал-губернаторов за 50 лет (1735—1786 гг.) был упорядочен и описан. С упразднением самостоятельного управления шведский архив стал

составной частью архива Лифляндского губернского правления и вскоре был водворен в чердачное помещение Рижского замка, где подвергся постепенному уничтожению и расхищению¹⁰.

Лифляндский генерал-губернаторский архив шведского периода имел с 1735 по 1786 г. свое особенное архивное управление с собственным архивариусом; через 36 лет сенатским указом от 4 марта 1771 г. архивариус был назначен и для эстляндского генерал-губернаторского архива в Таллине¹¹. Управление провинциальными «мертвыми» или историческими архивами особыми архивариусами было вызвано чисто практическими соображениями — центральным правительственным учреждениям России необходимы были справки относительно прежнего устройства прибалтийских губерний в шведский период для правильного управления, а затем и реорганизации их строя. Когда «мертвый» архив терял свой справочный характер, архивариус упразднялся, а архив присоединялся к архиву действующего учреждения. В Риге это произошло в 1786 г., когда реформы правительства Екатерины II в Прибалтике в основном были закончены.

Небрежное отношение к архивным материалам, их размещение в подвалах и на чердаках, а также стихийные бедствия вызывали массовую гибель исторических документов. Условия уездных городов Лифляндской губернии были особенно неблагоприятны для сбережения документов. Архивы городов Цесиса и Валмиеры сохранились лишь с 80-х гг. XVIII в. В огне пожара 1748 г. в Цесисе сгорели городской архив, а также архивы цесисского орднунгсгерихта и ландгерихта, при этом погиб и секретарь последнего. Городской архив Валмиеры и архивы судов погибли во время пожаров города в 1772 и 1774 гг.¹²

В XVIII в. от пожаров сильно пострадали города Слока, Лимбажи, Екабпиесте и Яунелгава. Древний городской архив Даугавпилса погиб в 1795 г. при пожаре во время нападения на город польских конфедератов. Во время пожара ратуши в Кулдиге в 1847 г. погибла часть старого архива городского магистрата.

Несколько лучшими условия хранения архивов были в губернском городе Риге, хотя и здесь не удалось обеспечить полную сохранность документов рижского магистрата. Во время бомбардировки Риги в 1710 г. городской архив был размещен в подвалах и других безопасных местах. Первой задачей принятого в 1716 г. городского архивариуса Петера Шивельбейна было привести в порядок архив, недоступный для пользования. Разбирая документацию архива, Шивельбеин заинтересовался историей и во многом помог Иоганну Арндту в составлении собрания ливонских хроник. Когда архивным секретарем стал Мельхиор

Видау, он первый привел в порядок реестры внешнего городского архива и первый ввел термин «внешний» архив¹³. В 1775 г. М. Видау сдал обер-секретарю составленные им ранее реестры на документы внутреннего архива в двух томах¹⁴.

Во время строительства новой ратуши в Риге в 1750—1765 гг. городской архив был перемещен в сводчатое помещение временной ратуши. В новопостроенной ратуше внутренний архив был размещен в сводчатом помещении рядом с комнатой заседания магистрата. В этом помещении архив хранился и после упразднения магистрата в 1889 г.

По примеру шведского времени, рижский магистрат в 1761 г. восстановил должность особого архивариуса. Новый архивариус Иоганн Беренс (1730—1792 гг.) систематизировал в 1766 г. документацию внутреннего архива по столетиям и разместил ее в жестяных ящиках. Беренс издал первую в Прибалтике печатную опись на архивные материалы: в 1780 г. он, будучи уже ратманом, опубликовал опись (неполную) внутреннего городского архива за 1220—1576 гг.; опись была посвящена австрийскому императору Иосифу II по случаю его проезда через Ригу под именем графа Фалькенштейна¹⁵. Этим изданием Иоганн Беренс хотел заручиться поддержкой императора в защите привилегий города Риги перед Екатериной II¹⁶. Все же должность особого городского архивариуса была опять упразднена в 1771 г., когда И. Беренс стал членом рижского магистрата. Городской архив вновь поступил в ведение архивного секретаря.

В 1786 г. известный историк Иоганн Бротце по поручению магистрата скопировал все подлинные грамоты внутреннего архива, снабдив их немецким переводом. Затем, за время до 1807 г. последовало еще три тома с копиями документов внешнего архива¹⁷.

Третьим крупным архивом в Риге в XVIII в. являлся сословный архив лифляндского дворянства (рыцарства).

Дом дворянства был разрушен во время бомбардировки Риги в 1710 г. В 1725 г. русское правительство предоставило дворянству здание около монастыря, а в 1752 г. дворянство купило вице-губернаторский дом около церкви св. Якова. После 1710 г. архив дворянства хранился на квартире секретаря и лишь в 1737 г. был перемещен в дом дворянства. В 1769 г. подвальное помещение дома было осушено, а окна снабжены решетками — помещение приспособили к хранению архива.

Секретарь дворянства вел протоколы заседаний ландтагов, ведал всей перепиской, докладывал очередному ландрату входящую корреспонденцию и представлял ему архивные материалы по текущим вопросам. Секретарь был обязан держать архив в

порядке и следить за тем, чтобы нотариус регистрировал архивные материалы. Согласно присяге избранного на ландтаге 1747 г. секретаря И. Вольфа он обязался всемерно заботиться о дворянском архиве, без ведома ландратов и ландмаршала не выдавать никому ни подлинных документов, ни копий, никому не сообщать содержание документов, не разглашать секретные обсуждения¹⁸.

При уходе секретаря он сдавал архив своему преемнику по описи. Устав ландтага от 1742 г. требовал составления сдаточной описи архива в трех экземплярах, один из которых хранился у ландмаршала, другой — у старшего ландрата, а третий — в архиве. Эти правила не всегда соблюдались: так, секретарь Э. И. Мек принял архив от своего предшественника без описи, которую сам составил лишь к 1759 г. После смерти Г. В. Будберга ландтаг в 1769 г. разрешил передать архив новому секретарю по описи 1759 г., но в присутствии двух ландратов и двух уездных дворянских депутатов.

Секретарь и нотариус дворянства, занятые текущей работой, мало заботились об архиве. Неупорядоченное состояние канцелярии и архива, в свою очередь, затрудняло делопроизводство. Поэтому в 1735 г. ландрат И. Б. Кампенгаузен настаивал на упорядочении архива. По его предложению за особую плату были проведены работы по снабжению протоколов и дел указателями, а черновики исходящих писем были переписаны и переплетены погодно в книги. Работа эта была начата в 1736 г., но в 1737 г. еще не была окончена вследствие ухода лица, которому была поручена.

Еще во время осады Риги войсками Б. П. Шереметева ландмаршал 14 февраля 1710 г. освидетельствовал архивные материалы канцелярии дворянства. Были составлены два списка — общий с перечнем всей документации, включая протоколы ландтагов 1668—1690 гг. и дел к ним (1690, 1692—1693 гг.) в 28 номерах, и, кроме того, второй список с подробным перечислением всех привилегий дворянства с 1449 по 1691 г. в 36 номерах¹⁹.

После присоединения к России в архив лифляндского дворянства начали поступать документы Иоганна Паткуля. Дворянство начало заботиться о собирании документов вожака своей фронды против Карла XI, которого оно в свое время выдало с головой тому же Карлу XI. В декабре 1710 г. архиву было передано дело о процессе И. Паткуля в Стокгольме, в 1714 и 1721 гг. вице-президент гофгерихта сдал в архив письма и документы Паткуля, полученные им из Любека в 1711 г. В 1731 г. архив получил архивную опись от 23 апреля 1692 г. с подписью И. Р. Паткуля. В 1710 г. зарегистрировано сообщение, что фельд-

маршалу Я. Г. Флемингу известно местонахождение рукописей Паткуля.

Комплектование архива лифляндского дворянства происходило и за счет других материалов, при этом рыцарская касса не скупилась на вознаграждения. В 1710 г. ландрат Альбедиль сдал архиву грамоту орденского магистра Фюрстенберга (1560 г.) и книгу привилегий лифляндского и эстляндского рыцарства; в 1717 г. были получены универсалы Петра I для Эстонии (1710 г.), 38 патентов, корпуса привилегий города Риги (1669 г.) и лифляндского рыцарства (1690 г.); ландрат Рихтер сдал документы польской ревизионной комиссии (1599 г.). За 200 рейхсталеров ландрат Клодт вернул архиву подлинные королевские резолюции 1697—1698 гг. В 1713 г. бывшему секретарю Вилькену было предложено вернуть в архив протоколы дворянских конвентов, отчет депутации в Петербург и доклад о терциальных и грациальных имениях. В 1727 г. от бывшего ландмаршала Тартуского уезда потребовали сдать в архив постановления ландтагов, резолюции и официальную переписку этого уезда за время, когда он не входил в состав Лифляндской губернии²⁰. Наконец, в 1759 г. по постановлению ландтага у вдовы юстиц-советника Глюка было приобретено за 400 рублей рукописное собрание со многими редкими ливонскими документами.

Во второй половине XVIII в. дворянский архив в Риге считался уже надежным и безопасным местом, куда помещики могли также сдавать на хранение свои документы. В 1769 г. на временное хранение в архив были сданы мызные архивы имений Ранка, Салиена, Кусены, Лубея и Меддула, а в 1781 г. архивы имений Сунтажи и Царникава²¹.

В XVIII в. в кругах господствующего дворянского класса пробудился известный интерес к своему прошлому, в первую очередь к своим социально-экономическим и политическим привилегиям. Издание таких документов стало тем более актуальным, что Екатерина II со дня вступления на престол не скрывала своего намерения при первом удобном случае покончить с остзейской автономией²². Секретарь дворянства Г. В. Будберг в течение 10 лет собирал в архиве документы, составлявшие, по его мнению, ядро архива, и знание этих документов было необходимо каждому дворянину. План издания документов в трехтомнике по подписке был одобрен ландтагом в 1769 г. Ландтагом была уже назначена комиссия для рассмотрения плана публикации документов, но ввиду смерти Будберга это издание не было осуществлено²³.

В документах архива дворянства полнее всего нашла отражение история латышского народа в XVIII в., эксплуатация

крестьян и особенно крестьянские волнения и восстания этого века. Но эта документация держалась в архиве под спудом, и публикация ее стала возможной лишь в XX в.²⁴

В XVIII в. правительство смотрело на старые архивы Прибалтики лишь как на оперативный справочный материал, господствующие же классы — немецкое дворянство и бюргерство находили в своих архивах оружие для политической борьбы в защиту своих сословных привилегий.

АРХИВЫ ЛИФЛЯНДИИ, КУРЛЯНДИИ И ЛАТГАЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

После подавления крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. Пугачева в Российской империи началась реорганизация местных административно-судебных учреждений. Основой преобразования стал закон от 7 ноября 1775 г. «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи». В этом законе последовательно проводились идеи о строгом разграничении административной, судебной и финансовой власти¹.

Предварительные шаги к преобразованию всего дела управления в Прибалтике начались с конца 1782 г. Указом от 3 декабря Рижская губерния была отделена от Ревельской, а 15 мая 1783 г. к губернии была присоединена от герцогства Курляндского узкая полоса земли между нижним течением Лиелупе и Рижским заливом (Слокский приход). Указом от 3 июля 1783 г. Рижская губерния была разделена на 9 уездов и было объявлено о введении всех учреждений, предусмотренных положением о губерниях 1775 г.²

Рижское наместничество было торжественно открыто 29 октября 1783 г., о чем генерал-губернатор объявил патентом от 4 ноября, а Сенат — указом от 15 ноября. Для новых учреждений в Рижском замке была возведена особая пристройка на месте шведского цейхауза³. В уездных городах Рижского наместничества судебные учреждения были организованы в первые числа ноября 1783 г.

Генерал-губернатор Ю. Ю. Броун получил в управление два наместничества — Рижское и Ревельское, а постоянное местопребывание имел в Рижском замке. В качестве главнокомандующего генерал-губернатор в первую очередь ведал военным управлением, а в пограничной Рижской губернии — частично и внешними сношениями. Генерал-губернатор имел двух адъютантов и свою собственную канцелярию во главе с секретарем⁴. Через

подчиненное ему наместническое правление он влиял также на гражданское управление.

Губернатор или правитель стал непосредственным начальником губернии, ведал гражданской администрацией и отчасти судом, возглавлял наместническое (или губернское) правление, председателем которого был генерал-губернатор. С ликвидацией почти всех центральных коллегий их функции перешли к губернским палатам. В связи с этой децентрализацией и с ослаблением прав Сената генерал-губернаторы и губернаторы, непосредственно подчиненные верховной власти, приобрели широкие полномочия и большую самостоятельность.

Наместническое правление являлось главным органом губернской администрации и как первенствующая палата было поставлено над всеми учреждениями губернии для общего руководства и надзора за ними. Кроме генерал-губернатора и губернатора, в это коллегиальное учреждение входили два советника, назначавшиеся Сенатом. Губернское правление управляло именем верховной власти, обнародовало законы и распоряжения правительства, следило за их исполнением. В его руках сосредоточивалась власть полицейская и некоторая доля судебной, и под его наблюдением находился личный состав губернского аппарата⁵.

Губернское правление осуществляло свои функции через канцелярию, которая состояла из русской и немецкой экспедиций. Каждой экспедицией руководил секретарь с регистраторами, протоколистами, переводчиками и другими канцелярскими служителями. В обеих экспедициях был свой архив с архивариусом. При губернском правлении числились губернский архитектор, землемер и механик. В марте 1786 г. была назначена особая комиссия для разбора архива бывшей генерал-губернаторской канцелярии, которая выявила список неоконченных дел. Для возобновления этих дел предоставлялся трехмесячный срок, после чего дела сдавались на хранение в архив.

Приказ общественного призрения Рижского наместничества был открыт 20 февраля 1784 г.; он возглавлялся губернатором, в состав его входили заседатели от губернских сословных судов. Приказ заведовал местными школами, госпиталями, сиротскими домами, приютами, работными и смирительными домами: Располагая значительными средствами, приказ выдавал ссуды помещикам под залог их имений⁶.

Итак, административно-полицейские функции осуществлялись в губернии губернатором, губернским правлением и приказом общественного призрения, а в уезде — нижним земским судом с капитан-исправником и городничим.

Высшим финансово-хозяйственным органом Рижского намест-

ничества была казенная палата. Председателем палаты был вице-губернатор, а членами — директор экономии, советник, два ассессора и губернский казначей. Канцелярию составляли три секретаря, бухгалтер, архивариус и др. В 1790 г. делопроизводство палаты осуществлялось с помощью четырех экспедиций (дирекция экономии, таможенная, губернского казначейства и строительная). Главной задачей казенной палаты было руководство податным делом, составление отчетности о приходе и расходе денежных средств, учет податного населения. Палате подчинялись 9 уездных казначейств, непосредственно ведавших поступлением государственных доходов. К функциям палаты относились также управление государственными имениями и лесами, строительство и ремонт казенных зданий⁷.

Многообразна была система местных судов в Рижском наместничестве. Высшими судебными органами губернии были палата уголовного суда и палата гражданского суда. Обе палаты являлись апелляционной и ревизионной инстанциями для всех нижестоящих судов, а для крупных уголовных и гражданских дел — первой инстанцией. Общесословный совестный суд рассматривал дела о преступлениях малолетних, невменяемых и других лиц, дела о колдовстве, он был также третейским судом. Сословными судами для государственных крестьян были верхняя расправа в Риге и нижние расправы в Риге и Цесисе для латышской части губернии. Для дворян были учреждены верхний земский суд и 9 уездных судов, при которых была организована дворянская опека во главе с уездным предводителем дворянства. Для городских сословий — купцов, мещан и ремесленников — высшей инстанцией был губернский магистрат, которому подчинялись все городские магистраты.

Контроль над деятельностью всех административно-судебных учреждений осуществлялся многочисленным штатом прокуратуры. Органы контроля возглавлял губернский прокурор, непосредственно подчиненный генерал-прокурору. Ему подчинялись губернские стряпчие по казенным и уголовным делам, прокуроры и стряпчие при верхней расправе, губернском магистрате и при верхнем земском суде, а также девять уездных стряпчих⁸.

Таким образом, в Рижской губернии в 1783—1786 гг. был создан сложный аппарат со множеством административных, судебных и финансовых органов, предусмотренных законом 1775 г. По штатам Рижского наместничества 1783 г. общее количество чиновников было увеличено в 3,5 раза (368 чиновников вместо 101 по штату 1728 г.)⁹.

По указу 12 марта 1781 г. в каждом новом учреждении наместничества — палатах, судах, магистратах — должен был быть

Рис. 8. Рижская городская ратуша, построенная в 1766 году

свой архив, куда сдавались решенные дела через год по их окончании¹⁰. Особые должности архивариусов по штату 1783 г., судя по Рижскому адресному календарю 1790 г., были созданы в рижском губернском правлении (2) и в казенной палате¹¹, очевидно, были они и в судебных палатах. Согласно патенту от 15 октября 1789 г. в учреждениях, не имевших особого архивариуса, архив поручался секретарю¹².

Рижское губернское правление было вынуждено ввести известное единообразие в делопроизводство многочисленных канцелярий наместничества. Основой при этом служили Генеральный регламент Петра I 1720 г., вновь изданный в Риге в 1784 г., и Учреждение для управления губернией 1775 г.

Патентами 1783 и 1784 гг. рижское наместническое правление установило часы присутствий и время судебных сессий, предписало воздержаться от лишних и незначительных запросов и подтверждений, чтобы не заполнять архивы ненужными бумагами. На совместном собрании наместнического правления, судебных и казенных палат 20 марта 1785 г. под руководством генерал-губернатора и губернского прокурора были уточнены компетенции отдельных учреждений. Всем учреждениям, не исключая городских магистратов, предписано было соблюдать единообразие в

ведении журналов, протоколов и настольных реестров, точно придерживаясь патента от 2 мая 1784 г.¹³

Устав для канцелярий судебных учреждений Рижского наместничества от 15 октября 1789 г.¹⁴ подробно регламентировал их делопроизводство. Перечислялись канцелярские книги и способы их ведения, для чего в конце патента приводились схемы настольного и докладного реестров, архивного реестра, списка штрафных денег и суммарного перечня решенных и нерешенных дел. В присутствии должны были сперва докладываться казенные и общие дела, а затем — частные. Прения и решения судов надлежало записывать в журналы, которые подписывали все члены присутствия, а секретарь прописывал полистно. Журналы снабжались алфавитами и предметными указателями и шивались помесечно. Кроме того, следовало вести книги приговоров, миссивов (копий исходящих писем), шнуровые книги депозитным, пошлинным и апелляционным деньгам, книги аттестатов и др.

В § 9 устава весьма тщательно рассматривались вопросы организации и деятельности архивов. В учреждениях, где не было особой должности архивариуса, архив поручался попечению и надзору секретаря, в то же время члены присутствия должны были обращать должное внимание на порядок и содержание архива. В первую очередь в архиве должны были быть собраны в хронологическом порядке все императорские и сенатские указы, а также распоряжения центральных учреждений России, ежегодно переплетены и снабжены алфавитными или номерными реестрами. На все другие решения, приказы и прошения должны быть заведены дела с внутренней описью и пронумерованием страниц. На все сданные в архив дела ежегодно нужно было завести алфавитный главный реестр (General-Register) с обозначением даты начала и окончания дела в суде и сдачи его в архив; все дела одного года должны быть сложены в архиве на полках с обозначением года и архивного номера. Этот порядок учреждениям рекомендовалось ввести не только с 1790 г., но и за прошлое время, начиная с учреждения наместничества.

* Патентом от 15 сентября 1786 г. наместническое правление напоминало о предстоящей смене выборных сословных членов присутствий и поэтому настоятельно предлагало им привести в порядок текущие дела, как и журналы, реестры и архивы для их правильной сдачи преемникам¹⁵.

Практически губернская администрация заботилась лишь о регистратуре — текущем канцелярском архиве с 1783 г. Вместе с тем дореформенные архивы (1710—1783 гг.) перешли в категорию «мертвых» архивов и стали придатком новых учреждений. В то же время вопрос о размещении старых архивов еще не заос-

трился, так как в уездных городах для новых административно-судебных учреждений были построены или приобретены здания (судебные дома), а в Рижском замке благодаря перестройке шведского цейхгауза получены обширные канцелярские помещения. На строительные работы Екатерина II отпустила генерал-губернатору Ю. Ю. Броуну 20 тыс. рублей и 9 марта 1783 г. советовала ему не стесняться в испрашивании необходимых средств¹⁶. Кроме квартиры генерал-губернатора, в Рижском замке находились наместническое правление, казенная палата, экономическая дирекция, губернское казначейство с их канцелярскими и архивами, а также высшие судебные учреждения губернии¹⁷.

Архивные материалы периода Рижского наместничества (1783—1796 гг.) с течением времени гибли. В ЦГИА в основном имеются лишь фрагменты документации высших и средних судов — палат уголовного и гражданского суда, верхнего земского суда, верхней расправы, совестного суда и губернского магистрата. По сохранившимся материалам видно, что во всех шести судах велись журналы и миссивы, в трех — настоящие реестры и книги приговоров, в двух — дневники (диарии)¹⁸. Гибель архивов нижних расправ, где в первой инстанции разбирались дела государственных крестьян, — большая потеря для социально-экономической истории латышского народа.

После преобразования административно-судебных учреждений в Рижском наместничестве в 1783—1784 гг. правительство Екатерины II приступило к упразднению особых прав остзейского дворянства и городов. Двумя жалованными грамотами дворянству и городам от 21 апреля 1785 г.¹⁹ реформа местного управления Российской империи была завершена. Еще в 1783 г. дворянству Рижской и Ревельской губерний была дана известная компенсация в виде превращения всех ленных имений в вотчины²⁰. Поэтому, несмотря на протесты лифляндского рыцарства и рижского магистрата, жалованные грамоты по указу Сената были введены в жизнь. 14 августа 1786 г. ландратская коллегия была упразднена; 26 августа ландраты сложили свои полномочия и передали все дела губернскому предводителю дворянства. Была составлена родословная книга дворянства Рижской губернии с включением в нее всех неиматрикулированных дворян (ландзасов), 1 октября состоялись выборы губернского и уездных предводителей на новых началах²¹.

Канцелярия и архив лифляндского рыцарства поступили в ведение губернского предводителя дворянства, а 26 октября 1786 г. секретарь К. А. Рихтер объявил, что все документы и отношения, которые ему доверили, находятся в архиве²². За

десять с лишним лет существования новой сословной организации архив остался по-прежнему в ведении секретаря, так как и по жалованной грамоте были предусмотрены дом, архив и секретарь дворянства²³.

Ограничение особых прав рижского магистрата в области торговой политики началось еще в 1765 г. изданием Устава о рижской коммерции, а затем изъятием в 1783 г. из ведения магистрата взимания пошлин. Создание трех податных гильдий купцов пошатнуло положение привилегированных купцов Большой гильдии. Управление городом стало выскальзывать из рук магистрата с организацией в 1785 г. рижской полиции, когда Старый город был разделен на две, а предместья — на три части; во главе полиции стояли городничий, приставы и квартальные.

Протесты магистрата и обеих гильдий против Городового положения 1785 г. не имели успеха; 21 августа 1785 г.²⁴ им был объявлен строгий приказ Сената о немедленном введении Городового положения без всяких отступлений. В октябре 1786 г. состоялись выборы рижского городского головы, старост и депутатов, но лишь 4 января 1787 г. состоялись выборы на судебные должности — двух бургомистров, 12 ратманов и заседателей губернского магистрата, совестного и словесного судов. В январе 1787 г. была организована управа благочиния (или полицейская) в составе городничего, двух приставов и двух ратманов. Наконец, избранием шестигласной думы в феврале 1787 г. городская реформа в Риге была завершена. По жалованной грамоте шестигласная дума вела текущие дела и ведала городским хозяйством. Новый городской магистрат должен был стать чисто судебным учреждением, но в отступление от закона рижский магистрат имел, кроме уголовного и гражданского департаментов, еще коммерческий департамент²⁵. В судебном и административном отношениях магистраты Риги и уездных городов подчинялись вновь организованному губернскому магистрату.

Хотя члены старого рижского магистрата 19 сентября 1786 г. сложили свои полномочия, они продолжали управлять до 8 января 1787 г., когда первенствующий бургомистр сдал городскому голове протоколы и декреты магистрата, судебные книги и архивные реестры²⁶. Часть городского архива была при этом передана новым органам городского управления для справочных целей, но нахождение архива в ратуше при канцеляриях новых учреждений препятствовало его распылению.

Архивы рижских городских учреждений и должностных лиц периода наместничества (1785—1797 гг.) сохранились в ЦГИА почти полностью. Это архивы рижского городского головы, шестигласной думы, трех департаментов городского магистрата, ре-

месленной управы, полиции и словесного суда²⁷. С восстановлением старого рижского магистрата, лифляндское губернское правление предписало городским органам закрыть свое делопроизводство с 1 мая 1797 г. и сдать все дела, архивы и деньги магистрату²⁸. В фондах уездных городов Цесиса и Валмиеры, а также Лимбажи период наместничества представлен небольшим количеством дел местного значения и особо не выделен²⁹.

Городовое положение периода Рижского наместничества имело прогрессивное значение; резкая правовая грань между привилегированными и остальными горожанами была уменьшена. Большая и Малая гильдии в 1786 г. были ликвидированы, а всем свободным людям независимо от национальности и вероисповедания был открыт доступ в городское общество и разрешено заниматься торговлей и ремеслом.

Следствием реформ правительства Екатерины II было прекращение существования немецкого дворянства Прибалтики как особой политической корпорации. Поощряемые Екатериной II (1783 г.) мелкопоместные дворяне и младшие сыновья дворян охотно занимали хорошо оплачиваемые бюрократические должности в многочисленных канцеляриях новых учреждений. Как чиновники они подчинялись правительству и их деятельность контролировалась сверху, в то время как прежде они отчитывались перед избравшими их прибалтийскими дворянами, от которых завесели. Такое положение привело к заметному ослаблению сословно-корпоративного принципа³⁰, что подметил и прибалтийско-немецкий историк, критикуя за это особенно нижние земские суды. Члены этих учреждений, писал он, хотя они и происходили из дворян и были избраны дворянами, чувствовали себя единственно лишь государственными чиновниками и совершенно забывали о своем положении по отношению к правам провинции и к своей корпорации³¹. Для латышских и эстонских крепостных крестьян преобразования екатерининского правительства имели прогрессивное значение, так как новая бюрократия относилась к ним все же более гуманно, нежели остзейские помещики³².

Латгалия по первому разделу Польши в 1772 г. была присоединена к России и переименована в Двинскую провинцию Псковской губернии. Для управления Двинской провинцией в Даугавпилсе была открыта провинциальная контора, во главе которой стоял провинциальный воевода. В Резекне и Виляке были организованы правления уездных комиссаров³³. В состав провинциальной канцелярии входили ассессор, прокурор, два секретаря, протоколист, регистратор, канцеляристы и другие служащие; уездные же канцелярии состояли из канцеляриста, подканцеляриста и двух копиистов.

В 1777 г. Латгалия была разделена на Даугавпилский, Резекненский и Лудзенский уезды и в 1778 г. включена в Полоцкое наместничество. Вместе с тем в уездах были созданы административно-судебные учреждения, предусмотренные законом 1775 г., — уездные суды, нижние земские суды и нижние расправы. В Даугавпилсе, Резекне и Лудзе магистраты и ратуши начали действовать с 1779 г. Согласно жалованной грамоте городам ратуши в 1785 г. были упразднены и заменены шестигласной думой. Были учреждены ремесленные и мещанские управы, словесные и сиротские суды³⁴. Указ Сената от 12 марта 1781 г. предписывал окончить в течение года все нерешенные дела из бывших уездных судов и городских магистратов и сдать их в архив³⁵.

Конец XVIII в. ознаменовался большими переменами в Курземе. Когда в мае—июне 1794 г. на территории Курляндского герцогства проникли отряды польских конфедератов, объявивших об отмене крепостного права, крестьяне районов Гробини и Кулдиги подняли восстание, отказались от выполнения барщины. Хотя крестьянское восстание и было подавлено войсками, перепуганное курляндское дворянство, опасаясь, что крестьяне могут сбросить крепостническое иго, поспешило пойти на подчинение герцогства Российской империи, которая одна могла обеспечить им сильную власть³⁶.

Указом Сената от 15 апреля 1795 г. Курляндское герцогство и Пилтенский округ были присоединены к Российской империи³⁷. Этим закончилось политическое воссоединение исторической территории латышского народа.

Управление новообразованной Курляндской губернии было поручено генерал-губернатору П. Л. Палену. В ноябре 1795 г. губерния была разделена на девять уездов с предписанием ввести там новые учреждения. 28 января 1796 г. произошло торжественное открытие Курляндского наместничества; были созданы все главные административно-судебные учреждения³⁸. Правда, ввиду недавних волнений крестьян не были учреждены нижние расправы, отказались также от крестьянских заседателей в других судах. Организация выборов в городские учреждения и их открытие в восьми уездных городах Курляндии затянулись до сентября 1796 г. С обособленностью Пилтенского округа было покончено упразднением пилтенской ландратской коллегии и учреждением Айзпутского уездного и нижнего земского судов³⁹.

В 1796 г. был опубликован канцелярский устав для судебных учреждений Курляндского наместничества⁴⁰. В общем он был сходен с канцелярским уставом Рижского наместничества от 15 октября 1789 г. Предписывалось ведение тех же журналов, протоколов, реестров и книг. В статьях 41—46 подробно описы-

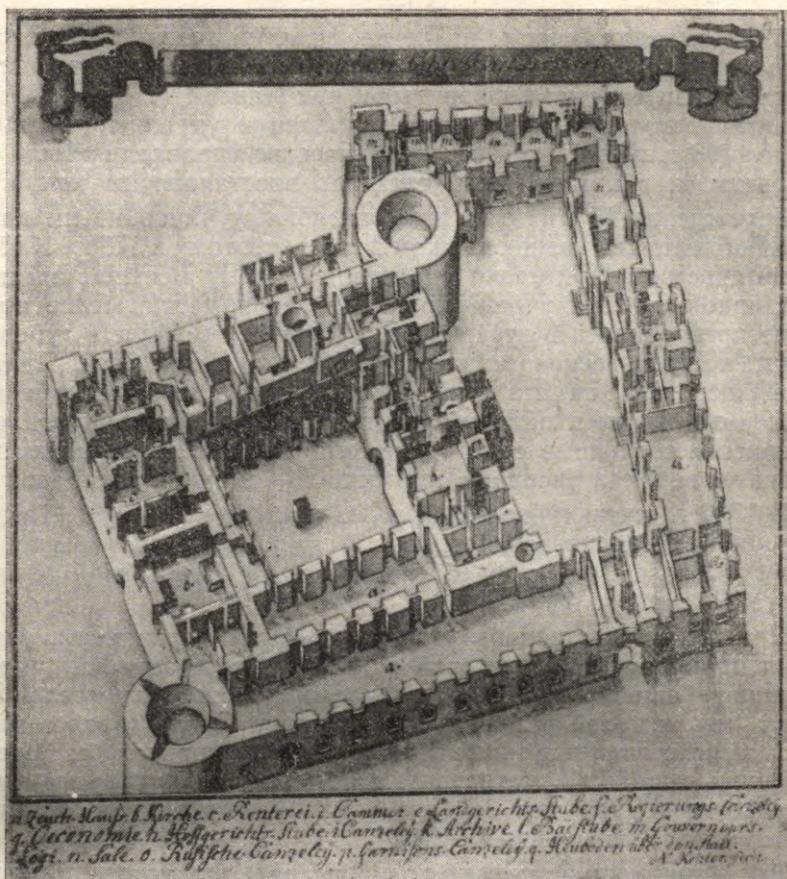

Рис. 9. Перспективный план Рижского замка 1767 года

вались содержание и порядок хранения архива с двумя его отделами — для текущих и для совершенно законченных дел. Во втором отделе архива складывались все законченные дела и книги прошедшего года, снабженные именовым и предметным указателями. При отсутствии для архива отдельной комнаты дела должны были храниться в шкафах под замком, ключи от них находились у архивариуса, который отвечал за сохранность и порядок архива. После окончания заседания архивариус обязан был вернуть все дела и книги в архив; дела выдавались членам суда под расписку.

✓ В противоположность политике децентрализации государственных учреждений и усиления власти на местах, которую проводило правительство Екатерины II, при Павле I (1796—1801 гг.) правительство стремилось к централизации управления. Уже в конце 1796 г. наместники и наместнические управления были упразднены, а в центре были частично восстановлены коллегии.

Учреждения 1775 г. с их многочисленным чиновничьим аппаратом обходились казне слишком дорого, поэтому в 1796—1797 гг. правительство значительно упростило систему местных административно-судебных учреждений. Бывшее наместническое правление превратилось в губернское правление во главе с губернатором, которое всецело зависело от Сената и коллегий. Палата гражданского и палата уголовного судов в каждой губернии были объединены в палату суда и расправы, были упразднены губернские сословные суды — верхний земский, губернский магистрат и верхняя расправа, а в уездах — нижняя расправа.

В 1796 г. число губерний было сокращено с 51 до 37. Так, из Полоцкой и Могилевской губерний была образована одна — Белорусская, а Виленская и Слонимская губернии были объединены в Литовскую и т. д.⁴¹

Приказы общественного призрения были упразднены, равно как и прокуратура, из которой остался лишь губернский прокурор при губернском правлении. Уездный суд стал общесословным судом для жителей уезда, кроме горожан. Число городов было уменьшено созданием заштатных городов. В городах был оставлен лишь городской магистрат, а общие и шестигласные думы упразднились. Нижние земские суды с исправником остались полицейским учреждением уезда⁴².

Эти общегосударственные преобразования управления и суда, осуществленные правительством Павла I, коснулись Лифляндской и Курляндской губерний лишь частично. По трем законам от 28 ноября и 24 декабря 1796 г. и 5 февраля 1797 г. в этих губерниях была восстановлена старая система сословных привилегий и учреждений дворян и горожан, существовавшая до создания наместничества⁴³.

Из общегосударственных учреждений в Лифляндии и Курляндии сохранились лишь губернатор и губернское правление (с двумя канцеляриями — с немецким и русским делопроизводством), губернский прокурор и казенная палата. Приказ общественного призрения был оставлен лишь в Лифляндской губернии, в Курляндской же его упразднили, заменив «Митавским комитетом для бедных». Число уездов Лифляндской губернии было сокращено с девяти до пяти; в латышской части губернии это

выразилось в присоединении к Рижскому уезду Валмиерского, а к Цесисскому — Валкского уезда⁴⁴.

8 декабря 1796 г. рижский военный губернатор К. И. Мейендорф опубликовал разъяснительный патент о восстановлении всех судебных учреждений, существовавших по местным привилегиям до 1783 г. На реституционном ландтаге в январе 1797 г. были избраны члены сословного дворянского управления — ландратской коллегии и конвента, а также судов — гофгерихта, ландгерихтов и орднунсгерихтов. Был восстановлен весь «ландесштат». По сравнению с 1783 г. правительство уменьшило в 1797 г. расходы на содержание административно-судебного аппарата Лифляндской губернии больше чем наполовину⁴⁵, причем и эта сумма еще значительно сокращалась за счет приплат дворянства на содержание судебных мест. Так, по указу Сената от 18 декабря 1797 г. дворянство ежегодно должно было вносить в казну в Лифляндской губернии 33 тыс. рублей, а в Курляндской — 20 тыс. рублей⁴⁶.

Ландгерихты и орднунсгерихты начали свою деятельность 1 мая 1797 г. — последний срок, назначенный Сенатом для восстановления старых учреждений. Лифляндский гофгерихт возобновил свою работу лишь 12 мая. Члены рижского магистрата были избраны еще в конце декабря 1796 г., когда Большая и Малая гильдии также были восстановлены, но к работе старый магистрат приступил лишь 1 мая 1797 г. Лифляндское губернское правление приказало шестигласной думе закрыть свое делопроизводство с 1 мая 1797 г., а рижскому магистрату принять все дела, архивы и деньги упраздненных городских учреждений. В рижский городской архив были сданы на хранение и все дела и книги губернского магистрата и совестного суда⁴⁷.

В городах Цесисе и Валке были восстановлены магистраты. Валмиера и Лимбажи до 1783 г. не имели самостоятельного магистрата, поэтому их жители подлежали уголовной и гражданской юрисдикции ландгерихтов и подчинялись полицейской власти орднунсгерихта. Несмотря на жалобы в феврале 1797 г. этих заштатных городов, губернское правление лишь 23 июня 1798 г. объявило предписание Сената учредить магистраты в Валмиере и Лимбажи по примеру города Валки с предоставлением им полной юрисдикции⁴⁸.

Упразднение и восстановление самоуправления городов Лифляндии имели своим следствием перемещение архивных материалов упраздненных учреждений. Хотя в Лифляндии наместнический строй существовал около 13 лет (1783—1797 гг.), но сведения о перемещении архивов сохранились главным образом по Курляндии, где екатерининские учреждения действовали лишь

около 13 месяцев (ноябрь 1795 г. — декабрь 1796 г.). Елгавская управа благочиния была открыта 3 ноября 1796 г., а уже в феврале 1797 г. городничий сдавал дела и указы упраздненной управы. По приказу Курляндского губернского правления упраздненные учреждения прекращали свою деятельность с 1 февраля 1797 г., когда учреждения, существовавшие до введения наместнического правления, должны были возобновить свою работу.

С восстановлением старого порядка территориальное подразделение Курляндии в сущности не изменилось. Вместо девяти уездов 1795 г. по штатам 1797 г. было образовано 8 гауптманских участков. В Вентспилсе, Дурбе, Гробине, Бауске, Добеле, Салдусе, Кандаве и Скрунде находились гауптманские суды, главной функцией которых был полицейский надзор над крестьянами. Указом Сената от 26 октября 1797 г. гауптманские суды из Скрунды и Салдуса были перемещены в Кулдигу и Яунелгаву. Был восстановлен также Пилтенский округ со своей ландратской коллегией, наделенной административно-судебными функциями. Каждые два гауптманства составляли одно обер-гауптманство с обер-гауптманским судом. Эти суды находились в Елгаве, Селпилсе, Тукуме и Кулдиге и являлись первой инстанцией для судебных дел дворян⁴⁹.

Расходы на учреждения и чиновничий аппарат в Курляндской губернии также были сокращены наполовину. По штатам 1797 г. в Курляндском губернном правлении числился архивариус. В отличие от Лифляндии в Курляндской губернии по этим штатам проходила и консистория, а для лесного управления губернии был издан особый штат, причем возглавлял это управление советник казенной палаты — обер-форстмейстер⁵⁰. Уездные казначейства были упразднены, осталось лишь губернское казначейство в Елгаве⁵¹. Пять уездных землемеров, предусмотренных по штату 1797 г., были упразднены указом от 18 февраля 1800 г.; тем же указом число ассессоров казенной палаты было сокращено с трех до одного, а при губернаторе определен секретарь⁵².

Со сдачей и передачей архивных материалов упраздненными и восстановленными учреждениями в Курляндской губернии началась настоящая чехарда. Еще 8 октября 1796 г. наместническое правление приказало Тукумскому уездному суду сдать тукумскому магистрату из своего архива все дела бывшего обер-гауптманского суда, касающиеся жителей города Тукума; дела предписано было сдать по особой описи. Сенат распорядился восстановить магистраты в тех городах, где они существовали до введения наместничества. Так как Тукум получил права городского самоуправления лишь в 1796 г., губернское правление приказало тукумскому магистрату 20 марта 1797 г. прекратить свою дея-

тельность и передать весь свой архив Тукумскому обер-гауптманскому суду. 22 июня магистрат сдал суду все дела, как полученные в октябре 1796 г., так и дела о собственной деятельности магистрата. Городское самоуправление Тукума было восстановлено указом Павла I генерал-прокурору Сената от 27 октября 1798 г.⁵³ Надо думать, что после этого архив был возвращен городу. Такая трехкратная переброска архивных материалов не пошла на пользу городскому архиву Тукума; в ЦГИА сохранилось лишь минимальное количество тукумских дел (55 ед. хр.).

В уездах Курляндской губернии передача архивов восстановленным учреждениям началась 5 и 6 февраля 1797 г., когда пилтенской ландратской коллегии были сданы архивы Айзпутского уездного и нижнего земского судов⁵⁴. В связи с передачей архивов возникали всякого рода трудности, которые вызывали запросы Курляндскому губернскому правлению, его разъяснения и предписания. Когда Бауский гауптманский суд отказался принять архив Бауского нижнего земского суда, он 10 февраля 1797 г. получил строгий приказ немедленно принять все журналы, миссивы, реестры и другие архивные материалы, находившиеся на хранении у бывшего секретаря нижнего земского суда⁵⁵.

Гробиньский гауптман сообщил 13 февраля 1797 г., что получил дела из упраздненного Лиепайского уездного суда, но за неимением канцелярии не мог принять архив Лиепайского нижнего земского суда. 11 февраля 1797 г. Вентспилсскому гауптманскому суду было предписано принять архив бывшего Вентспилсского уездного суда и дела вотчинного судопроизводства помещиков над их крестьянами⁵⁶. В феврале и мае 1797 г. елгавский и айзпутский городничие сдавали дела полицейских управлений соответствующим городским магистратам⁵⁷.

Дела упраздненных учреждений часто хранились у бывших секретарей, так было и с делами бывшей дворянской опеки, которые приказано было забрать Елгавскому обер-гауптманскому суду у бывшего протоколиста опеки. Когда губернское правление узнало, что дела Кулдингского обер-гауптманского суда хранятся у секретаря, последовало предписание немедленно переместить архив в судебный дом⁵⁸.

Вместе с упразднением учреждений Курляндского герцогства были уволены и три архивных секретаря — Г. Ф. Вагнер, В. Ф. Шиман и И. Ф. Реке. Из них Иоганн Фридрих Реке стал секретарем немецкой экспедиции Курляндского наместничества, а с 1801 г. — советником Курляндской казенной палаты⁵⁹.

Вопрос о помещении для архивов в прошлом всегда оказывался камнем преткновения, таковым он стал и для Курляндского герцогского архива. Курляндскому губернскому казначею потре-

бовались помещения Елгавского дворца, в которых хранился этот архив. 23 марта и 30 июня 1797 г. Курляндская казенная палата потребовала от губернского правления перевода архива в другие помещения и переговоров о назначении чиновника для необходимого использования этого важного архива в будущем. Курляндское губернское правление отношением от 9 июля поставило отделаться отпиской, ссылаясь на перегруженность канцелярской работой; правление соглашалось отпустить лишь копииста, который совместно с чиновником казенной палаты будет руководить перемещением архива в указанное палатой место.

Курляндская казенная палата все же не удовлетворилась этим и представила через губернское правление доклад в Сенат: «... в Митаве находится земский архив, в котором между прочим имеется множество важных документов, касательных не только самой земли, но и в особенности нынешних казенных владений и разных привилегий, и из которого часто от губернского правления, казенной палаты и гофгерихта дела и документы немалой важности требуются; в сем же архиве находятся документы на все курляндские вотчины, как на помещичьи, так и казенные, в которых назначены точные их межи, и по которым следственно можно отвратить всякие о том тяжбы; также торговые договоры между Курляндией и другими державами, и, наконец, преимущественно документы на принадлежащие курляндским герцогам права на разные владения иностранных князей; а между прочим документ на владение островом Тобаго и другими, о коих по нынешнему беспорядку архива не удобно сделать надлежащего описания с достоверностью, могущие быть не только для Курляндии, но и для Российской империи немалой важности: почему палата и признает за необходимость сей архив привести в порядок; на какой конец полагает назначить комиссию, отрядя из тамошних трех высших присутственных мест по одному искусному чиновнику с несколькими числом копиистов»⁶⁰.

Этот краткий обзор архива, вошедший в указ Сената, принадлежит перу советника Курляндского губернского правления И. Ф. Реке, последнего архивного секретаря герцогского архива. Сенат нашел нужным учредить комиссию из представителей Курляндского губернского правления, казенной палаты и обергофгерихта для разборки архива и передачи каждому присутствию дел по принадлежности. На торговые договоры между Курляндией и другими странами, права курляндских герцогов на разные владения иностранных князей и на тому подобные дела Сенат требовал представления особой описи после разбора архива. После резолюции Павла I указ Сената был опубликован 24 октября 1797 г.⁶¹

Курляндское губернское правление, казенная палата и обер-гофгерихт назначили в разборочную комиссию трех баронов — А. Кошкуля, Ф. К. Гейкинга и Г. Х. Людингаузен-Вольфа. Во введении к описи «Герцогского архива в Митаве» работа этих трех представителей дворянства оценивалась следующим образом: «Работа была исполнена крайне спешно и небрежно ввиду настоятельной необходимости очистить часть архивных помещений под казначейство. Например, бумаги, относившиеся к колониям герцогства Курляндского в Африке, были приобщены к материалу, доставшемуся казенной палате в числе дел, касавшихся казенных, т. е. бывших герцогских имений. Мало того, при тогдашнем распределении архива между указанными выше учреждениями прежний порядок был нарушен: разновременные и разнородные бумаги были связаны в одни пачки, и пользоваться архивным материалом для научной цели уже не было возможности»⁶².

Распыление архивов затрудняло их охрану и создавало угрозу архивным материалам, в которых были зафиксированы земельные владения и различные привилегии дворянства. Это отчасти и побудило царское правительство принять меры к концентрации местных архивов. Концентрация предписывалась двумя указами — от 18 февраля 1798 г. и 17 июня 1800 г.: по первому указу все оконченные судебные дела в каждой губернии сдавались в архив губернской судебной палаты; по второму указу все решенные дела административного характера поступали в архив губернского правления, а все дела финансово-экономического рода концентрировались в казенной палате. Таким образом, в каждой губернии предписывалось создать три архива — в губернском правлении, казенной палате и главном губернском суде. Срок сдачи оконченных дел в архиве был предусмотрен трехлетний, как определялось еще Петром I в Генеральном регламенте⁶³. Однако, как указывает И. Л. Маяковский, и эта частичная концентрация оказалась неосуществимой из-за недостатка в помещениях, поэтому материалы либо не сдавались канцеляриями целыми десятками лет, либо сваливались в архивах в кучи, перепутывались, рвались и гибли от сырости и пожаров⁶⁴.

Благодаря размещению главных губернских учреждений Лифляндии в Рижском замке, а Курляндии — в Елгавском дворце, архивам этих учреждений в конце XVIII в. еще не угрожало распыление. Хуже обстояло дело в уездах, где архивы были подвержены всем опасностям, упомянутым И. Л. Маяковским.

В Латгалии преобразования правительства Павла I выразились в восстановлении повятового земского суда, который перенял также функции нижней расправы; нижний земский суд был

оставлен как полицейское учреждение уезда. Сокращая число губерний, Павел I образовал из Полоцкого и Могилевского наместничеств Белорусскую губернию, куда в 1796 г. вошла и Латгалия. При этом Резекненский уезд был упразднен, территория его была разделена между Даугавпилсским и Лудзенским уездами, а город Резекне стал заштатным городом Лудзенского уезда.

Значительная часть архивов Латгалии погибла в 1795 г., в том числе и древний городской архив Даугавпилса.

В 1799 г. в Лудзе был образован общий архив для уездного суда, нижнего земского суда, городничего, уездного казначея, городской думы и магистрата. Такой же общий архив для уездных учреждений существовал в конце XVIII в. и в Резекне⁶⁵.

**Архивное дело в Латвии
в период кризиса
феодално-крепостнического строя
и развития капитализма в XIX в.**

АРХИВЫ ЛАТВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первой трети XIX в. центральные правительственные учреждения Российской империи были перестроены с целью приспособления их к развивавшимся в недрах крепостнического строя буржуазным отношениям. Создание министерств значительно укрепило центральный государственный аппарат и теснее связало местные правительственные и сословные учреждения с центром. В условиях реакционного политического курса Николая I (1825—1855 гг.) в министерствах установилась крайняя централизация распорядительной и исполнительной деятельности¹.

С учреждением министерств (1802, 1811 гг.) вся стройная система местного управления, созданная правительством Екатерины II, постепенно разрушалась. Все местные губернские учреждения вошли в сферу влияния министерств, постепенно централизовавших в своих канцеляриях все обязанности и всю власть внутреннего управления; произошла полная централизация управления — местные учреждения каждого министерства представляли лишь местные инстанции отдельных центральных органов управления.

Когда в 1837 г. было издано положение о губернских правлениях, они уже перестали быть общеправительственными учреждениями губернского управления, а превратились во вторую канцелярию губернатора². На одного из начальников отделений был перенесен титул вице-губернатора, ранее принадлежавший начальнику казенной палаты, переименованному теперь в председателя казенной палаты³. Всеобщим явлением в губерниях стала множественность, дробность и узкая ведомственность архивов. В губерниях не были созданы три главных архива, общим

губернским учреждением же требовалось иметь архив при каждом присутственном месте⁴.

Первая половина XIX в. характеризуется в Прибалтике быстрым разложением феодально-крепостнического строя, что сопровождалось ухудшением положения крестьян. Это, в свою очередь, обостряло классовую борьбу между крестьянами и помещиками. Под впечатлением Каугурского восстания 1802 г. царское правительство приступило к аграрным реформам и в 1804 г. издало Положение для поселян Лифляндской губернии. Затем законы 1817 и 1819 гг. освободили крестьян Курляндии и Лифляндии от крепостной зависимости (освобождение осуществлялось поэтапно и затянулось до 1830-х годов); при этом помещики присвоили себе всю крестьянскую землю.

Неурожаи и голод наряду с жестокой эксплуатацией привели в 1840-х годах к новым волнениям латышских крестьян, после подавления которых было издано крестьянское поземельное уложение 1849 г. Аграрные законы вызвали к жизни систему крестьянских судов — волостных, приходских, уездных, с крестьянским департаментом Лифляндского гофгерихта как последней инстанцией. В Курляндии за волостными судами следовали уездные суды и крестьянское отделение обер-гофгерихта.

Кроме того, был основан ряд комитетов и комиссий по крестьянским делам: Санкт-Петербургский комитет для рассмотрения лифляндских дел (1803—1819 гг.), Рижская и Цесисская ревизионные комиссии (1804—1809 гг.), Валкская межевая и ревизионная комиссия (1809—1823 гг.), Комиссия по введению в действие положения о лифляндских крестьянах (1819—1832 гг.), Комиссия по делам крестьянского положения (1833—1849 гг.), Комиссия для введения измененного положения о лифляндских крестьянах (1849—1860 гг.) и, наконец, Остзейский комитет (с 1846 г.)⁵. Каждое из этих учреждений имело свое делопроизводство и свой архив, причем в ЦГИА сохранилась далеко не вся их документация (в первую очередь это относится к архивам временных комиссий).

До середины XIX в. в Рижском замке были сосредоточены канцелярии и архивы всех главных учреждений Лифляндской губернии — губернского правления, казенной палаты, гофгерихта и консистории. В 1840-х годах в замке разместилась и Лифляндская губернская палата государственных имуществ, которая превратилась в 1859 г. в Прибалтийское управление земледелия и государственных имуществ. В связи с этим там хранились архивы упраздненных Лифляндской и Курляндской палат государственных имуществ.

Рис. 10. Рижский замок с архивной башней

До известной степени Лифляндское губернское правление выполняло требования закона 1800 г. В архиве этого правления хранились, помимо дел собственного делопроизводства, также дела лифляндского губернатора, рижского генерал-губернатора (1710—1783 гг.) и шведского генерал-губернатора, равно как и архивы разнородных упраздненных комиссий и учреждений. В архиве гофгерихта в Рижском замке хранились не только дела этого суда начиная со шведского периода (с 1630 г.), но также архивы всех высших судов наместничества с 1783 по 1796 г. В архиве Лифляндской казенной палаты в замке были сосредоточены также книги ревизий гаков, вакенбухи государственных имений и делопроизводство экономических управлений, начиная со шведского времени.

Все же и в Рижском замке к исходу третьего десятилетия XIX в. начал ощущаться недостаток площади для размещения архивов. Отклоняя в 1828 г. предложение генерал-губернатора Ф. О. Пауллучи о присоединении к старому архиву дел его предшественников, Лифляндское губернское правление описывало плачевное состояние архива шведских генерал-губернаторов. Часть этого архива была размещена на чердаке замка в совершенно непригодных помещениях с выбитыми оконными

стеклами и сгнившими рамами, вследствие чего эти архивные материалы подвергались влиянию непогоды и постепенно гибли. Хотя губернское правление впоследствии и вынуждено было принять в свое ведение архив рижских генерал-губернаторов, двум архивариусам правления явно было не под силу справиться с этой массой архивных материалов, и в первую очередь они занимались упорядочением архивных дел самого губернского правления с 1783 г.⁶

К 1840 г. состояние старого архива Лифляндского губернского правления еще больше ухудшилось. За недостатком помещений этот архив был разбросан в разных местах, отчасти в сырых подвальных и в чердачных помещениях, что препятствовало упорядочению дел.

Главное архивное помещение губернского правления находилось в так называемой Свинцовой (впоследствии получившей название «Архивной») башне Рижского замка. На третьем этаже башни были размещены старые дела немецкой экспедиции губернского правления 1783—1805 гг., а на первом — дела с 1806 г., второй же этаж башни был заполнен делами русской экспедиции правления с 1783 г. В своей докладной записке от 1840 г. губернское правление указывало на то, что вскоре башня не в состоянии будет вместить всю массу документов. При этом правление признало, что не только много документов и книг подвергается разрушению, но что вследствие недостатка помещений и чиновников не представляется возможным упорядочить старый архив и поэтому в делопроизводстве правления часто имели место перебои из-за невозможности разыскать старые дела⁷.

В архиве Лифляндского губернского правления хранились также дела и других ведомств. Отправляясь в поход против неприятеля, воинские части имели право сдавать свои дела губернскому правлению⁸. Например, при выступлении на подавление польского восстания 1830 г., а также и позднее, дела Невского морского полка и 1-й пехотной дивизии были сданы Лифляндскому губернскому правлению. В 1839 г. дела дежурства 1-й пехотной дивизии хранились в шкафах, а Невского полка — в сундуках за печатью и были размещены в сенях, в подвалах и на чердаке Рижского замка. В 1842 г. губернское правление было вынуждено принять дела полковых, бригадных и дивизионного штабов 4-й пехотной дивизии⁹.

И после перестройки Рижского замка в 1842—1844 гг. нехватка помещений для архивов не была устранена. Дела Полоцкого и Витебского егерских полков в 1848 г. были размещены на полу, что при большом количестве дел и частой пересылке от-

дельных книг и дел затрудняло работу архивариусов правления и увеличивало беспорядок в архиве¹⁰.

По случаю продажи портовых зданий на слом шведский архив и старый архив губернского правления вместе с военными архивами в 1849 г. были перевезены обратно в Рижский замок. В 1856 г. шведский архив и военные архивы вновь были размещены на чердаке замка. Когда в 1858 г. была обнаружена пропажа из чердачных помещений около 400 дел, было внесено предложение об устройстве на чердаке более удобного и безопасного помещения для этих архивов; для этой цели инженерным департаментом Военного министерства были отпущены особые средства¹¹.

С 1839 г. Лифляндское губернское правление отказывалось принять в свое ведение архив упраздненного правления V округа путей сообщения (1787—1836 гг.). Наконец, после перестройки Рижского замка в 1844 г. для архива округа было приспособлено чердачное помещение в башне Св. духа (со стороны Даугавы). Лифляндское губернское правление отказывалось принять 16 тыс. дел чужого ведомства по описи, так как на проверку каждого из этих дел и их листажа необходимо было несколько месяцев. В ноябре 1844 г. генерал-губернатор решил, что архив должен быть перевезен и расставлен по полкам чиновниками округа, а описи под расписку — сданы губернскому правлению. Правление XII округа путей сообщения в конце 1844 г. было переведено в город Каунас и в мае 1845 г. выдача справок была поручена чиновникам 1-го отделения правления, хранение же ключей от архивных шкафов — Лифляндскому губернскому правлению, которое обязано было выдавать дела из этого архива под особые расписки. Сохранность этого архива не была обеспечена: в январе 1845 г. было установлено, что окна в башне разбиты, дела пострадали от дождя и снега, на потолке образовались пятна от сырости¹².

После перестройки Рижского замка площадь архивных помещений губернского правления даже сократилась: если ранее оно кроме «Архивной» башни располагало еще двумя подвальными и чердачным помещениями, то в 1844 г. взамен последних получило лишь помещение на четвертом этаже. Поэтому по настоянию губернского правления генерал-губернатор назначил в 1846 г. особую комиссию для рассмотрения вопроса о нехватке у правления архивных помещений. В результате губернскому правлению были отведены комнаты Рижского орднунгсгерихта, архивные помещения на чердаке отгорожены кирпичными стенами, а в башне построены печи¹³. Ревизией 1849 г. было установлено, что новый архив губернского правления (с 1806 г.) был упорядочен, книги снабжены наклейками, архивные реестры составлены до 1831 г., с 1844 г. реестры текущих дел годились и для архива.

В большом беспорядке оказались старые дела правления (1783—1805 гг.), размещенные на третьем этаже башни, где в закрытых шкафах ревизия обнаружила землемерный архив и книги шведского времени¹⁴.

Несмотря на то что лифляндская казенная палата начала требовать архивные помещения с 1832 г., к 1840 г. положение еще более ухудшилось. Дела накапливались в отделениях, вследствие чего ни архив текущих дел, ни архив оконченных дел не могли вестись предписанным порядком, а поиски дел в неупорядоченном архиве были сопряжены с большой потерей времени. Уже после перестройки замка, в 1853 и 1855 гг., палата опять нуждалась в архивных помещениях. В архивохранилище в 1861 г. даже пол был завален делами, поэтому казенная палата отклонила требование принять в свой архив дела, книги и карты, которые еще в 1825 г. были присланы из Швеции¹⁵.

Дела третьего крупного архива — Лифляндского гофгерихта частично были сложены в темном и сыром подвальном помещении, так как комната в замке, предоставленная под архив, не могла вместить всех дел. Во время перестройки Рижского замка в 1842 г. дела из подвала были перемещены в частный дом, при этом порядок в архиве был нарушен — дела шведского периода смешались с делами времен наместничества. Лишь в 1847 г. положение архива гофгерихта улучшилось — в замке архиву было предоставлено дополнительное помещение, приобретены шкафы и полки.

Еще с 1817 г. архивариус начал составлять описи дел гофгерихта с 1797 г., дела же с 1630 г. лежали неописанными. Когда в 1847 г., несмотря на неоднократные запросы генерал-губернатора, не было разыскано дело 1817 г., губернский прокурор провел ревизию архива гофгерихта. Ревизия установила, что для составления описи на 20 тыс. дел (1630—1797 гг.) необходимо нанять особого чиновника, так как архивариус занят текущими работами. С этим не согласился министр юстиции граф Н. П. Панин. В отношении от 9 февраля 1848 г. он писал генерал-губернатору А. А. Суворову: «Ни в одном из судебных мест средней инстанции не полагается в помощь архивариусу не только особого чиновника, но и канцелярского служителя, а потому допущенный в архиве гофгерихта беспорядок, по моему мнению, должен быть отнесен единственно к беспечности и невниманию к исполнению своих обязанностей самого архивариуса»; Панин велел принять нужные меры для приведения архива в полный порядок.

Несмотря на все отговорки, гофгерихт был вынужден нанять для этой цели за счет канцелярских сумм особого чиновника. Так как чиновники канцелярии гофгерихта получали из канцелярских

сумм приплату к жалованью, они не были заинтересованы в содержании добавочного архивариуса за счет урезки своего жалования. В результате работа в архиве не была доведена до конца, и через двадцать с лишним лет дела гофгерихта шведского времени были свалены на чердаке Рижского замка¹⁶.

Основанная в 1841 г. Лифляндская губернская палата государственных имуществ с 1845 г. также находилась в Рижском замке. В 1856 г. было установлено, что за отсутствием помещения в замке часть архива палаты (карты и бумаги) была размещена в городе Валке. Положение еще больше обострилось к 1859 г., когда со слиянием Лифляндской и Курляндской палат в Прибалтийское управление земледелия и государственных имуществ в замке необходимо было разместить новое учреждение с архивами обеих упраздненных палат. Лютеранской консистории ссылкой на свой обширный и важный архив, где хранились имущественные дела церквей и копии церковных (метрических) книг всех приходов Лифляндской губернии, удалось избежать выселения из замка. Прибалтийскому управлению государственных имуществ отвели помещения Лифляндского приказа общественного призрения и квартиру дьякона, которых выселили из замка¹⁷.

Управление намеревалось в 1859 г. разместить архивы Лифляндской и Курляндской палат на чердаке замка; на устройство там перегородок были отпущены особые средства. Главное управление путей сообщения и публичных зданий все же не утвердило чертежей и смет, так как это противоречило Уставу пожарному (ст. 37), по которому «вещества, подверженные скорому воспламенению», не должны были храниться на чердаках. Для архива управления в замке не нашлось дополнительного помещения, и к 1862 г. архивное помещение было так завалено делами, что осел потолок¹⁸. Несмотря на все доводы официальных строительных инстанций, чердак Рижского замка постепенно превратился в складочное место для старых дел и архивов всех учреждений, размещавшихся в замке.

Сохранность дел в самом замке также не была обеспечена. Вследствие неосторожного обращения архивариуса со свечой в ноябре 1816 г. в архиве гофгерихта сгорел шкаф с делами. То же самое случилось в губернском правлении в 1839 г., когда нанятый протоколистом помощник для переписывания протоколов зазнал, а от свечи загорелись бумаги, стул и пол¹⁹.

Со временем стало ясно видно, что разгрузкой комнат Рижского замка путем переноса архивных материалов в башни и на чердаки замка делу не поможешь. В итоге с 50-х гг. XIX в. началось массовое уничтожение архивных материалов, о чем речь будет в следующей главе.

После присоединения Курляндского герцогства к России Елгавский дворец ненадолго стал средоточием канцелярий и архивов высших учреждений Курляндского наместничества. Дворец, построенный в XVIII в. архитектором В. В. Растрелли, был предоставлен Павлом I и Александром I (в 1797—1801 и 1805—1807 гг.) под жилье претенденту на французский престол — эмигрировавшему за границу будущему королю Людовику XVIII и его двору. Поэтому в 1797 г. Курляндское губернское правление, обер-гофгерихт и Елгавский обер-гауптманский суд со своими канцеляриями и архивами перебрались из дворца в дом, купленный правительством в городе. Во дворце остались Курляндская казенная палата, врачебная управа и консистория, причем часть архива последней из-за недостатка помещений во дворце хранилась в 1806 г. на квартире у нотариуса консистории. Во время Отечественной войны 1812 г. в Елгавском дворце находился временный военный госпиталь; в 1813 г. он занимал большую часть помещений 2-го и 3-го этажей здания. Лишь в 1817 г. начался обратный переезд губернских учреждений во дворец, а дом в городе был продан.

В 1817 г. архивариус Курляндского губернского правления представил доклад о состоянии архива. От предшественника он принял архив в беспорядке, горы дел валялись на полу, среди них были дела с чердака, поврежденные сыростью. Архивариусом был составлен алфавитный реестр патентам, публикациям и предписаниям за 1796—1813 гг. По его предложению правление предписало завести книгу для записи дел, изъятых из архива, так как у родственников умершего секретаря нашли герцогские письма 1677—1680 гг., сообщения судов 1813 г. и предписания генерал-губернатора; эти дела были в свое время взяты секретарем без расписки²⁰.

В 1843 г. в Елгавском дворце размещалось более пятнадцати учреждений Курляндской губернии. Ввиду перестройки дворца в 1843—1845 гг. все эти учреждения, их канцелярии и архивы были опять перемещены в городские дома. По заявлению губернатора на перевозку архивов, разбор дел и книг и на их размещение по полкам в частных домах потребовался месяц. В июне 1845 г. все губернские учреждения вернулись во дворец. Неоднократные перевозки неблагоприятно отражались на порядке хранения архивных материалов. В 1851 и 1852 гг. архив губернатора не был еще упорядочен. После перемещения архива упраздненной Курляндской палаты государственных имуществ в Ригу губернаторский архив с чердака был перемещен в комнаты дворца (1863 г.) и приведен в порядок²¹.

В уездных городах дело обстояло еще хуже, так как с герцог-

ских времен установился обычай хранить архивы судебных и городских учреждений в домах секретарей. Напрасно кулдингский обер-гауптман доказывал в 1797 г. губернскому правлению, что архив суда уже 35 лет хранится в доме секретаря и содержит грамоты, семейные договоры, завещания, инвентари, ингрессионные книги и судебные дела с орденских времен. В 1798 г. губернское правление велело немедленно перевезти архив в безопасный в пожарном отношении дом суда и разместить в закрытых шкафах в судебном зале. Правление указывало, что размещение такого важного архива в частном деревянном доме не гарантирует его сохранность и что перевозка архивов из частных домов уже осуществлена в остальных обер-гауптманских судах и даже в губернском городе Елгаве²².

Тем не менее обычай хранить архивы учреждений в домах секретарей отнюдь не был упразднен. В 1804 г. секретарь Тукумского магистрата отказался выдать хранившийся у него городской архив, считая свое увольнение незаконным. Тогда губернское правление приказало суду потребовать немедленной и полной сдачи архива под угрозой принуждения. При этом правление заметило, что каждый судебный архив должен непременно находиться при учреждении, а не в частном владении секретаря, который осуществляет лишь надзор над архивом и ни в коем случае не смеет отказываться выдать его учреждению²³.

В 1826 г. всем крепостным (ипотечным) учреждениям было предписано хранить ипотечные книги исключительно в помещениях учреждений. Инициатором издания предписания был генерал-губернатор Ф. О. Паулуччи, который «с неудовольствием» узнал, что ипотечные книги хранились на квартирах секретарей, где сохранность их не была обеспечена и существовала возможность злоупотреблений. В том же году Елгавский обер-гауптманский суд донес о сдаче секретарем ипотечных книг и о том, что они хранятся в помещении суда в Елгавском дворце. Ипотечные книги города Елгавы также были размещены в ратуше — в зале заседаний магистрата²⁴.

При проектировании и постройке судебных домов в Курляндии в 1830—1843 гг. отдельные помещения для архивов все же не были предусмотрены. Дела по-прежнему хранились в шкафах в канцелярии, на чердаках, в сараях²⁵.

О состоянии рижского городского архива сообщила ревизионная комиссия 1845—1848 гг., которая раскрыла произвол и злоупотребления в городском хозяйстве. Когда выписки из протоколов камеральных совещаний рижского магистрата были доложены Николаю I, он велел «прошедшее оставить безгласным, но впредь действий, подобных изъясненным в означенных

протоколах, не допускать, и ныне как сии протоколы, так и весь секретный, или внутренний, архив рижского магистрата передать для хранения в канцелярию генерал-губернатора»²⁶.

Все же власти от принятия внутреннего городского архива отказались, так как там хранились главным образом привилегии города и документальные материалы о земельных владениях города и о благотворительных учреждениях. Камеральные же протоколы, которые содержались в главной канцелярии магистрата за 1766—1785 гг., 1797—1801 гг. и 1813—1845 гг., были в октябре 1848 г. выданы чиновнику генерал-губернатора. Член ревизионной комиссии А. Штакельберг сильно сомневался в том, чтобы с 1802 по 1813 г. не было камеральных заседаний, так как в этот период в Риге происходила борьба по вопросу о введении нового муниципального устройства, которая должна была дать не один повод к камеральным заседаниям. Магистрат уверял, что обер-секретарь в 1822 г. принял от умершего бургомистра Г. Х. Виллиша камеральные протоколы лишь с 1766 г., утверждая далее, что в старое время не всегда считалось нужным фиксировать все совещания в протоколах. Все же магистрат допускал возможность пропажи отдельных книг камеральных протоколов из-за недостаточного надзора за внешним архивом, особенно во время перестройки ратуши в 1750—1765 гг., когда помещение канцелярии несколько раз менялось.

После заявления генерал-губернатора А. А. Суворова, что во внутреннем городском архиве нет особого секретного отделения, министр внутренних дел Л. А. Перовский велел подвергнуть ревизии все дела этого архива для выявления документов, которые не должны были остаться в распоряжении рижского магистрата «как противозаконные и неприличные»²⁷. В дальнейшем ревизионная комиссия установила пропажу книги расходов бюджетных сумм рижского податного управления за несколько лет до 1840 г. Производя по приказу генерал-губернатора следствие, фогтейский суд в 1849 г. установил, что нет никакой надежды найти книгу, пропавшую, очевидно, во время перемещения канцелярии податного управления; виновные также не были установлены, так как все члены податного управления вступили в должность лишь после 1841 г., а книга еще до того вышла из употребления²⁸.

В циркуляре Министерства внутренних дел 1852 г. лифляндскому губернатору предписывалось впредь следить за точным соблюдением статьи 77-й Свода законов об обязательной ежегодной ревизии учреждениями всех своих архивов. Из отчетов губернаторов усматривалось, что эта статья соблюдалась не всюду. Хотя циркуляр и предписание губернского правления и были зачитаны на заседаниях рижского магистрата (18 февраля

и 10 марта 1852 г.), но меры к улучшению состояния городского архива не были приняты — он оставался рассредоточенным на чердаке и в разных подсобных помещениях ратуши²⁹.

К обязанностям лифляндского губернатора относилась также ежегодная ревизия делопроизводства и архивов присутственных мест, подведомственных Министерству внутренних дел³⁰. Ревизия архивов производилась губернатором поверхностно и чисто формально при кратковременных объездах губернии. В «всеподданнейших» отчетах 1842—1865 гг., например, состояние уездных архивов (архивов орднунгсгерихтов и городских магистратов) губернаторы почти всегда находили удовлетворительным. Отрицательные отзывы они давали весьма редко, например: в 1842 г. относительно архивных реестров цесисского магистрата и канцелярии рижского магистрата; для ведения архивных реестров в рижском орднунгсгерихте губернатор предложил нанять особого архивариуса.

В 1850 г. архивы 28 присутственных мест оказались в порядке, за исключением архивов Рижского ландфогтейского суда и податного управления. В архивах губернских и уездных учреждений 1852 г. губернатор нашел лишь незначительные неполадки, которые по его «личному внушению» начальниками были исправлены. Во всех отчетах отмечался недостаток помещений для архивов казенной палаты и губернского правления, которые хранились на чердаке Рижского замка³¹.

«Сословный архив лифляндского дворянства с его богатой документацией по классовой борьбе латышского и эстонского крестьянства не подлежал правительственному контролю. Согласно уставу ландтага 1802 г. (ст. 74) секретарь дворянства был обязан принять архив по описи и содержать его в порядке. Однако эти постановления не соблюдались, и старый архив дворянства был свален в беспорядке в сводчатом помещении дома дворянства.

В 1822 г. дворянский конвент поручил регистрацию дел и составление описи на старый архив дворянства М. Врангелю. В течение восьми лет (1823—1830 гг.) им было составлено 15 томов так называемого реального реестра (Real-Register), где с исчерпывающей полнотой отражена вся деятельность лифляндского дворянства, начиная со шведского времени и вплоть до 1830 г.³² Этот реестр-опись является одновременно предметным, личным и географическим указателем по всем материалам архива дворянства; частично даны лишь ссылки на дела, частично же приводятся более или менее подробные выписки из дел. Продолжение реестра за 1831—1850 гг. составил в 8 томах Ф. Тизенгаузен³³.

С середины XIX в. дела канцелярии дворянства составлялись

по вопросно-предметной тематике, а протоколы снабжались подробными указателями. Упорядочение старого архива было для лифляндского дворянства весьма актуальным делом, поскольку облегчало ему защиту своих привилегий и позволяло давать бесперебойные ответы на запросы правительственных учреждений.

На судьбу архивов Курляндской губернии оказала большое влияние Отечественная война 1812 г., когда Курляндия в продолжение пяти месяцев была оккупирована франко-прусским корпусом.

26 июня 1812 г. был объявлен приказ гражданского губернатора Ф. В. Сиверса учреждениям Курляндской губернии — при приближении неприятеля всем чиновникам с делами отправиться в Ригу³⁴. Уже в начале июня часть архивов и казны из небольших литовских городов была эвакуирована в Елгаву, а затем — в Ригу. В июле в Ригу были эвакуированы архивы Яунелгавского гауптманского и Селпилсского обер-гауптманского судов, архив екапилсского магистрата. Архивы Курляндского губернского правления, казенной палаты и строительной экспедиции также были отправлены на подводах в Ригу. Архив Лиепайской таможни нашел приют в таможне в Пярну. Туда же с текущими делами были эвакуированы Лифляндское губернское правление и казенная палата; гофгерихт переехал в Вильянди, Рижский ландгерихт — в Лимбажи, а ландратская коллегия с обер-консистерией — в Тарту³⁵.

Вернувшись 9 июля 1812 г. с ландтага в Риге, дворянские представители в Валкской ревизионной и межевой комиссии потребовали от председателя принятия скорейших мер для обеспечения сохранности архива комиссии, большое количество карт которого стоило помещикам «многозначущих издержек». По получении согласия министра внутренних дел О. П. Козодавлева архив был упакован в ящики и мешки и под охраной члена комиссии, архивариуса и двух солдат отправлен в Петербург, где хранился в комнатах губернского почтамта³⁶. Забота дворянства об этих архивных материалах понятна, так как на их основе составлялись новые вакенбухи, утверждавшие увеличение объема барщины латышских и эстонских крестьян³⁷. Дворянство даже требовало поместить архив в крепости, «... так как в архиве сем заключаются документы, на коих утверждается собственность почти всех помещиков Лифляндской губернии», О. П. Козодавлев же распорядился оставить архив в почтовом доме³⁸.

4 декабря 1812 г. началось отступление наполеоновских войск из Курляндии, а 8 декабря русские войска вступили в Елгаву³⁹. Во второй половине декабря началась реэвакуация курляндских и лифляндских архивов, которая продолжалась и в январе 1813 г.

Архив Валкской ревизионной и межевой комиссии был перевезен в Валку лишь в марте 1813 г., а деятельность свою комиссия возобновила в апреле 1813 г.

Не все архивные материалы из Курляндии были во время войны 1812 г. эвакуированы. Оставшиеся архивы были отчасти уничтожены и расхищены неприятельскими войсками (например, погибли все крепостные книги города Екабпилса)⁴⁰. Главное же последствие этой войны для архивов Латвии заключалось в хаотическом состоянии, в которое они были приведены спешными эвакуациями и реэвакуациями, что ощущалось еще в течение долгого времени. На архивариусов легло тяжелое бремя — надо было снова упорядочить все архивы; не все они одинаково справились со своей работой. Порядок в архиве Селпилсского обер-гауптманского суда был восстановлен лишь в октябре 1830 г.⁴¹, но и другие архивариусы постоянно ссылались на последствия 1812 года.

Накануне и после Отечественной войны 1812 г. в среде дворян и нарождавшейся буржуазии усилился интерес к истории, к прошлому; в области археографии это выразилось в активизации работы по собиранию, выявлению и публикации архивных документов. В коренной России это течение возглавлял граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826 гг.). Такие же тенденции появились и в кругах прибалтийского дворянства, положение которого в начале XIX в. было особенно неустойчиво. Тревога за сохранение средневековых привилегий побудила феодалов Прибалтики усиленно заняться розыском исторических источников, которые подтверждали бы их древние права. С другой стороны, развивающаяся в стране историческая наука требовала введения в научный оборот новых важных и интересных документальных материалов.

Уже в самом начале XIX в. лифляндское дворянство поручило рижскому историку И. Х. Бротце (1742—1823 гг.) скопировать документы из архивов трех остзейских губерний. Затем по заданию лифляндского дворянского конвента ландрат В. Ф. Унгерн-Штернберг организовал в 1808 г. копирование ливонских документов из архива великого магистра Тевтонского ордена в Кенигсберге. В субсидировании археографической экспедиции Э. Геннига участвовало дворянство всех трех губерний Прибалтики, а благодаря ходатайству русского историка Н. М. Карамзина было получено правительственное пособие⁴². Работа была закончена в 1816 г., и результаты ее сохранились в ЦГИА в 28 томах⁴³. По постановлению ландтага 1839 г. были также скопированы ливонские документы из Вюртембергского государственного архива⁴⁴. Чтобы сделать рукописное собрание докумен-

тов из Кенигсберга и Риги более доступным, дворянство поручило К. Э. Напьерскому напечатать реестры этих документов⁴⁵.

В первой половине XIX в. в Прибалтике появились местные ученые общества, ставшие центрами исторических исследований. В 1818 г. было основано Курляндское общество литературы и искусств с провинциальным музеем. Главным центром местных историков стало «Общество истории и древностей русских Остзейских провинций», организованное в 1834 г. в Риге. Как одно, так и другое общество издавало свои сборники и сообщения. В этих обществах немецкая городская буржуазная интеллигенция совместно с представителями дворянства занималась изучением средневековых привилегий рыцарства и городов, с осторожностью обходя все вопросы, касающиеся положения латышского крестьянства, развития крепостного права и классовой борьбы в Прибалтике⁴⁶. Путем покупки за счет подарков у обществ сложились архивы коллекционного типа, состоявшие преимущественно не из цельных фондов, а из разрозненных рукописных материалов, очень разнородных по своему происхождению.

Архивный секретарь последнего курляндского герцога Петра Бирона И. Ф. Реке передал в 1807 г. свое собрание рукописей Тартускому университету. В 1818 г. он подарил провинциальному музею в Елгаве вновь собранную коллекцию рукописей по истории Курляндии в подлинниках и копиях; это собрание стало основой архива Курляндского провинциального музея и постепенно пополнялось новой документацией из разных источников.

Такой же архив сложился и у Общества истории и древностей в Риге. Наличие в этом архиве дел и бумаг губернаторской и генерал-губернаторской канцелярий и других правительственных учреждений по особым вопросам бросает тень на облик немецких чиновников губернских учреждений. В архиве Общества истории и древностей хранились миссивы шведского генерал-губернаторского архива, полученные от вдовы К. Г. Зонтага в 1827 г. Этого главу лютеранской церкви в Лифляндии сами немцы именовали «злостным архивным вредителем». Он смотрел на архивы так, будто единственной целью их было служить подспорьем его литературной работе. Чтобы сберечь себе труд, которого требовало копирование, Зонтаг вырывал важные документы из дел и связок и уносил с собой. Как генерал-суперинтенданту ему были открыты все местные архивы, которые он и опустошал⁴⁷. В архиве Общества истории и древностей до 1882 г. хранились также отчужденные в середине XVIII в. из рижского городского архива документы и городские книги⁴⁸.

Следовательно, сохранность архивов административно-судебных учреждений, общественных и сословных организаций к се-

редине XIX в. не была обеспечена. «Мертвые» архивы сваливались на чердаки, в сараи и подвалы, откуда многие документы попадали в руки частных коллекционеров или в хранилища частных исторических обществ.

В 1820 г. член Комиссии по составлению законов Г. А. Розенкампф (лифляндский помещик) представил комиссии свой проект архивной реформы, суть которого заключалась в соединении архивов и актов на недвижимые имущества в одном месте⁴⁹. В те же двадцатые годы К. Г. Зонтаг представил рижскому генерал-губернатору проект централизации архивов Лифляндской губернии. Он предлагал хранить в генеральном архиве всю документацию ревизионных, редуccionных и реституционнх комиссий со всеми мызными документами. Туда же Зонтаг хотел перевезти документацию экономического управления из Цесиса и карты шведского времени, которые губернский землемер хранил в частном помещении. Наконец, в генеральный архив все учреждения могли бы сдавать свои «мертвые» архивы, не нужные им для текущей работы.

Во второй части проекта К. Г. Зонтаг предлагал создать справочный отдел, который должен был дополнить архивные документы копиями всех привилегий, конституций и резолюций царей и высших учреждений, на которых основывались права отдельных сословных организаций и городов. Таким образом, правительство не зависело бы от того, что в каждом конкретном случае считали бы нужным сообщить ему или скрыть от него.

В генеральном же архиве К. Г. Зонтаг хотел сосредоточить все, что относилось к топографии, статистике, истории и конституции провинции, как, например, статистические ведомости о Лифляндской губернии 1783 г., данные церковной анкеты 1806 г. и др.⁵⁰ Первая часть проекта К. Г. Зонтага в основном совпадала с проектом Г. А. Розенкампфа — суть проектов состояла в охране документации на недвижимую собственность правящего класса дворянства. Хотя Ф. О. Паулуччи одобрил проект К. Г. Зонтага и хотел расширить его созданием одного генерального архива для всех трех остзейских губерний, все же эта концентрация архивов не была осуществлена, так же как и проект Г. А. Розенкампфа.

Централизацию архивных материалов правительство провело в 1850-х годах в уездах восточной части Латвии — Латгалии в связи с фальсификацией документов на дворянское звание. Меры правительства сводились к укреплению господства крепостников.

В Белоруссии, Литве и на Украине на рубеже XVIII и XIX вв. происходило усиленное разложение феодального строя, переход к рациональному хозяйству. Магнаты и крупные землевладельцы издавна держали на своем дворе многочисленный штат мелкой

шляхты; отчасти шляхтичи служили феодалу экономами, управляющими и занимали тому подобные должности, но главным образом составляли свиту магната, поддерживали его своими головами на сеймиках и обороняли своими саблями. После получения в лице царского самодержавия мощного аппарата подавления крестьян дружина из шляхты стала для феодала лишней, и он выкидывал безземельных шляхтичей из поместья, а то и стремился превратить их в своих крепостных. В поместьях теперь производились продукты для продажи на рынке, и лишним едокам там не было места⁵¹. Мелкая шляхта стала, таким образом, жертвой развития капиталистического уклада.

Мелкопоместная, безземельная или чиншевая шляхта в большинстве случаев не могла доказать свое дворянское происхождение. Вычеркивание из губернских родословных книг означало перечисление в податное сословие со всеми вытекающими из этого последствиями (15-летней военной службой, телесными наказаниями, высылением в глубь России и т. д.). Шляхта поэтому старалась получить фиктивные документы на дворянство, немалое число которых было внесено в книги гродских, земских и даже трибунальных судов. Отчасти эта безземельная шляхта уходила в города, где составляла деклассированный элемент. Так, в Риге в 1831 г. проживало 769 поляков (шляхты), из них лишь около 12% стали купцами, чиновниками и т. п., основная же масса превратилась в рабочих (61%) и ремесленников (17,3%)⁵². Чтобы не быть зачисленным в податное сословие, надо было доказать свое дворянское происхождение. Именно в этом и заключалась социально-экономическая причина фальсификации документов⁵³.

Массовое явление фальсификации документов объяснялось плохим содержанием архивов, которые после присоединения Белоруссии, Литвы и Украины к России были оставлены без надежной охраны и надзора, так как органически не были связаны с делопроизводством новых царских учреждений. В борьбе с фальсификацией документов правительство назначило в 1830-х годах комиссии, которые обязаны были нумеровать листы, прошнуровать, опечатать и подписать все сохранившиеся на местах гродские, земские, магдебургские и прочие акты книги. Комиссия для Белоруссии проверила в 1834 г. также акты книги Латгалии.

Поскольку фальсификации документов продолжались, Комитет министров велел в 1842 г. провести повторную проверку книг. Эта работа была возложена на уездных предводителей дворянства, судей, стряпчих и местных воинских начальников. Каждый документ должен был быть внесен в опись; особо отмечались

сомнительные документы. Комиссии по проверке были учреждены также в Даугавпилсе, Резекне и Лудзе, в их состав был включен и стряпчий уголовных дел Витебской губернии. В 1844 г. земским судам было предписано прислать в уездные суды по одному писарю для проверки документов на польском языке. В 1851 г. Витебское губернское правление сообщило белорусскому генерал-губернатору об окончании составления описей на акты-вые книги Резекненского и Лудзенского уездных судов. Составление описей в Даугавпилсском уездном суде затянулось, так как там хранились документы на латинском и немецком языках с 1671 г.

Проверочные комиссии для уездов Латгалии были упразднены 17 февраля 1852 г.; вторые экземпляры описей были представлены Витебскому губернскому правлению. По приказу генерал-губернатора Голицына от 29 декабря 1851 г. акты-вые книги и документы должны были храниться в уездном суде в отдельной комнате под замком и за печатью судьи (или бургомистра) и канцеляриста⁵⁴. Хотя указом от 2 апреля 1852 г. были учреждены три центральных архива древних актов — Киевский, Виленский и Витебский, но фактически последний начал свою деятельность лишь в 1863 г.⁵⁵ В этих архивах должны были храниться акты-вые книги по 1799 г. По сообщению Витебского губернского правления от 7 февраля 1862 г., в Даугавпилсском уездном суде таких книг хранилось 88, в Резекненском — 22, а в Лудзенском — 17⁵⁶.

Акты-вые книги Латгалии были перевезены в Витебский центральный архив в 1862 г., когда для этого архива был приспособлен местный костел. В архиве было сосредоточено около 2 тыс. акты-вых книг учреждений Витебской и Могилевской губерний, среди них книги и документы гродских и земских судов, каптуровых судов⁵⁷, городских магистратов⁵⁸ и других учреждений. Здесь же хранились инвентари и ревизии местностей и городов. Хронологически документация Латгалии охватывала время с XVII в. по 1799 г.

АРХИВЫ ЛАТВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Вторая половина XIX в. — время реформ — оказалась трудной для судьбы архивов. Отмена крепостного права в Латгалии в 1861 г.¹, введение городского положения 1870 г. в Латгалии (1876 г.)² и Прибалтике (1877 г.)³, введение судебных уставов 1864 г. (1877 г.)⁴, 1889 г.⁵

и централизованного полицейского управления в Лифляндии и Курляндии (1888 г.)⁶ привели к созданию в Латвии большого количества новых учреждений с их канцеляриями и делопроизводством. Вместе с тем все более актуальным становился вопрос о дальнейшей судьбе архивов упраздненных учреждений.

К середине XIX в. переполненные архивохранилища не могли более вместить продолжавшие поступать новые дела из канцелярий, делопроизводство которых разрасталось. Накопление дел в канцеляриях мешало нормальной работе, не соблюдалось предписание о сдаче дел в архив через три года после их окончания. Тем больше трудностей это доставляло учреждениям Прибалтики, где решенные дела должны были поступать в архив ежегодно⁷. Подвалы, чердаки, сараи и башни казенных зданий были завалены старыми архивными материалами, нанимать же помещения для архивов учреждения за отсутствием средств не могли. Ходатайства о предоставлении средств на эту цель отклонялись министерствами, которые пошли по более простому пути — уничтожения старых архивных материалов с помощью продажи их на бумажные фабрики⁸.

Характерно, что процедура уничтожения дел постепенно упрощалась, число консультируемых при этом инстанций сокращалось. Вначале списки на уничтожение дел представлялись Комитету министров, затем — лишь отдельным министерствам, а по отдельным категориям дел — только губернским правлениям и губернаторам. Начало было положено Министерством внутренних дел в «Учреждении губернских правлений» 1845 г., где в статьях 299—302 перечислены десять категорий дел, подлежащих уничтожению⁹.

В 1848 г. последовало Положение об учреждении особых комиссий для разбора решенных дел, накопившихся в архивах уездных присутственных мест¹⁰. Наконец, 12 июня 1867 г. право уничтожения ненужных дел было предоставлено губернскому начальству¹¹. С 1859 по 1869 г. правом уничтожения архивных материалов располагали: Военное министерство, Главное управление почт, ведомства путей сообщения и публичных зданий, министерства народного просвещения, государственных имуществ, финансов, приказы общественного призрения и государственный контроль¹². Так как эти министерства, управления и ведомства имели в Латвии свои губернские, а те, в свою очередь, — уездные учреждения, то названные выше законоположения оставили глубокий след в архивах Латвии.

В 1868 г. по предписанию начальника штаба Рижского военного округа при Управлении лифляндского воинского начальника была составлена комиссия для разбора архива упраздненного

Рижского комендантского управления. В работе комиссии участвовали также представители от лифляндского дворянства и рижского магистрата (сохранилось сообщение последнего, составленное В. Гутцейтом о содержании архива)¹³.

Две пятых этого архива представляли собой полусгнившие, перемешанные листы, просмотр которых не представлялся возможным. Остальная часть архива состояла из дел: 1) Рижской комендатуры за 1726—1865 гг., 2) Курессареской (Аренсбургской) комендатуры за 1760—1834 гг., 3) Пярнуской комендатуры за 1762—1835 гг. и 4) Елгавской комендатуры за 1820—1839 гг. Эту часть архива комиссия еще разделила на две части — старую (до 1801 г.) и новую (до 1865 г.). Старая часть архива была рекомендована комиссией к уничтожению еще в 1865 г. ввиду невозможности прочтения совершенно выцветшего текста документов. То, что из этих материалов удалось прочесть, — это были отношения и распоряжения по делам службы (запросы, сообщения и объяснения). Такого же содержания были почти все дела, начиная с 1801 г. Не было обнаружено ни одного плана города Риги, цитадели или окрестности, хотя по предписанию такие планы должны были храниться в архиве комендатуры.

В. Гутцейт перечислил 15 дел, которые представляли интерес для истории Риги и которые комиссия оставила на хранение: распоряжения морских министров П. В. Чичагова и И. И. де Траверсе (1807—1809 гг.), дело о зданиях на рижской набережной и на гласисе (1810 г.), о предохранительных мерах против шпионов (1811 г.), об артиллерии и инженерных делах (1811 г.), о ключах города (1812 г.), о военных реквизициях (1812 г.), о надзоре за иностранцами и местными жителями (1812 г.), о запасах в случае осады (1812 г.), переписка военного губернатора с комендантом и полицией (1812 г.), приговоры военного суда (1812 г.), дело о продовольственных запасах (1812 г.), о польском восстании (1831 г.), о новом полевом госпитале (1836 г.) и дело о эспланаде (1841 г.). Хотя рижский магистрат и запрашивал эти дела в ноябре 1868 г. и в июне 1869 г., но штаб Рижского военного округа отказал ему в выдаче дел до получения разрешения Главного штаба. По сведениям 1886 г., архив упраздненной Рижской комендатуры был большей частью уничтожен¹⁴.

В 1858 г. во время строительных работ на чердаке Рижского замка было уничтожено 400 дел военного ведомства, от которых остались одни обложки; виновные не были обнаружены. Для разбора дел в 1863 г. была назначена комиссия из двух подпоручиков 4-го резервного батальона Охотского пехотного полка. Комиссия приступила к работе в мае, а в июне ее прекратила; дела в беспорядке были доставлены обратно на чердак замка¹⁵.

Для разборки и выделения к уничтожению дел Лифляндского губернского правления в 1852 г. была назначена комиссия в составе советника правления, лифляндского обер-фискала и архивариуса. В 1854 г. правитель канцелярии генерал-губернатора хотел учредить особую комиссию для разборки старых дел 1762—1840 гг., но ограничился прикомандированием к комиссии 1852 г. чиновника особых поручений при губернаторе. В 1855 г. комиссия представила губернскому правлению ведомость на часть дел, подлежащих уничтожению, а затем прекратила свою работу¹⁶.

В 1855 г. Министерство юстиции прислало прибалтийскому генерал-губернатору А. А. Суворову опись на 13 971 дело упраздненной Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, предназначенных к уничтожению. Суворов переслал опись лифляндскому губернатору для выделения дел, не подлежащих уничтожению. При этом выяснилось, что еще в 1847 г. городской поверенный должен был принять из Юстиц-коллегии 126 апелляционных дел рижского магистрата, но что из-за неявки поверенного эти дела остались в архиве Сената: лишь в июле 1867 г. генерал-губернатор переслал рижскому магистрату 108 дел Юстиц-коллегии 1720—1778 гг.; дела эти были размещены в городском архиве¹⁷.

При осмотре Рижского замка в марте 1871 г. генерал-губернатор князь П. Р. Багратион установил, что чердак замка завален старыми делами разных присутственных мест. Багратион находил такой способ хранения недопустимым, так как дела на чердаке не только подвергались порче от сырости, но и представляли опасность в случае пожара. Оказалось, что на чердаке Рижского замка сложено около 380 тыс. дел, львиная доля которых принадлежала Лифляндскому губернскому правлению (200 тыс. дел) и казенной палате (135 тыс. дел), остальные дела — Прибалтийской палате государственных имуществ (15 тыс. дел), правлению XII округа путей сообщения (12 тыс. дел), Лифляндскому гофгерихту (10 тыс. дел), военному ведомству (5 тыс. дел) и контрольной палате (3 тыс. дел). Предписание о подыскании здания для размещения этих архивов губернатор не осуществил; в городской Пороховой башне можно было расположить не более 6 тыс. дел¹⁸.

В 1874—1875 гг. генерал-губернатор задумал устроить «губернский архив» в Риге в старинном складе «Принцесса», принадлежащем провиантскому ведомству. По сообщению архитектора, после перестройки этого трехэтажного каменного здания на Большой Королевской, теперь Коммунальной улице, на полезной площади в 165 кв. саженей свободно разместились бы архивы с чердака замка (78 кв. саженей). П. Р. Багратион предложил

Министерству внутренних дел предпринять шаги по получению этого здания от военного ведомства.

Лишь в 1880 г. последовал запрос министерства о целесообразности устройства в Риге центрального губернского архива. Проект этот не был осуществлен, так как Лифляндское губернское правление согласилось с отрицательным мнением своего архивариуса. В рапорте от 23 декабря 1880 г. архивариус указывал на неизбежные расходы по перевозке дел в «губернский архив» и затруднительность поисков справок в двух местах. Вместо этого архивариус предложил назначить новую разборочную комиссию для просмотра старых дел 1790—1852 гг. в переполненной архивными делами замковой башне. Впоследствии и шведский архив мог бы быть перемещен с чердака в башню. Таким образом, прогрессивный проект устройства в Риге общего губернского архива был отвергнут; возможно, что тут сыграла свою роль необходимость израсходовать на перестройку здания 10—12 тыс. рублей¹⁹.

Проект князя П. Р. Багратиона перекликался с проектом, разработанным в 1876 г. комиссией Н. В. Калачова (эта междоветовая комиссия была учреждена в 1873 г. при Министерстве народного просвещения) и предусматривавшим устройство центральных архивов в некоторых наиболее значительных губерниях, и проектом Д. Я. Самоквасова 1902 г. о создании 90 губернских архивов²⁰.

В июле 1872 г. Лифляндское губернское правление потребовало от казенной и контрольной палат, гофгерихта, управления государственных имуществ, начальника IX округа путей сообщения и воинского начальника как можно скорее убрать дела их учреждений с чердака Рижского замка. Для уничтожения дел самого губернского правления тут же была назначена комиссия из советника, секретаря и архивариуса правления, а также обер-фискала.

Первым выполнил предписание губернского правления Лифляндский гофгерихт — высший суд в руках лифляндских дворян-помещиков. В том же 1872 г. все дела гофгерихта шведского периода были перемещены с чердака замка на чердак Дома дворянства в Риге. В декабре 1872 г. воинский начальник Лифляндской губернии принял 3597 дел и книг полков 2-, 3-, 4- и 7-й пехотных дивизий²¹.

Правление IX округа путей сообщения приказало в конце 1872 г. начальнику I-го отдела продать все старые дела с торгов, остальные же дела забрать с чердака в канцелярию²².

Управляющий Лифляндской контрольной палатой лично руководил перевозкой дел с чердака замка в канцелярию палаты.

В сентябре 1872 г. он сообщил губернатору, что лестницы на чердак завалены старыми бумагами и книгами, разбросанными по полу; дверь же отделения архива палаты на чердаке, запиравшаяся на ключ, оказалась отпертой, а на полу в этом отделении валялись шнуrowые книги. Через несколько месяцев, в феврале 1873 г., управляющий требовал просторную комнату для архивов, чтобы быть уверенным в сохранности дел, но в мае 1873 г. губернское правление сообщило, что не располагает помещениями.

Прибалтийское управление земледелия и государственных имуществ в августе 1872 г. считало, что очистка им чердака замка возможна лишь при условии предоставления помещения под архив. В ответ на это губернское правление сообщило, что в Лифляндской губернии не существует «губернского архива», а губернское правление не располагает помещениями; при этом губернское правление рекомендовало удалить дела с чердака и, в случае ненадобности, уничтожить их²³.

Лифляндская казенная палата в переписке с губернским правлением в августе—сентябре 1872 г. упорно отказывалась очистить чердак Рижского замка. На чердаке находилась половина архива палаты, на уничтожение же дел необходимо было получить разрешение министра финансов²⁴.

Первое заседание комиссии для разбора старого архива Лифляндского губернского правления состоялось 29 сентября 1873 г. На заседании был представлен план работы комиссии: 1) начать разбор дел с самых старых, сложенных на чердаке замка; 2) каждому члену комиссии предоставлялось право производить разбор дел и бумаг в удобное для него время; 3) для каждого члена комиссии заготавливался особый реестр для записи просмотренных дел; 4) по определению комиссии из всех реестров составлялся общий реестр дел, подлежащих уничтожению; 5) каждая суббота назначалась днем заседания; 6) и 7) назначались переписчики для составления общих реестров и служители для перевозки дел с чердака Рижского замка. В 1874 г. к комиссии был командирован еще делопроизводитель строительного отделения губернского правления и предусмотрена плата членам комиссии в сумме 2 тыс. рублей на два года.

В протоколе комиссии от 1 февраля 1875 г. записано, что в числе дел и бумаг старого архива Лифляндского губернского правления, рассмотренных комиссией с 1 января 1874 г. по 1 февраля 1875 г., было весьма много дел отчасти без начала и конца, отчасти же поврежденных крысами или до того сгнивших, что бумага рассыпалась при прикосновении, а разобрать написанное чернилами и ознакомиться с содержанием документов не представлялось возможным. Независимо от этого было найдено зна-

чительное число отдельных бумаг, не подшитых к делам и не имеющих по своему содержанию ни исторического, ни иного значения, затем черновые отпуски, копии черновых промеморий, написанных весьма неразборчиво, и т. д. Дела и бумаги эти, относящиеся к XVIII и XIX вв., рассматривались комиссией под конец каждого заседания, отдельные бумаги соединялись в связки, и как дела, так и связки складывались отдельно от прочих уже занесенных в ведомости дел. По февраль 1875 г. таких дел и связок, состоящих из отдельных бумаг, накопилось 43 675 номеров. Комиссия признала эти дела и связки ненужными и определила занести их в ведомость рассмотренных дел под одну общую рубрику и просить разрешения лифляндского губернатора на их уничтожение²⁵. Итог работы комиссии выразился в следующих цифрах:

1875 г.	52 000	дел	168	пудов	14	фунтов
1876 г.	79 000	„	228	„	30	„
1878 г.	70 000	„	162	„	—	„
	201 000	дел	559	пудов	4	фунта

Среди уничтоженных ценных материалов оказались 63 тома описей 1711—1784 гг., 52 тома протоколов и резолюций 1728—1807 гг., 53 журнала 1768—1807 гг., 48 входящих реестров 1729—1807 гг. и 47 исходящих реестров 1726—1807 гг., 27 докладных реестров и т. д.; оставлено было комиссией лишь 132 дела 1711—1808 гг. Комиссия утверждала на одном своем заседании списки с сотнями, даже тысячами дел, просмотренных отдельными членами. В результате такой работы за 4,5 года был уничтожен почти полностью один из ценнейших правительственных архивов в Прибалтике за XVIII в. Однако намеченная комиссией цель и тогда не была достигнута — башня замка все еще оставалась переполненной, и на своем заключительном заседании комиссия предложила губернатору подвергнуть разбору для уничтожения также старые дела губернского правления 1790—1852 гг.²⁶

Получив предписание Министерства внутренних дел об уничтожении дел старше десяти лет, Лифляндский приказ общественного призрения выделил и продал в 1867 г. на бумажную фабрику 757 дел. Рижская губернская почтовая контора выделила в 1871 г. «ненужных» 1578 дел, 5918 книг и 2693 связки разных документов, обменяв их на чистую бумагу²⁷.

В 1875—1876 гг. особая комиссия разобрала дела лифляндского губернатора. В результате ее работы 12 200 дел весом 150,5 пудов были проданы с торгов, а вырученные 142 рубля 78,5 копеек внесены в губернское казначейство²⁸.

Указом Сената от 25 января 1876 г. должность прибалтийского генерал-губернатора была упразднена, а его права и обязанности распределены между разными учреждениями²⁹. В Ригу был командирован член совета министров внутренних дел Беклемишев, который возглавил комиссию для разбора дел архива упраздненного Управления прибалтийского генерал-губернатора. С разрешения министра А. Тимашева в феврале и марте 1876 г. комиссия выделила в макулатуру 2 тыс. дел весом 20 пудов³⁰.

В Курляндии уничтожение архивных материалов не приняло таких широких размеров, как в Лифляндии, и проводилось более осторожно и систематично. Основываясь на приложении к статье 80 III тома Свода законов (изд. 1857 г.), Курляндское губернское правление назначило в 1864 г. комиссию для уничтожения архивных дел в составе тукумского обер-гауптмана, уездного судьи и уездного фискала. По представленным описям министр внутренних дел разрешил продать все архивные дела Тукумского уездного крестьянского суда 1819—1849 гг. и подробные ведомости волостных судов о состоянии хлебных магазинов, опекунские дела и т. п. за 1849—1860 гг. Узнав об уничтожении в 1874 г. старого архива Тукумского уездного крестьянского суда (очевидно, из анкеты для комиссии Н. В. Калачова), Министерство юстиции направило запрос Курляндскому губернскому правлению, которое в обстоятельном отношении от 4 ноября 1874 г. послало свое оправдание³¹. По сведениям от 1873 г., с разрешения губернского правления в Кулдингском гауптманском суде было уничтожено 5826 дел, на которые была составлена опись³².

В том же 1867 г., когда губернское начальство получило право утверждать списки уничтоженных дел, Курляндское губернское правление назначило разборочную комиссию. Комиссия действовала до 1876 г., а затем в 1882 г., и в результате ее деятельности с торгов были проданы архивные материалы правления за 1843—1857 гг. весом 71,5 пуда³³.

В рижской таможне дела за время до 1863 г. сжигались, а начиная с 1864 г. — продавались с торгов. Объявления, шкиперские показания и т. п. хранились в архиве таможни десять лет, а затем с согласия Лифляндской контрольной палаты продавались с торгов³⁴.

Для разбора архивных дел городских и уездных учреждений Латгалии витебский губернатор Клушин предложил в 1859 г. создать комиссию из представителей дворянства, квартирной комиссии и городской думы. В Даугавпилсе он советовал привлечь к работе комиссии полицейского чиновника, а в Резекне и Лудзе — уездного начальника. Комиссиям предложили представить списки на архивные дела к 1 мая 1860 г., затем срок прод-

лили до 1 января 1862 г. К тому времени комиссии представили такие описи на документы учреждений Резекне, на Даугавпилсскую квартирную комиссию и управления даугавпилсского и лудзенского уездных начальников. При этом было объявлено, что в Лудзенской квартирной комиссии нет дел, подлежащих уничтожению. Все затянулось до 1867 г., когда губернские правления получили право уничтожать дела.

В своем циркуляре от 1 ноября 1867 г. министр внутренних дел предложил всем губернаторам до уничтожения дел городских общественных учреждений представлять их описи губернским статистическим комитетам. Еще до того, 22 октября 1867 г., по обоюдному соглашению министров внутренних дел и юстиции этим же комитетам было решено передать для разборки архивы упраздненных реформой судебных учреждений. Архивы уездных судов предусматривалось при этом сосредоточивать в губернских городах³⁵.

В 1870 г. Витебский губернский статистический комитет просмотрел описи на старые дела и книги Даугавпилсского 2-го полицейского стана. В том же году были просмотрены описи дел Даугавпилсского уездного суда 1781—1852 гг. и даугавпилсского уездного начальника 1833—1841 гг., причем от последнего архива было оставлено лишь 7 дел, а от первого — 43, из которых комитету было передано 24 дела. Просмотрев в 1874 г. описи Резекненского полицейского управления 1834—1860 гг., комитет нашел нужным сохранить 14 дел 1846—1860 гг. К тому же времени относится перемещение архивов упраздненных городских магистратов, уездных, земских, третейских и торгово-словесных судов Латгалии в Витебске³⁶.

Так «соблюдалось» в Латгалии постановление калачовской комиссии об устройстве архивов (1873—1885 гг.), о временной приостановке уничтожения документов, которое Н. В. Калачов отстаивал вплоть до своей смерти в 1885 г.³⁷ Более успешно была решена вторая задача калачовской комиссии — обследование архивов путем рассылки специальной анкеты.

Из сохранившихся в ЦГИА анкетных данных³⁸ особый интерес представляют сведения 1873—1874 гг. об архивах десяти курляндских гауптманских судов — полицейских учреждений помещиков для внеэкономического притеснения крестьян. Четыре из этих судов — в Бауске, Добеле, Гробине и Вентспилсе — существовали уже в XVII в., но неразобранные архивные материалы герцогаго времени (с 1758 г.) сохранились лишь в Бауском гауптманском суде; в Вентспилском, Гробинском, Айзпутском и Тукумском судах архивы начинались с 1796 г., а в остальных — даже с начала XIX в. Лишь архивы четырех судов

находились в казенных каменных зданиях, остальные ютились в частных домах, подчас деревянных.

Причиной гибели старых документов было отчасти вытеснение их делами нового делопроизводства из канцелярии на чердаки, в сырые и темные подвалы. Тукумский и Бауский гауптманские суды хранили свои старые архивные материалы за время начиная с 1796 г. в связках и кипах на чердаке, так же хранил и Добельский суд свои дела 1816—1849 гг.³⁹ Через восемь лет дела Добельского гауптманского суда на чердаке Елгавского дворца превратились в груды разорванных и перепачканных бумаг; часть дел была похищена. Курляндское губернское правление решило в январе 1882 г., что дела на чердаке окончены и «посему принадлежат к числу ненужных дел, которые подлежат уничтожению». Так как, по мнению гауптманского суда, дела эти не имели никакого значения, их можно было уничтожить без комиссии. Это и было исполнено, когда суд получил в июне приказ очистить чердак дворца в трехнедельный срок. Гробиньский суд дела 1796—1839 гг. разместил в тюремном здании. Дела Елгавского полицейского управления 1812—1859 гг. хранились в подсобном неотапливаемом здании, а лиепайской полиции (за 1800—1859 гг.) — в подвале. В этих неотапливаемых, темных и сырых помещениях архивные материалы покрывались плесенью, текст документов выцветал, бумага постепенно разрушалась, а мыши и крысы доканчивали этот процесс. Об этом свидетельствуют анкеты Бауского, Гробиньского и Кулдингского гауптманских судов.

Оправдываясь недостатком сотрудников и штатных сумм, учреждения не приводили в порядок старый или «мертвый» архив, часто не знали и его объема. Дата отграничения старого архива от нового была в отдельных судах совершенно произвольной: в Вентспилсе и Талсы это был 1825 г., в Айзпите — 1830 г., в Гробине — 1839 г., а в Добеле — даже 1849 г. При этом должность архивариуса имелась лишь в Гробиньском и Вентспилском судах, в остальных же судах эта должность совмещалась с должностью столоначальника, секретаря или регистратора. Кроме того, архивариус числился в Курляндской особой сессии земских податей, в Курляндском губернском правлении же были архивариус и помощник архивариуса. В Лифляндском губернском правлении архивариус имел двух помощников, а в Рижском полицейском управлении работали архивариус с помощником.

Анкетные данные 1874 г. об архивах 14 учреждений Лифляндской губернии менее подробны. Архив лифляндского губернатора был размещен в отдельном кирпичном доме, старая часть архива — на чердаке, новая — в канцелярии. Архив состоял из

57 500 дел и 800 связок бумаг (за 1794—1874 гг.). В Рижском полицейском управлении дела 1835—1863 гг. хранились на чердаке, а 1864—1873 гг. — в комнатах. Из пяти городских архивов лишь архивы Цесиса и Лимбажи были размещены в каменных зданиях, архивы Валмиеры, Валки и Слоки находились в деревянных зданиях. Все старые городские архивы Лифляндской губернии погибли, будь то в Ливонскую и Северную войны (Цесис, Валмиера, Валка) или в пожарах 1747 г. (Лимбажи), 1848 г. и отчасти 1863 г. (Цесис). Архивные материалы этих городов начинаются со второй половины XVIII в., а в Лифляндском губернском и Цесисском уездном казначействах — соответственно с 1850 г. и 1828 г.⁴⁰

✓ В 1884 г. управляющий Лифляндской казенной палатой испрашивал разрешения уничтожить дела по правилам Министерства внутренних дел от 1867 г., а не по правилам Министерства финансов 1864 г., т. е. решать самому вопрос об уничтожении дел, а не испрашивать разрешения каждого департамента Министерства финансов. Это предложение мотивировалось тем, что описи до 1867 г. велись на немецком языке, перевод же их на русский язык потребовал бы весьма значительного труда. На такой порядок уничтожения дел согласились лишь канцелярия министерства и департамент неокладных сборов, департаменты же окладных сборов и государственного казначейства требовали соблюдения правил 1864 г., а департамент торговли и мануфактуры вовсе не дал ответа.

В 1884 г. под председательством управляющего казенной палаты была создана разборочная комиссия из начальников отделов, секретаря, чиновника особых поручений и архивариуса. Управление земледелия и государственных имуществ в прибалтийских губерниях в 1884 г. не возражало против уничтожения дел хозяйственного (1809—1841 гг.) и лесного (1799—1821 гг.) отделов, за исключением дела 1822 г. по межеванию Арайшского пастората. Дела же VI и VII реестров, по мнению управления, следовало сохранить⁴¹. До сентября 1888 г. комиссией были рассмотрены и распределены по разрядам дела канцелярии присутствия казенной палаты 1783—1844 гг.; по делам первого разряда была составлена особая опись, а дела второго и третьего разрядов были отмечены в архивных описях, отобраны для уничтожения и хранились особо. Правила разбора, хранения и уничтожения ненужных архивных дел требовали от учреждения назначения комиссии из должностных лиц, которые делили архивные дела на три разряда; дела первого разряда подлежали вечному хранению в архиве учреждения, дела второго и третьего разрядов должны были уничтожаться по истечении установленных сроков⁴².

В то же время в отделениях и канцеляриях накапливались старые дела, которыми были наполнены все шкафы, ящики столов и этажерки. Тогда по распоряжению управляющего палатой все дела были разобраны по разрядам и описям и сданы в архив, за исключением дел последних трех лет, т. е. текущего архива.

В марте 1889 г. 85 описей на дела 1821—1873 гг. были посланы в департамент государственного казначейства; частично это были старые описи на немецком языке. В декабре 1889 г. 19 описей было возвращено, остальные же 66 после просмотра в Петербургском археологическом институте были присланы лишь в 1891 г. В мае 1890 г. было получено разрешение департамента окладных сборов на уничтожение дел по 28 описям дел ревизского стола 1851—1873 гг. В том же году канцелярия Министерства финансов разрешила уничтожить по 5 описям дела 1799—1855 гг., а департамент торговли и мануфактуры — дела 1868—1883 гг. по 15 описям. Таким образом, в 1888—1890 гг. Лифляндской казенной палатой было уничтожено всего около 180 тыс. дел за 1783—1883 гг. весом свыше 600 пудов; на торгах в 1891 г. были еще проданы дела 1821—1873 гг. (весом 784 пуда)⁴³. Управляющий казенной палатой считал, что благодаря этому массовому уничтожению документов палата лишь выиграла, появилась возможность привести архив «в более устроенный вид», количество дел уменьшилось, и уже не составляло особого труда получить необходимые справки⁴⁴.

Получив в 1901 г. разрешение Тверской ученой архивной комиссии, Цесисское уездное казначейство продало с торгов в 1902 г. свои архивные дела 1837—1890 гг., дело же о личном составе казначейства по требованию комиссии было выслано в Тверь⁴⁵. Таким образом, в Твери в историческом архиве губернской ученой архивной комиссии откладывались дела Прибалтики, где таких ученых архивных комиссий не было⁴⁶.

Уничтожение архивов Прибалтики по министерским регламентам продолжалось, и главная причина была все та же — недостаток помещений. В ноябре 1881 г. комиссия по разбору старого архива Лифляндской врачебной управы (в то время уже IV отделения губернского правления) на первом своем заседании признала подлежащими уничтожению 400 дел 1760, 1780, 1781 гг. (отчасти без начала и конца, отчасти поврежденных и сгнивших, равно как и связки отдельных входящих бумаг, черновых отпусков и т. п.). В 1883 г. I Цесисский приходский суд получил разрешение Лифляндского гофгерихта уничтожить списки рекрутских жеребьевок и другие старые бумаги⁴⁷.

Уничтожение 200 тыс. дел из архива Лифляндского губернского правления в 1870-х годах не достигло своей цели, так как

был освобожден лишь чердак замка (да и то только частично), основное же хранилище в башне замка оставалось переполненным делами. Поэтому в 1886 г. была назначена новая разборочная комиссия, которая до 1890 г. выделила к уничтожению 6061 дело; все же эти дела не были уничтожены, так как в апреле 1897 г. вышло новое распоряжение правительства об обязательном участии члена местного ученого общества в комиссиях для разбора и уничтожения старых дел губернских правлений⁴⁸.

Во время ревизии Лифляндской и Курляндской губерний в 1882 и 1883 гг. сенатор Н. А. Манасеин убедился в полной несостоятельности местной судебной системы, в многочисленных противозаконных действиях и самоуправствах судебных и полицейских органов⁴⁹. Эти органы содействовали обеспечению внеэкономического господства немецких помещиков над латышским и эстонским крестьянством.

В своих «всеподданнейших» отчетах за 1885 и 1886 гг. лифляндский губернатор М. С. Зиновьев описывал причины зависимости судебно-полицейского аппарата Лифляндии от дворянства. Весь личный состав этих учреждений избирался дворянством, а кроме того находился в прямой материальной зависимости от него, получая за свою служебную деятельность еще известное вознаграждение, которое было выше основного жалованья. Так, например, в 1886 г. по штату лифляндские орднунгсгерихты получали 26 625 руб. жалованья, а ландратская коллегия доплачивала им 18 030 руб. из земской кассы и 26 354 руб. из рыцарской кассы, т. е. 44 384 руб. Ландгерихтам государство платило 11 184 руб. жалованья, а дворянство доплачивало им 19 312 руб. и т. д. Так как на полицейские и судебные должности шли главным образом малосостоятельные или разорившиеся дворяне, то они стремились любыми средствами выслужиться перед своими собратьями по сословию — владельцами латифундий, чтобы не потерять доходной должности. В аналогичном положении находились и губернские суды в Курляндии⁵⁰. В отчете за 1885 г. Александру III М. С. Зиновьев подчеркивал, что всюду, где узколокальные интересы дворянства сталкивались с интересами государства, объективность судей изменяла им⁵¹. Судебная реформа в Прибалтике стала необходимостью. Введением к судебной реформе было упразднение в 1888 г. орднунгсгерихтов и гауптманских судов и замена их уездными полицейскими управлениями, которые переняли и архивы упраздненных учреждений⁵²; позднее судебные дела орднунгсгерихтов были сданы в архив Рижского окружного суда⁵³.

Из-за сопротивления остзейского дворянства и немецкой крупной буржуазии судебные уставы 1864 г. были введены в Прибал-

тике лет на 25 позже и в более урезанном виде⁵⁴, чем в центральных губерниях России. Буржуазная судебная реформа в прибалтийских губерниях была проведена 9 июня 1889 г. с изданием Положений о преобразовании судебной части и преобразовании крестьянских присутственных мест. Были также предусмотрены правила о приведении в действие этих законоположений⁵⁵. Новую судебную систему возглавляли уголовный и гражданский департаменты Сената. Рижский, Елгавский и Лиепайский окружные суды были подчинены Петербургской судебной палате. На местах были учреждены участки мировых судей, а также их съезды.

Преобразование судебной части в прибалтийских губерниях было проведено в основном с 20 ноября по 3 декабря 1889 г., сдача же архивов упраздненных учреждений продолжалась гораздо дольше⁵⁶. При окружных судах были образованы особые архивы, куда должны были поступить судебные дела упраздненных учреждений. Все корроборационные книги, равно как и реестры к закладным книгам Лифляндского гофгерихта, передавались в крепостное отделение Рижско-Валмиерского съезда мировых судей; туда же подлежали сдаче и книги нотариусов.

Дела же, которые относились к общественным, духовным, полицейским и другим обязанностям городских магистратов и нижних городских судов, подлежали сдаче в архив Лифляндского губернского правления. Ввиду перегруженности последнего почти все несудебные дела рижского магистрата остались в ведении созданного в 1882 г. Рижского городского исторического архива. Архив же коллегии городской кассы был передан учрежденной в 1878 г. Рижской городской управе. Административные дела уездных городов Лифляндской губернии в большинстве случаев попали вместе с судебными делами в архив Рижского окружного суда. Административные же дела приходских и уездных судов и отделения крестьянских дел Рижского ландфогтейского суда подлежали сдаче комиссарам по крестьянским делам.

В рапорте председателя Рижского окружного суда министру юстиции от 21 февраля 1890 г. было описано состояние архивов упраздненных судов и рассмотрены возможности их концентрации в Риге. Архивохранилище в новопостроенном здании Рижского окружного суда должно было вместить архивы 58 учреждений Лифляндской губернии, упраздненных судебной реформой, в том числе 27 приходских судов (без острова Сааремаа), 5 ландгерихтов, 5 уездных судов, 11 магистратов (судебные дела), 7 нижних судов рижского магистрата, самостоятельного суда при тартуском магистрате, фогтейского суда пярнуского магистрата и Лифляндского гофгерихта, а также дела Тартуского университетского суда. В архив должно было поступить около

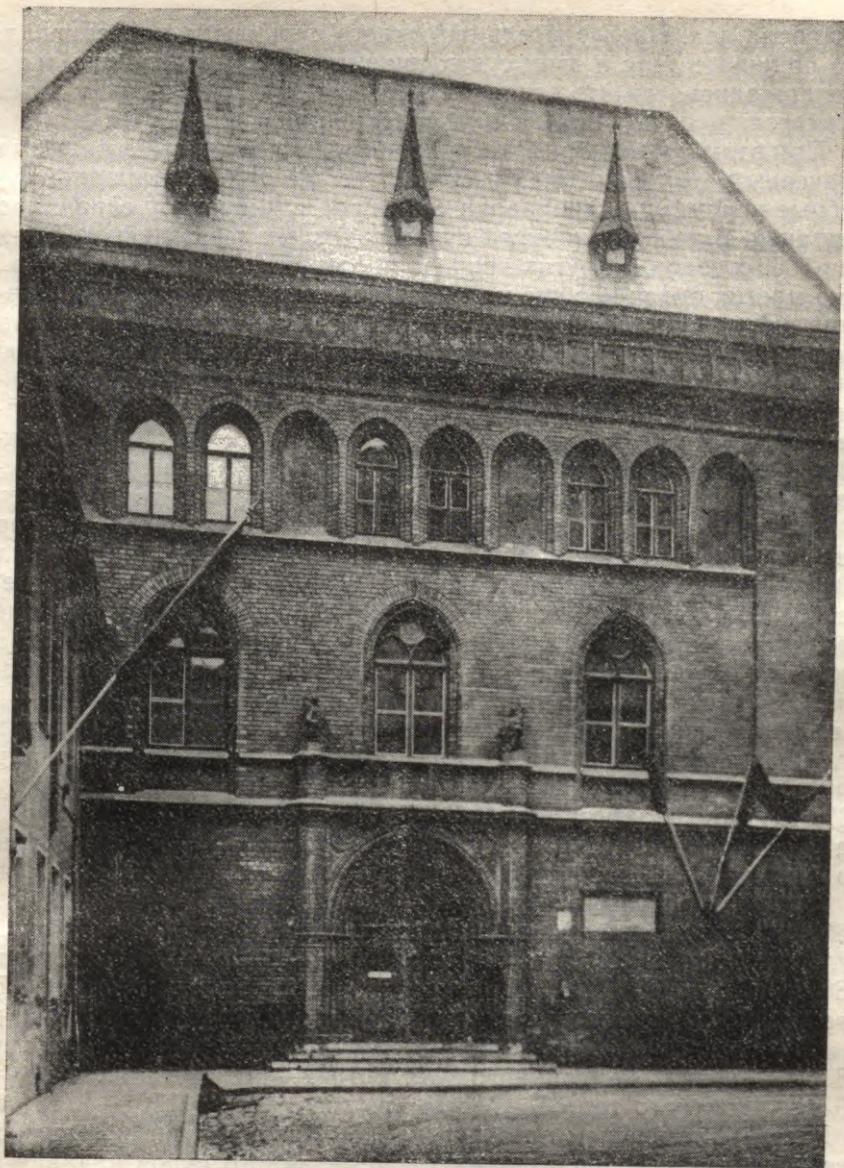

Рис. 11. Домский музей с рижским городским архивом на втором этаже
с 1890 года

миллиона дел. Председатель окружного суда особо подчеркивал, что архивные дела в этих судах никем не просматривались и не уничтожались, так что отдельные архивы достигли значительных размеров, и во многих из них сохранились дела XVIII в.

При этом состояние самих архивных материалов было весьма плачевным, так как за неимением особых архивохранилищ судебные учреждения сваливали свои дела в кладовых, сараях, на чердаках. В некоторых судах описи архивных дел велись с 1840-х или 1850-х годов, в других лишь за последние десятилетия XIX в., а во многих судах вообще не существовало никаких описей. Поэтому в большинстве случаев как суды, так и сами судьи не знали и не могли определить количество архивных дел. По сообщению Цесисского ландгерихта, его дела занимали кладовую, 12 больших шкафов в канцелярии, а кроме того, на чердаке было свалено дел в два раза больше, чем в канцелярии. В Цесисско-Валкском уездном суде дела были размещены в 12 шкафах, а в цесисском магистрате — в двух больших шкафах и на двух полках.

Архивариус Рижского окружного суда с декабря 1889 г. по январь 1890 г. принял в Рижском замке 37 015 дел и 921 журнал Лифляндского гофгерихта за время с 1790 по 1888 г. Для департамента крестьянских дел гофгерихта находились в доме дворянства; в январе 1890 г. их опечатали, перемещение же их в архив Рижского окружного суда состоялось лишь в ноябре. Архивы ландгерихтов, уездных судов и особенно приходских судов в имениях (владельцы которых занимали должности приходских судей) оказались без присмотра, так как полномочия судей и сроки аренды помещений в частных домах истекали к концу 1889 г. Главная забота о пересылке уездных архивов в Ригу легла на плечи уездной полиции, но этим занялись также комиссары по крестьянским делам и некоторые верхние крестьянские суды.

При концентрации архивных материалов упраздненных судебных учреждений Лифляндской губернии Рижский окружной суд руководствовался также циркулярами Министерства юстиции 1866, 1869, 1871 и 1877 гг. о передаче всех дел, относящихся ко времени до 1725 г., в Московский архив Министерства юстиции. В октябре 1890 г. Рижский окружной суд переслал в Москву 58 дел Рижского кемерийного суда за 1679—1725 гг., а в ноябре — 45 дел Рижского торгового суда (ветгерихта) за 1704—1725 гг. В Рижском городском историческом архиве в основном остались все книги протоколов торгового и кемерийного судов начиная с 1613 по 1654 г., не говоря уже об архивах фогтейского (с 1619 г.) и ландфогтейского (с 1547 г.) судов и др., о пересылке которых в Москву вовсе не упоминается. Часть дел Рижского и Пярнуского ландгерихтов XVII в. также осталась в Риге, а часть при

отправке из окружного суда на бумажную фабрику была приобретена архивом лифляндского дворянства⁵⁷. С марта по октябрь 1890 г. в Москву были пересланы 1516 дел Тартуского, Пярнуского и Сааремааского ландгерихтов и пярнуского магистрата за 1660—1725 гг. После X Археологического съезда в Риге (1896 г.) при содействии управляющего Московским архивом Министерства юстиции Д. Я. Самоквасова было установлено, что в этом архиве хранились еще дела вентспилского и гробиньского магистратов за 1732—1798 гг., Кулдигского и Айзпутского обергауптманских судов за 1700—1772 гг. и архивные материалы Эстляндского обер-ландгерихта XVII—XVIII вв. В 1911 г. эти архивные материалы были возвращены соответствующим учреждениям и организациям⁵⁸.

Предусмотренные под архивохранилище подвальные помещения здания Рижского окружного суда не могли вместить всей массы архивных дел. Поэтому разбор архивов происходил отчасти в помещениях упраздненных учреждений в рижской ратуше и в замке. Предоставленные окружному суду в 1890 г. временные помещения для разбора дел были освобождены лишь в марте 1895 г. Часть архивных материалов была перемещена в подвальные архивохранилища Рижского окружного суда и Рижско-Валмиерского съезда мировых судей (здание построено в 1892 г.).

Большая часть архивных материалов была предана уничтожению — в течение пяти лет (1890—1895 гг.) 700 032 дела и книги весом 2541 пуд были проданы с публичных торгов за 1293 рубля 56 копеек. Эту работу проделал архивариус Рижского окружного суда при чисто формальной проверке дел членами суда; в большинстве случаев члены соглашались с архивариусом, что дела «по архивным правилам подлежат безусловному уничтожению, не имея ни юридического, ни исторического интереса». Так, в 1890—1891 гг. два члена суда просмотрели 95 011 дел и из них отобрали лишь 7 дел для отсылки в Московский архив Министерства юстиции. Другой член суда, просмотрев за две недели 34 716 дел, т. е. 2479 дел в день, не нашел среди них таких, которые подлежали бы хранению в архиве. При таком поверхностном просмотре дел несомненно погибло много исторически ценных документов.

По правилам 1885 г. о разборе хранящихся в архиве окружных судов документов упраздненных судебных установлений, описи на уничтожаемые дела не составлялись, их лишь разбивали на пять категорий. Характерно, что господствующий класс заботился, главным образом, о сохранении документов на недвижимое имущество. В правилах 1885 г. о разборе нотариальных актов сказано, что уничтожению не подлежат дела об утверждении

крепостных актов, о переходе прав на недвижимые имущества и вводные листы, крепостные книги и реестры и алфавиты к ним, актовые книги и реестры прежних судебных установлений и т. п.⁵⁹ Но и эти правила в Риге не соблюдались, и лишь на семь фондов с 34 716 единицами хранения были составлены перечни по категориям дел и указаны крайние даты.

Подсчет общих списков дел показывает, что в то время по Лифляндской губернии было уничтожено 700 032 единицы хранения⁶⁰.

Из общего количества уничтоженных дел почти половина (49,26%) относилась к приходским судам, затем следовали дела магистратов (27,62%), ландгерихтов и уездных судов. Преобладающее количество (64,09%) уничтоженных дел относилось к латышской части Лифляндской губернии. Просмотр описей оставшихся в ЦГИА дел приходских и уездных судов показывает, что больше всего было уничтожено как раз дел более ранних лет, следующих непосредственно за крестьянскими реформами 1804, 1809, 1819 и 1849 гг. Среди массы документов, отправляемых из Рижского окружного суда на бумажные фабрики, были также сотни торговых книг рижских купцов, отсутствие которых сильно отражается на исследовании экономической истории города Риги.

По правилам делопроизводства для архива Рижского окружного суда от 8 мая 1893 г.⁶¹, архив разделялся на два отдела: 1) архив сосредоточенных дел упраздненных судебных мест и 2) архив дел собственно окружного суда. Первый отдел архива опять подразделялся на четыре отделения: 1) дела гофгерихта (общее присутствие), гражданские дела ландгерихтов и дела уездных городских судов; 2) дела гофгерихта по крестьянским делам и дела 35 уездных крестьянских судов⁶²; 3) дела рижского магистрата с подведомственными ему городскими судами; 4) уголовные дела рижского магистрата и ландгерихтов. Для этих дел предусматривалось завести особые описи и алфавитные указатели. Эта работа все же не была проведена, так как архивариус суда до 1895 г. был занят выделением дел для уничтожения, а затем обработкой все возрастающего количества дел собственно документации упраздненных судебных учреждений Рижский окружного суда. Полную сохранность оставшейся части архивной ружной суд не сумел обеспечить; в сырых и темных подвалах суда дела сделались недоступными исследователям и в продолжение 11—15 лет подвергались порче, покрываясь плесенью.

В 1901, 1905 и 1906 гг. Рижский окружной суд ввиду перегруженности архивохранилища передал Рижскому городскому историческому архиву все книги и дела рижского магистрата и подведомственных ему судов. Городские управы Цесиса, Валмиеры

и Валки получили назад свои архивы в 1907 г., а в 1908 г. лифляндскому дворянству было передано 102 501 дело гофгерихта 1798—1889 гг. и 4 ландгерихтов. Полученные также дворянством 314 тыс. дел департамента по крестьянским делам гофгерихта и дела 27 приходских и 4 уездных судов за неимением помещения в Риге были перемещены в Цесис. Туда же перевезли архив слокского магистрата, так как Слокская городская управа отказалась от принятия этих дел.

Таким образом, концентрация архивов дореформенных судов в ходе судебной реформы 1889 г. сопровождалась в Лифляндской губернии массовым уничтожением архивных документов и окончилась в 1908 г. передачей уцелевших архивов организациям правящих классов — немецких помещиков и немецкой крупной буржуазии.

Сведения об уничтожении архивных материалов в ходе судебной реформы в Курляндской губернии не сохранились. Передача архивов упраздненных 10 гауптманских судов новоучрежденным уездным полицейским управлениям началась еще в 1888 г. Вместо управ благочиния в городах Елгаве и Лиепае были учреждены полицейские управления во главе с полицмейстерами. В 10 уездах было основано 8 полицейских управлений, возглавляемых уездными начальниками (Елгавско—Бауское, Гробиньско—Айзпутское, Илукстское, Яунелгавское, Тукумское, Талсинское, Кулдигское и Вентспилское)⁶³.

В 1889 г. в Курляндской губернии было учреждено два окружных суда — Елгавский и Лиепайский — без присяжных заседателей; апелляционной инстанцией для них была Петербургская судебная палата. Указ о мировых судебных установлениях был издан в 1880 г., но его проведение в жизнь было отсрочено до 1889 г., т. е. до нового устройства крестьянских судов. В этом году было основано пять судебно-мировых округов со съездом мировых судей в каждом, с двумя городскими и 20 уездными мировыми участками. Апелляция от 348 волостных судов⁶⁴ шла в 10 новоучрежденных верхних крестьянских судах, а высший надзор над теми и другими осуществляли съезды мировых судей. Волостные правления находились под непосредственным надзором 10 комиссаров по крестьянским делам⁶⁵.

Итак, немецкая феодально-сословная судебная система в Прибалтике была заменена буржуазной общесословной судебной системой; лишь для крестьян было создано особое судопроизводство. В Курляндии это выразилось в упразднении обер-гофгерихта, 5 обер-гауптманских и 10 крестьянских уездных судов, а также 11 городских магистратов. Введение в действие судебных установлений было поручено старшему председателю Московской

судебной палаты Завадскому, который предписал судам Земгале прекратить судебную деятельность 30 ноября 1889 г., а Курземе — 3 декабря 1889 г. Для передачи дел канцелярии упраздненных учреждений были оставлены на прежнем основании до 1 января 1890 г., и были поименно указаны судьи, ассессоры, бургомистры и ратманы, ответственные за передачу архивных материалов⁶⁶.

В указе о приведении в действие законоположений о преобразовании судебной части в прибалтийских губерниях есть особая статья об архивах упраздняемых судебных мест (ст. 111). Она гласит: «Для хранения дел упраздняемых судебных мест образуются при каждом окружном суде особые архивы. В сии архивы не поступают те из дел городских магистратов и нижних городских судов, которые относятся к общественным, духовным, полицейским и другим несудебным обязанностям означенных судов; сии последние дела передаются в архивы губернских правлений»⁶⁷.

«Сохранились предписания курляндского губернатора баускому и кулдигскому магистратам от 9 ноября 1889 г. о представлении губернскому правлению описей на несудебные дела. В случае затруднений в составлении описи дел так называемого мертвого архива предлагалось ограничиться сведениями о числе дел⁶⁸. В ответ на запрос кулдигского магистрата ему было предписано снабдить архив оконченных дел надлежащей описью, включив туда дела как магистрата, так и нижних городских судов. Все же еще 23 декабря 1889 г. кулдигский магистрат не смог сообщить Лиепайскому окружному суду даже приблизительное число дел из «мертвого» архива, подлежащих передаче ему и губернскому правлению⁶⁹. Губернатор требовал также составления описей на дела об опеках и попечительствах, которые подлежали передаче новообразованным дворянским и городским сиротским судам⁷⁰.

Составление описей и передача дел затягивались, и еще 13 февраля 1890 г. кулдигский уездный начальник требовал от членов упраздненного городского магистрата передачи дел для высылки в Лиепайский окружной суд⁷¹. В конце концов в этот окружной суд попали архивы шести городских магистратов — лиепайского (1825—1889 гг.), кулдигского (1850—1889 гг.), айзпутского (1840—1889 гг.), вентспилского (1791—1889 гг.), гробиньского (1796—1889 гг.) и пилтенского (1854—1889 гг.). Архивы Кулдигского (1796—1889 гг.) и Айзпутского (1777—1889 гг.) обер-гауптманских судов и пяти крестьянских уездных судов — Кулдигского (1820—1889 гг.), Айзпутского (1884—1886 гг.), Вентспилского (1821—1889 гг.), Талсинского (1822—1889 гг.) и Гробиньского (1819—1889 гг.) — также попали в

Лиепаяу. Остальные архивы Курляндской губернии были переданы Елгавскому окружному суду. Перевозка 10 769 дел гражданских, 9453 уголовных и 733 — о попечительстве Курляндского обер-гофгерихта (1776—1889 гг.)⁷² из Елгавы в Лиепайский окружной суд, очевидно, объясняется нехваткой в Елгаве помещений.

В Московский архив Министерства юстиции были посланы из дел вентспилсского городского магистрата одна связка (Kopvolut) бумаг (1768—1772 гг.), из гробиньского магистрата — две связки (1732—1798 гг.), из документации Кулдигского обер-гауптманского суда — две (1700—1725 гг., 1770—1772 гг.) и Айзпутского — одна связка (1717—1741 гг.)⁷³. Как из Лифляндии, так и из Курляндии в Московский архив отправлялись совершенно случайные документы, собранные без всякой системы; скорее всего эти выхваченные из фондов дела должны были удостоверить выполнение предписания начальства.

Так как царское правительство не предоставляло средств на содержание имеющихся или сооружение новых архивохранилищ, Елгавский и отчасти Лиепайский окружные суды старались освободиться от «мертвых» архивов. Этим сумела воспользоваться курляндская дворянская корпорация, чтобы в 1898—1908 гг. прибрать к рукам большинство архивов упраздненных судебных учреждений. В сентябре 1899 г. архивариус дворянства сообщил, что Министерство юстиции передало из Москвы курляндскому дворянству 1891 связку (fasciculae) бумаг обер-гофгерихта (1483—1797 гг.), 826 дел Елгавского (1750—1757 гг.) и 969 дел Тукумского (1690—1797 гг.) обер-гауптманских судов; все эти дела были сложены в доме дворянства в Елгаве. Старые дела Селпилсского обер-гауптманского суда сгорели при пожаре в 1870-х годах⁷⁴.

Переход в руки дворянства части архивов многих старых учреждений усилил процесс превращения архивов дворянских организаций Курляндии и Лифляндии из сословно-дворянских в общеземские. Курляндское поместное дворянство сделало из этого факта правильный вывод, основав в начале XX в. особый Курляндский земский архив. Лифляндское дворянство не было столь последовательным, хотя в сущности поступило на рубеже XIX и XX вв. таким же образом, отделив от своего архива часть под названием «старый архив Лифляндского рыцарства» с особым директором; лишь «post factum» много лет спустя после упразднения дворянской корпорации и ее архива ее бывший директор дал ему наименование «исторический земский архив в Риге». В отличие от курляндского дворянства, которое передало свой старый делопроизводственный архив (с 1618 г.) Курлянд-

скому земскому архиву, лифляндское дворянство оставило свой старый делопроизводственный архив (с 1648 г.) при канцелярии, так как он был описан М. Врангелем и Ф. Тизенгаузеном (Real-Register) и был необходим канцелярии для справок. Краткий предметный реестр по этому архиву опубликовал в 1872 г. А. Бухгольц в «Verzeichniss der Bibliothek der Livländischen Ritterschaft» (Leipzig, 1872, S. 269—283, «Archivalia»). Отделенный от канцелярии и находившийся с 1902 г. в особом здании и под особым управлением комплекс фондов и коллекций именовался «старым архивом лифляндского рыцарства» — он не происходил из делопроизводства дворянской корпорации⁷⁵.

Красной нитью через политику лифляндского поместного дворянства в XIX в. проходило стремление всячески оправдать и скрыть свои отношения с эксплуатируемым классом латышского крестьянства. Для этой цели дворянство стремилось захватить в свои руки все местные архивы, которые отражали классовую борьбу латышей и эстонцев против своих поработителей — немецких феодалов. Этому немало содействовал весь чиновничий аппарат губернской администрации, состоящий из немцев, причем и на посту губернатора в большинстве случаев был тот же местный помещик.

Не прошло и десяти лет после упразднения в 1809 г. Цесисской ревизионной комиссии, а уже в октябре 1818 г. Лифляндское губернское правление предложило ландратской коллегии принять ее архив⁷⁶. Архив межевой ревизионной комиссии в Валке также попал в руки дворянства и хранился в доме дворянства. После 1819 г. вакенбухи с зафиксированными повинностями крестьян в пользу помещиков потеряли практическое значение, в 1832 г. Лифляндская казенная палата потребовала передачи вакенбухов в свой архив. Лифляндское губернское правление предложило хранить вакенбухи в губернском архиве. На это не согласилась ландратская коллегия: по постановлению ландтага 1827 г. вакенбухи частных имений должны были храниться в дворянском архиве, так как они-де являлись собственностью помещиков; если же, указывали ландраты, казенной палате или губернскому правлению нужны будут вакенбухи какого-нибудь имения, то этим учреждениям никогда не будет отказано в их использовании⁷⁷.

Что это были пустые слова, показывает ревизия сенатора П. А. Манасеина в 1882—1883 гг. Напрасно сенатор искал в правительственных архивах и в архиве ландратской коллегии дела Валкской межевой ревизионной комиссии. В своем отчете П. А. Манасеин пишет «...и только по возвращении моем в С.-Петербург представительство лифляндского дворянства, заинтересованного, смотря по обстоятельствам, как в сохранении, так

и в сокрытии означенных документов, уведомило меня, что часть их (но какая — остается неизвестным) найдена в так называемом мертвом архиве ландратской коллегии»⁷⁸.

Цесисское (Рижское) и Тартуское экономические управления, основанные шведскими властями в конце XVII в. для управления государственными имениями, были упразднены в 1841 г.⁷⁹ Архив экономического управления латышской части Лифляндской губернии хранился в частном доме в Цесисе под надзором бывшего секретаря управления, архив же эстонской части губернии — в Тарту. В 1842 г. ландратская коллегия сумела заручиться согласием губернского правления на передачу всей этой архивной документации в архив дворянства, так как там содержались сведения почти о всех имениях Лифляндии. Лифляндская палата государственных имуществ отобрала лишь документацию начиная с 1829 г., оставив весь старый архив экономических управлений в ведении казенной палаты. Целый год продолжалась переписка губернского правления с казенной палатой, которая не соглашалась на передачу архива без предписания министра финансов. По мнению казенной палаты, эти экономические учреждения были созданы для управления казенными имениями и не имели прямого отношения к ландратской коллегии⁸⁰.

Под влиянием лифляндского дворянства была назначена комиссия, которая выделила из архива экономических управлений документацию, необходимую для палаты государственных имуществ и казенной палаты, а также материалы, подлежащие уничтожению. Весь остальной архив был передан дворянству, а отчасти — городам (по патримониальному землевладению). Полученный дворянством архив экономического управления латышской части Лифляндской губернии более четверти века (1853—1879 гг.) пылился на чердаке дома дворянства и лишь в начале XX в. был разобран и описан. Архив экономического управления эстонской части губернии в Тарту сильно пострадал во время Северной войны, а после большого пожара города в 1775 г. почти ничего не сохранилось; остатки архива постепенно гибли от сырости на чердаке тартуской тюрьмы⁸¹.

В дневнике лифляндского ландмаршала барона А. Мейендорфа (1839—1911 гг.) записано, как ловко дворянство сумело присвоить себе архив Остзейского комитета (1846—1876 гг.). Этот «Комитет для устройств быта лифляндских крестьян» был учрежден по приказу Николая I в январе 1846 г. в Петербурге и состоял из министра внутренних дел Л. П. Перовского (затем А. Тимашева), министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева, товарища министра внутренних дел Сенявина и 5—9 представителей лифляндского дворянства⁸². Оба предсе-

дателя комитета — граф Петр Пален (1846—1859 гг.) и М. фон Грюневальд (1859—1876 гг.) также принадлежали к числу лифляндских помещиков. В архивных материалах этого комитета нашли отражение дискуссии между представителями правительства и прибалтийского дворянства по аграрным вопросам, особенно по вопросу о квотной земле, введение которой означало вторичное ограбление латышских крестьян⁸³.

С упразднением должности прибалтийского генерал-губернатора и смертью последнего председателя комитета М. Грюневальда в 1876 г. Остзейский комитет перестал существовать, а наследники Грюневальда перевезли архив комитета в Таллин. Когда в 1881 г. дворянство старалось восстановить Остзейский комитет, архив был отправлен в Тарту последнему делопроизводителю комитета А. фон Тидебелю, а тот, в свою очередь, передал архив Лифляндской ландратской коллегии⁸⁴. Затем архив Остзейского комитета был упрятан в кадастровом отделении ландратской коллегии, откуда извлечен лишь спустя 40 лет⁸⁵.

В анкете Д. Я. Самоквасова о состоянии архива лифляндского дворянства Г. Бруйнинг в мае 1899 г. изложил свой взгляд на централизацию архивов Прибалтики. Проект учреждения одного областного архива для всех трех прибалтийских губерний он отверг как нецелесообразный, так как история каждой из этих губерний с 1561 по 1795 г. шла разными путями; она разрабатывалась местными историками особо для каждой губернии. Г. Бруйнинг возражал также против сосредоточения в центральных областных архивах благоустроенных общественных (сословных) архивов, в первую очередь архива лифляндского дворянства. Эту меру он предлагал распространить лишь на те общественные архивы, в которых отсутствует организованное руководство, не обеспечена сохранность документов и которые недоступны для научных исследований⁸⁶.

Тех же вопросов касался историк Р. Гаусман (1842—1918 гг.) на XI Археологическом съезде в Киеве (1899 г.), где он совместно с А. Геденштремом представлял интересы немецких исторических обществ Прибалтики; в протоколе специальной комиссии Археологической секции съезда записано их особое мнение: «чтобы общественные архивы Прибалтики, доступные для научных исследований и уже приведенные в надлежащий порядок, сохранили этот порядок неизменным и на будущее время». Предложение Р. Гаусмана и А. Геденштрема, чтобы общественные архивы Прибалтики не были подчинены надзору губернских архивных комиссий, встретило единогласное возражение других участников съезда. По проекту съезда для Прибалтики был предусмотрен один из 12 областных центральных архивов, где пред-

полагалось сосредоточить все архивные материалы до наместнического периода, в том числе шведский генерал-губернаторский и курляндский герцогский архивы. Архивы городов и благотворительных учреждений Д. Я. Самоквасов считал общественными, архивы же дворянских обществ — правительственными. Несмотря на протесты Р. Гаусмана, все другие участники съезда согласились с мнением Д. Я. Самоквасова⁸⁷.

Проект Археологического съезда прибалтийские немцы расценили как посягательство на обладание и управление архивами классов немецких помещиков и буржуазии Прибалтики; реакция была мгновенной, и протесты прибалтийских немцев дошли до столицы. В августе 1899 г. Р. Гаусман сообщил очередному лифляндскому ландрату В. Майделю об опасности, угрожающей прибалтийским архивам, в декабре дворянский конвент решил запросить ландмаршала А. Мейендорфа относительно судьбы проекта о централизации архивов. В письме к ландмаршалу В. Майдель указывал, что осуществление централизации архивов в Прибалтике облегчит исследования в государственных архивах, но, с другой стороны, лишит дворянство как управления своим архивом, так и возможности контроля за его использованием, и в то же время значительно затруднит работу канцелярии дворянства, которая нуждается в архивных документах старого времени⁸⁸. Тревога немецкого дворянства оказалась напрасной: проект централизации архивов Д. Я. Самоквасова, как и ранее проект Н. В. Калачова, не был осуществлен. Весь государственный аппарат находился в руках дворянства, открыть же буржуазии доступ к государственным архивам было не в интересах ни русского, ни прибалтийского дворянства⁸⁹.

Разделенный на три части Курляндский герцогский архив постепенно подвергся распылению и расхищению. Курляндская казенная палата продала свою часть архива на макулатуру в 1871 г., и лишь незначительная часть документов попала в частные коллекции архивариуса И. Валдемара и учителя Х. Дидерихса. Дела обер-гофгерихта герцогского времени были переданы Курляндскому дворянскому комитету в 1899 г. Сохранность самой значительной части архивных материалов в Курляндском губернском правлении также не была обеспечена: чиновники сидели на архивных тюках, архивными документами зажигали трубки, серебряные печати отрезались от древних грамот и давались детям для игры.

В 40-х гг. XIX в. Курляндским дворянским комитетом были предприняты неудачные попытки упорядочения архива. Бесплодной оказалась также работа О. Мирбаха и дворянского архивариуса Ф. Сакена в 1851 г. Лишь в 1857 г. и в последующие годы

А. Гейкин осуществил разбор герцогского архива, размещенного в четырех закрытых шкафах⁹⁰. О результатах своей работы А. Гейкинг опубликовал краткие сообщения⁹¹; им было систематизировано 136 связок, но 592 связки остались неразобранными.

На просьбу Курляндского общества литературы и искусств о передаче ему архива для упорядочения губернское правление ответило в 1865 г. отказом, не считая себя вправе передать государственные архивные материалы частному обществу. Министр внутренних дел П. Р. Валуев разрешил обществу в 1866 г. разборку и описание архива лишь в помещении губернского правления и под надзором чиновника. Через шесть лет общество воспользовалось разрешением, в 1872—1875 гг. и 1881 г. историк Т. Шиман в основном окончил систематизацию и описание архива⁹².

Т. Шиман хотел по возможности восстановить прежний порядок в архиве и поэтому распределил архивные материалы хронологически по периодам правлений отдельных герцогов. Часть материалов он распределил по предметным группам: постановления ландтагов, земские, судебные и городские дела, пилтенские дела и, наконец, канцелярское делопроизводство. Систематизация Т. Шимана легла в основу всех последующих описей. Обзоры герцогского архива он опубликовал в 1882⁹³ и 1886 гг. и отдельно описал пилтенский архив, причем подробно остановился на периоде правления герцога Якова⁹⁴.

Т. Шиман явно шел по стопам своего учителя К. Ширрена, рьяного защитника остзейских привилегий. Латышский народ, его жестокая феодально-крепостническая эксплуатация, которой он подвергался, и его классовая борьба Т. Шиманом не упоминается вовсе. Даже восстание мельников в Елгаве в 1792 г. и крестьян районов Кулдиги и Гробини в 1794 г. Т. Шиман обошел молчанием, равно как и сведения о побегах крестьян, которые содержатся в материалах о борьбе курляндских городов с дворянством (подчас такие сведения из истории латышского народа приходится, конечно, добывать чтением между строк). Зато Т. Шиман подробно освещает архивными материалами историю господствующих классов немецких помещиков и горожан, политические сношения герцогства, родственные и семейные обстоятельства представителей династий Кетлеров и Биронов.

За все это время сохранность герцогского архива не была обеспечена, как отмечал в своей докладной записке чиновник по особым поручениям К. А. Военский в августе 1891 г. По его мнению, архив был приведен в порядок частным обществом, затратившим на это известную сумму денег и благодаря этой затрате получившим молчаливое согласие считать архив его собствен-

ностью. Общество не сочло нужным сообщить губернскому начальству о результатах работы Т. Шимана и не переслало составленную им опись для перевода на русский язык. Вследствие этого архивариус губернского правления совершенно не знал состав герцогского архива, и когда в 1872 г. пришел приказ выявить все бумаги Петра I, губернскому правлению пришлось обратиться к частному Курляндскому обществу литературы и искусств, чтобы при помощи Т. Шимана найти нужные документы.

Доступ к герцогскому архиву был совершенно свободен; так в 1851 г. ключи от герцогского архива получили О. Мирбах⁹⁵ и архивариус дворянства Ф. Сакен. Следствием отсутствия контроля за занятиями частных лиц в архиве было то, что исследователи в любое время могли по своему усмотрению уносить к себе домой из архива не только отдельные бумаги, но и целые связки документов. Например, в 1855 г., как отмечал К. А. Военский, флигель-адъютант О. Мирбах возвратил две связки документов из герцогского архива, найденные после смерти его отца О. Мирбаха⁹⁶.

С 1872 г. посещения герцогского архива членами Курляндского общества литературы и искусств еще более участились; они приносили с собой связки дел, взамен их брали другие и уносили их домой. В 1885 г. губернскому правлению была возвращена связка документов герцогского архива из Вильянди от учителя Э. Серафима. В 1888 г. архивариус губернского правления подал вице-губернатору рапорт по поводу бесцеремонного хозяйничанья в губернском архиве членов общества Г. Дидерихса и Боя; им было объявлено о необходимости получения именного разрешения на посещение архива, но архивариусу было предложено не препятствовать им заниматься в герцогском архиве⁹⁷. Такое положение объяснялось отмеченной уже выше тесной связью высшего губернского начальства в лице губернаторов и вице-губернаторов с немецким поместным дворянством⁹⁸ и с Курляндским обществом литературы и искусств, где кресла председателя занимали те же представители дворянства или их сородичи⁹⁹.

Для того чтобы латышская интеллигенция получила доступ к архивам, необходимы были особые распоряжения губернского начальства. Так, сохранилось любопытное дело 1876 г. «О разрешении и. д. инспектора губернской типографии Ю. Матеру брать из архива указы и другие законоположения для составления дополнений к Положению о курляндских крестьянах»¹⁰⁰.

Большое влияние на судьбу архивов Прибалтики оказал X Археологический съезд в Риге в 1896 г. О герцогском архиве на

съезде были прочитаны два доклада. Я. И. Лудмер описал неприглядное положение архива, который хранился в проходной комнате, служившей одновременно и приемной; осветив общее содержание архива, Я. Лудмер отозвался о Т. Шимане крайне пренебрежительно: «занимавшийся в нем несколько недель и давший архивным материалам хотя некоторую общую группировку по крупным историческим эпохам»¹⁰¹.

Г. Дидерихс прочитал доклад о том же архиве, который с 1561 по 1701 г. перемещался 10 раз, скитаясь между Елгавой, Стокгольмом, Ригой и Ивангородом. Упомянув затем известную судьбу архива в новом герцогском замке и раздел его в 1797 г., Г. Дидерихс рассказал о потерях архива в 1812 г., когда в помещении архива разместился лазарет прусских оккупационных войск. Ссылаясь на Т. Шимана, Г. Дидерихс отметил, что архив представлял огромный интерес для истории Курляндии и гораздо менее интересен для истории России; Г. Дидерихс, как и Я. Лудмер, просил, чтобы съезд ходатайствовал перед правительством о передаче герцогского архива курляндскому дворянству¹⁰². С этим не согласился представитель Казанского университета историк Д. А. Корсаков. Он считал весьма желательным привлечение Курляндского общества литературы и искусств к ученой разработке архива, но управление им должно остаться в руках правительственного учреждения¹⁰³. В ответ на соответствующий запрос съезда курляндский губернатор Д. Д. Свербеев заявил о своей готовности допустить к разбору архива ученых лиц, представленных ему дворянством, и о своем согласии поддержать ходатайство о передаче архива в ведение курляндского дворянства, если в нем не найдется бумаг, имеющих общероссийское историческое значение¹⁰⁴.

Описывая на съезде бедственное положение архива рижского генерал-губернаторства (1710—1876 гг.)¹⁰⁵, И. И. Василев резко критиковал отношение местного рижского общества к русским памятникам в Прибалтике. Он отметил, что редкое мероприятие правительства обходилось без сильного протеста со стороны прибалтийского дворянства, которое твердо стояло на почве общего закона о неприкосновенности сословных интересов. По глубокому убеждению И. И. Василева, земское дело есть тоже «государево дело», в Лифляндии же оно чисто дворянское дело¹⁰⁶.

Выступлением И. И. Василева на форуме Археологического съезда был поднят вопрос о забытой части архива, имеющей столь важное значение для истории Прибалтийского края в период принадлежности его к России, в то время как интересы прибалтийско-немецких историков были сосредоточены лишь на герцогском и шведском архивах. 14 августа 1896 г. совет Археоло-

логического съезда принял постановление ходатайствовать об организации архивов Прибалтийского края (шведского и русского генерал-губернаторских в Риге и герцогского в Елгаве) с целью дать им соответствующее помещение и ученых архивариусов и таким образом сделать доступными для пользования и изучения¹⁰⁷.

Когда в 1897 г. возникла угроза перемещения архивов курляндских герцогов и шведских генерал-губернаторов в Московский архив Министерства юстиции, господствующие круги остзейцев забили тревогу. В июле 1897 г. лифляндский ландмаршал Ф. Мейендорф обратился к министру внутренних дел И. Л. Горемыкину с просьбой предотвратить увоз архивов из Прибалтики. Немцы сумели заручиться также покровительством графини П. С. Уваровой, которая из своего имения в селе Карачарово под Муромом направила Николаю II просьбу оставить архивы в Прибалтике. Рижское общество истории и древностей предложило принять архив шведских генерал-губернаторов в свое помещение, а курляндское дворянство — разместить архив курляндских герцогов у себя. При этом обе организации согласились без правительственных пособий разобрать и описать архивы и сделать их доступными для научных исследований.

Для более точного выяснения содержания этих архивов царь Николай II повелел 17 июля 1897 г. учредить особую комиссию под председательством чиновника Министерства внутренних дел в составе представителей от министерств юстиции и военного, с привлечением делегатов местных дворянских и ученых обществ¹⁰⁸. В результате были учреждены две комиссии — в Риге и Елгаве. Рижская комиссия была основана предложением министра внутренних дел от 25 июля 1897 г. «для исследования содержания и исторического значения хранящегося в Рижском замке шведского архива». Она начала свою работу в мае 1898 г. и закончила осенью 1905 г. Опись архива была издана на немецком языке в 1908 г., а на русском — в 1911 г. Работа по приведению архива в порядок была в основном проделана Ф. Бинеманом¹⁰⁹.

Елгавская комиссия по разбору герцогского архива осенью 1898 г. установила, что напечатанная в трудах X Археологического съезда опись К. А. Военского не является переводом полного каталога Ф. Шимана 1881 г. Комиссия решила составить новую опись, придерживаясь системы и нумерации Т. Шимана; в конце 1900 г. комиссия закончила свою работу, а опись была напечатана в 1903 г.¹¹⁰ Еще в 1899 г. комиссия выступила с пожеланием, чтобы для герцогского архива была учреждена должность ученого архивариуса, но Министерством внутренних дел

это предложение было отклонено. Комиссия полагала, что архив миллионной ценности, составляющий государственное достояние, не может храниться в ином месте, кроме как в правительственном, каким было Курляндское губернское правление¹¹¹. В 1909 г. герцогский архив по приказу П. А. Столыпина был перемещен в Петербург в архивохранилище Государственного совета.

Условия сохранности Рижского городского архива все время ухудшались. В 1875 г. Министерство внутренних дел не дало согласия на увеличение окладов экзекутора и актуариуса магистрата и на создание новой должности помощника архивариуса. Магистрат был вынужден обратить внимание на состояние городского архива и в 1876 г. поручил двум ратманам составить проект его реорганизации. Было установлено, что недостатки в архиве объяснялись отчасти неправильным формированием дел и ошибочной регистрацией. Добавочная рабочая сила могла бы устранить эти недостатки, но для создания совершенно упорядоченного архива, который соответствовал бы всем законным требованиям, необходима была полная реорганизация всего городского архива.

По отраслям деятельности магистрата городской архив подразделялся на пять особо управляемых отделов: 1) внутренний, или собственно городской, архив — под непосредственным управлением одного ратмана; 2) внешний архив — в ведении архивного нотариуса; 3) архив распорядительных дел и прошений — в ведении экзекутора и актуариуса; 4) архив судопроизводства по гражданским делам — в ведении обер-нотариуса; 5) архив крепостных дел — в ведении нотариуса крепостной экспедиции¹¹². В сентябре 1877 г. для архивного нотариуса, актуариуса и экзекутора были выработаны особые инструкции. Архивный нотариус должен был в основном руководствоваться статьями 66—84 Свода местных узаконений о разделении архива на текущий и окончательный¹¹³, кроме того, дела административные предполагалось отделить от судебных; надзор над нотариусом надлежало поручить обер-секретарю, делопроизводство должен был контролировать первенствующий бургомистр, на которого возлагалась также обязанность совместно с инспектором канцелярии проводить периодические ревизии архива. Однако ввиду рассредоточения архивных материалов, предположенные меры не были осуществлены и неурядицы в городском архиве не были устранены. В 1878 г. бургомистр жаловался, что актуариус не был в состоянии найти нужные дела. В апреле того же года магистрат предписал актуариусу не выдавать никому дела без расписки, как это практиковалось до этого¹¹⁴.

К 50-м гг. XIX в. средневековый трехсословный строй городского управления Риги (магистрат, Большая и Малая гильдии) оказался полным анахронизмом. Число жителей города уже превысило 100 тысяч, а между тем политически полноправных граждан было лишь около 1700 (члены магистрата и обеих гильдий). Двадцать членов магистрата уже не могли справиться с управлением большим городом, исполнять административные, судебные и отчасти законодательные функции¹¹⁵. Помимо участия в коллегии магистрата, каждый ратман занимал еще несколько должностей в подчиненных магистрату нижних городских судах, в административных коллегиях и городских инспекциях. Часть ратманов-купцов была, кроме того, занята в своих торгово-промышленных предприятиях.

С введением в Прибалтике в 1877 г. общероссийского Городового положения 1870 г. рижский магистрат был лишен административных функций городского управления, эти функции перешли к городской думе и городской управе, которые начали свою деятельность в 1878 г. Судебные функции магистрата оставались в силе еще до конца 1889 г., когда рижский магистрат был окончательно упразднен судебной реформой. Последнее заседание магистрата состоялось 27 сентября 1889 г. При разделе компетенции между магистратом и новыми городскими органами в 1878 г. было постановлено оставить городской архив в прежнем положении, с тем чтобы предотвратить его раздробление. Право пользования архивом предоставлялось как магистрату, так и городской управе¹¹⁶. Рижский магистрат до конца своей деятельности так и не сумел улучшить состояние городского архива. Докладная записка Общества истории и древностей от 15 декабря 1881 г. описывала те же недостатки в городском архиве, которые были вскрыты еще в 1876 г.¹¹⁷ По предложению общества постановлением Рижской городской думы от 1 февраля 1882 г. была создана должность городского архивариуса и с 1 апреля замещена историком Г. Г. Гильдебрандом. Вместе с тем Рижский городской исторический архив стал отдельным городским учреждением.

По инструкциям 1882 и 1887 гг. городской архивариус непосредственно заведовал городским архивом под надзором городской управы, которой представлял ежегодные отчеты о проделанной работе¹¹⁸. Особенно содержательны были отчеты первого городского архивариуса Г. Гильдебранда, которому был поручен внешний архив в 1882—1888 гг. Еще в бытность Гильдебранда помощником библиотекаря он по поручению Российской Академии наук исследовал русские и литовские исторические источники в архивах Таллина и Риги¹¹⁹. Изучив уникальную русскую

документацию Рижского городского архива еще до своего назначения архивариусом, Г. Гильдебранд сумел внести существенные исправления в изданные К. Э. Напьерским «Русско-ливонские акты»¹²⁰.

Систематизируя и описывая отдел внешнего архива «Moskovitica-Ruthenica», Г. Гильдебранд много потрудился над установлением хронологических рамок недатированных русских документов XV—XVII вв.¹²¹ Его работу продолжил следующий архивариус — Ф. Шварц, который установил в 1896 г., что помимо описанных 500 русских документов имеется налицо еще до 350 недатированных документов¹²². Отчеты Гильдебранда превратились в обзоры фондов с максимальным выявлением содержания. Он первый исследовал историю рижской торговой конторы в Полоцке, им же выявлена документация о рижской православной церкви св. Николая в XV—XVI вв. С такой же скрупулезностью он выявил и описал документацию отдела «Aulica-Polonica», относящуюся к так мало исследованному польскому периоду в истории Латвии¹²³. В годовых отчетах за 1887 и 1888 гг. Г. Гильдебранд очень подробно рассматривал письма польских, шведских и русских магнатов и вельмож XVI—XVIII вв. из отдела «Literae», тут же шла речь и о письмах разных городов, адресованных рижскому магистрату¹²⁴.

Смерть первого городского архивариуса Г. Гильдебранда в январе 1890 г. совпала с окончанием первого периода деятельности Рижского городского исторического архива. В связи с окончательным упразднением рижского магистрата с 1890 г. в ведение городского архивариуса перешел весь городской архив, включая и «внутренний архив»¹²⁵.

Перед преемниками Г. Гильдебранда встали новые задачи — перемещение архивных материалов из ратуши и концентрация их в помещениях Домского музея. В 1890 г. в новое здание были перемещены внешний архив, архивные материалы главной канцелярии магистрата (протоколы, миссивы и др.) и подведомственных ему учреждений, в 1892 г. — дела и книги с чердака ратуши, а в 1893 г. — архив старой городской учетной кассы¹²⁶. Хотя в 1899 г. архивохранилище в Домском музее было расширено за счет добавочного помещения, но массовый наплыв судебных и административных дел магистрата, возвращенных в 1905—1910 гг. из Рижского окружного суда, Съезда мировых судей и городской управы, переполнил архивохранилище и чердак.

Московский архив Министерства юстиции возвратил городскому архиву в 1910 г. 104 дела рижского торгового, кемерийного, цехового и фогтейского судов за 1679—1725 гг., отосланные в

Москву в 1889 г. В эти же годы городскому архиву были возвращены рукописи и городские книги XIV—XVII вв., отчужденные в свое время из архива и попавшие в городскую библиотеку, в рукописные собрания лифляндского дворянства и Общества истории и древностей¹²⁷. В 1910 г. в ведение городского архивариуса перешел городской дом на Иоанновском дворе (Яня сета) с архивными материалами Рижской городской управы. В 1914 г. Рижский городской архив был размещен в Домском музее (внешний архив, главная канцелярия магистрата и подведомственные учреждения), в ратуше (внутренний архив) и в архивном складе на Яня сета (дела Рижской городской управы с 1878 г.). После упразднения Рижского податного управления (в 1917 г.) в ведение городского архива перешли архивы податного управления и городского по воинской повинности присутствия вместе с архивохранилищем на улице Шкюню, 11¹²⁸.

В Елгаве изменение городского строя не привело к созданию особого управления городского архива. В мае 1887 г. магистрат сообщил Елгавской городской управе о плохом состоянии старого городского архива. В сентябре того же года архив был перемещен с чердака в дом привратника при здании городской управы. В 1891—1892 гг. историк Г. Дидерихс упорядочил там архив и составил обзор его материалов с XVI в., но уже через два года архив водворили обратно на чердак дома городской управы. В 1889 г. Елгавскому окружному суду были сданы лишь судебные дела, административные же остались на месте. С согласия городской думы городская управа передала в ноябре 1904 г. весь старый магистратский архив Курляндскому земскому архиву. Новая документация и архивы городских учреждений XIX в. остались на чердаке городского дома. Большое количество документов елгавского городского архива попало в Курляндский земский архив в составе коллекций документов И. Валдемара, Э. Крюгера и Г. Дидерихса, там же была сосредоточена документация елгавских ремесленных цехов и другие материалы.

Архивы Латвии в эпоху империализма и революций начала XX века

ПОЛОЖЕНИЕ АРХИВОВ ЛАТВИИ В НАЧАЛЕ XX в. РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И АРХИВЫ

Проект Д. Я. Самоквасова о централизации архивного дела был окончательно положен под сукно в 1902—1903 гг., но со времени XI Археологического съезда в Киеве (1899 г.) вопрос об архивной реформе не снимался с повестки дня. Верх в это время взяли отвергавшие принцип централизации защитники местных интересов — губернские архивные комиссии, которые пользовались покровительством правительства. Из выступлений представителей губернских архивных комиссий на археологических съездах вытекало, что они стремились свести архивную реформу лишь к улучшению материального положения архивных комиссий и расширению их прав на доступ в архивы всех ведомств, самоуправлений, обществ и организаций.

Из отобранных комиссиями архивных документов составлялись исторические архивы при них. Но это в сущности были не архивы, а коллекции разрозненных документов и единиц хранения из фондов разных губернских и уездных учреждений. Архивные комиссии учреждались начиная с 1884 г., и перед Великой Октябрьской социалистической революцией комиссии существовали в 40 губерниях¹.

В Прибалтике губернские архивные комиссии не были созданы, поэтому списки не подлежащих хранению документов посылались в Тверскую архивную комиссию, основанную в 1884 г. На всероссийских археологических съездах Прибалтику представляли члены Общества истории и древностей в Риге, которые неизменно защищали благоустроенные сословные архивы городских и дворянских самоуправлений края и требовали, чтобы принцип централизации на эти архивы не распространялся. Они ратовали также за передачу им шведского генерал-губернатор-

ского архива и архива курляндских герцогов (вывезенного в 1909 г. в Петербург), а также за возвращение из Москвы архивов дореформенных судов².

В 1902—1903 гг. правительство в целях экономии средств объединило Витебский архив древних актов с Виленским архивом под общим названием «Виленского архива древних актов». В результате архивные материалы Латгалии из Витебска были перемещены в Вильнюс³.

О создании центрального архива по истории Курляндии первым начал говорить еще Т. Шиман в 1877 г. В первую очередь он хотел поместить туда архив курляндских герцогов, разборкой и описанием которого он занимался; помимо того, в архиве, по его мнению, следовало собрать мызную документацию, сохранность которой не была обеспечена. При этом Шиман указал на пожар Дундагского замка в апреле 1872 г., когда сгорел богатый древний вотчинный архив. Роль основателя и попечителя нового архива Шиман хотел поручить курляндскому дворянству, в безопасных в пожарном отношении сводчатых помещениях дома которого в Елгаве должен был находиться архив⁴.

Около четверти века это предложение не находило отклика. В то же время среди зажиточной прослойки буржуазии и в дворянских кругах Курляндии все больше начал распространяться интерес к генеалогическим исследованиям. Стремление доказать свою принадлежность к привилегированному классу — дворянству, особенно к его древним родам, привело к 1890-м годам к основанию особой секции по генеалогии, геральдике и сфрагистике при Курляндском обществе литературы и искусства. На заседании этой секции в июне 1901 г. председателем вновь был поднят вопрос о создании в Елгаве земского архива для хранения вотчинных и городских архивов, церковных книг и герцогского архива⁵.

К началу XX в. состав документации Курляндского дворянского архива сильно изменился, он потерял свой сословный характер и стал земским архивом. Секретарь дворянства и его помощник — актуариус едва справлялись с текущим архивом (с 1800 г.)⁶. Старый архив дворянства (за XVI—XVIII вв.) и пилтенский архив, разобранные и описанные Шиманом в 1870-х годах, лишь обременяли делопроизводственный архив. Положение дворянского архива усложнялось все время притоком новой непрофильной документации: в 1886 г. поступил архив русского посольства в Елгаве, в 1887 г. часть дел Курляндского обер-гофгерихта, коллекция документов герцогского времени И. Валдемара, в 1898 г. — дела Елгавского и Тукумского обер-гауптманских судов. Дворянская канцелярия не могла справиться с

упорядочением поступивших архивов, и описание их поручалось третьим лицам⁷.

Логическим разрешением вопроса было основание Курляндского центрального архива⁸ в Елгаве по постановлению ландтага курляндского дворянства от 6 марта 1903 г. Устройство архива возлагалось на избранную ландтагом дворянскую архивную комиссию, которая и впоследствии должна была служить совещательным органом по архивным делам. Вслед за тем архивная комиссия опубликовала три инструкции — относительно управления архивом и пользования им, а также служебные постановления для директора архива⁹. Новому архиву были поставлены широкие задачи — собрать все рукописные источники по истории Курляндии, в первую очередь орденского периода и герцогских времен. Управление архива должно было также заботиться о сохранении архивов русского времени, по возможности не допускать уничтожения исторических документов в административных учреждениях и принимать в дар или в качестве депозита дела из архивов этих учреждений¹⁰.

Концентрация архивных материалов в здании Курляндского земского архива началась уже летом 1903 г. и продолжалась вплоть до 1912 г. В первую очередь туда были перемещены архивы и коллекции документов из дворянского архива, затем поступила из Курляндской казенной палаты сохранившаяся часть герцогского архива, из Елгавского и Лиепайского окружных судов — архивы дореформенных судов. Из подвалов Елгавского замка Курляндским губернским правлением были переданы городские архивы Лиепая, Гробини, Айзпуде, Кулдиги, Вентспилса и Пилтене. Городские архивы дополнились старой документацией Елгавы, Айзпуде и Пилтене, переданной этими городскими управами и документацией Гробини, Дурбе и Вентспилса, возвращенной из Московского архива Министерства юстиции. Из частной коллекции были получены дела вентспилсского магистрата XVI—XVIII вв., отчужденные в 1889 г. К концу 1911 г. в земском архиве были сконцентрированы церковные (метрические) книги и исторические документы до 1833 г. из 83 церковных архивов (при общем числе протестантских церквей Курляндии — 107); с 1580 по 1860 г. от пожаров в Курляндии пострадали 34 церковных архива, причем некоторые архивы горели по 3—4 раза. В результате воззвания архивной комиссии дворянства от 4 апреля 1904 г. в земском архиве за восемь лет была собрана документация 138 мызных архивов¹¹.

В бурные дни буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., когда латышское крестьянство под руководством городского пролетариата героически боролось против пережитков фео-

дального строя и царского самодержавия, погибло немало архивных документов и даже целых архивов.

Низшей административной единицей аппарата подавления восстания крестьян, созданного самодержавием, было волостное правление. Это учреждение крестьянского «самоуправления» находилось в руках кулачества, богатых владельцев крестьянских хуторов, так называемых серых баронов. В волостном доме хранились податные списки, списки новобранцев, тут же находился архив волостного суда. Паспортные бланки, захваченные в волостных правлениях, спасли немало революционеров от преследований царской охраны. Всего во время революции 1905—1907 гг. пострадали 29 волостных и 6 приходских архивов¹².

В паническом страхе перед размахом революции верхушка лифляндской дворянской корпорации решила вывезти самые ценные для дворянства архивные материалы за границу; в случае победы революции открылся бы доступ в архивы дворянства, где хранились красноречивые свидетельства вековых притеснений латышского народа господствующим классом немецких помещиков. Для размещения архивов прусские юнкера осенью 1905 г. обещали безвозмездно предоставить своим лифляндским собратьям помещения в Мариенбургском замке — древней резиденции верховных магистров Тевтонского ордена. Был даже предусмотрен маршрут архивного транспорта: морем из Риги в Гданьск или Кенигсберг, а оттуда баржами до Мариенбурга.

Вывоз документальных материалов был задуман в широком объеме и должен был охватить также рукописные материалы Общества истории и древностей и других немецких организаций. Из архива дворянства предполагалось отправить в Пруссию средневековые грамоты, рукописи Рифмованной хроники, «Истории лифляндского дворянства» Гадебуша, «Истории лифляндского ландесштата» Унгерн-Штернберга, старый архив Лифляндского гофгерихта и другие рукописные материалы¹³. Учреждение Временного Прибалтийского генерал-губернаторства и жестокая расправа карательных отрядов с революционерами значительно изменили ситуацию в Прибалтике. В письме от 28 декабря 1905 г. Лифляндская ландратская коллегия уведомила К. фон Левиса оф Менара, что ввиду более «благоприятного» положения в Риге коллегия отказалась от проекта вывоза архивных материалов в Мариенбург¹⁴.

Исторические фонды и коллекции архива лифляндского дворянства были перемещены в 1902 г. в особое здание, где находились под управлением назначенного ландтагом директора. В доме дворянства остался весь делопроизводственный архив начиная со шведских времен и коллекция церковных книг лиф-

ландских приходов до 1834 г. Эти архивные материалы были необходимы канцелярии дворянства для ведения генеалогических таблиц дворянских родов; для этой же цели в пяти томах были собраны выписки из церковных книг о рождении, браке и смерти дворян¹⁵.

В трех отчетах ландтагам 1906, 1911 и 1913 гг. заведующий выделенного исторического архива Г. Бруйнинг сообщал о составе архивных материалов и их систематизации и дал их краткое описание. До 1914 г. архивные фонды и коллекции были разбиты на четыре отдела, которые в свою очередь делились на подотделы и группы. В первый отдел входили грамоты и дела, относящиеся к именам Лифляндии, с подотделами: грамот орденского периода (до 1561 г.), грамот польского, шведского и русского периодов (до 1800 г.), дел ревизий владельческих прав (1599—1765 гг.) и дел ревизий гаков (1624—1750 гг.). Второй отдел составляли генеалогические материалы — коллекции грамот на присвоение дворянского звания и гербов, семейные документы. Самый большой, третий отдел состоял из архивов дореформенных судов и подразделялся на архив Лифляндского гофгерихта (1630—1889 г.), архивы ландгерихтов (земских судов), уездных крестьянских и приходских судов. Четвертый отдел состоял из архива экономического управления (1630—1802 гг.)¹⁶.

Заведующий архивом барон Г. Бруйнинг был ярким защитником привилегий лифляндского дворянства. Как историка его больше всего интересовали период Ливонского ордена и шведские времена, что и сказалось на обработке архивных материалов. Так, для дел Лифляндского гофгерихта шведского периода (1630—1710 гг.) Г. Бруйнингом составлена хронологическая опись в трех томах с именовым и географическим указателями в отдельном томе; им издана также опись экономического управления. Особым попечением Г. Бруйнинга пользовалась коллекция землевладельческих актов орденского периода, которую он старательно собирал и систематизировал еще с 1894 г., составив к концу жизни три сборника документов, из которых два (до 1545 г.) были изданы¹⁷. В основном это грамоты магистра Ливонского ордена, епископов или вассалов на пожалования, куплю-продажу или заклад феодальных имений или их составных частей. Эти грамоты дают очень мало сведений о хозяйстве латышских крестьян и их положении.

Против привилегий прибалтийских помещиков и исторических концепций прибалтийско-немецких историков начали выступать с 60-х гг. XIX в. представители латышской буржуазно-демократической интеллигенции — младолатыши. Младолатышское

движение возглавляли К. Валдемар, К. Барон и Ю. Алуан. Поскольку главные местные исторические архивы находились тогда в руках немецких дворянских и буржуазных историков, то доступ к ним для младолатышей был закрыт. Для подкрепления своих исторических концепций младолатыши вынуждены были пользоваться публикациями документов, подготовленными немецкими историками, положения которых они опровергали. Поэтому латышская историография до 1917 г. была представлена главным образом газетными и журнальными статьями¹⁸.

С распространением в Прибалтике учения марксизма с 1890-х годов началось изучение истории латышского народа с подлинно научных позиций исторического материализма. Накануне и после революции 1905—1907 гг. появились труды двух первых представителей латышской марксистской историографии — Ф. Розинь-Азиса и К. Ландера. Ф. Розинь-Азис (1870—1919 гг.), один из основателей Латышской социал-демократической рабочей партии, свой труд «Латышский крестьянин» написал в эмиграции в Швейцарии, вдали от прибалтийских архивов и библиотек. Книга была издана партийным издательством в целях борьбы с прибалтийско-немецкой дворянской и латышской буржуазно-националистической историографией.

К. Ландер (1875—1937 гг.) был активным участником политической борьбы того времени и под впечатлением событий революции 1905 г. написал свою «Историю Латвии». К. Ландер был первым латышским историком, который пытался описать основные этапы социального, политического и культурного развития латышского народа. Как Ф. Розинь-Азис, так и К. Ландер не имели возможности заниматься архивными исследованиями и были вынуждены ограничиваться использованием опубликованных источников¹⁹.

К 1911 г. вопрос архивов стал предметом острой газетной полемики между латышами и прибалтийскими немцами. В отличие от городских архивов Курземе, архивы небольших городов Видземе понесли гораздо больше потерь от войн и пожаров, так что здесь в основном сохранились лишь документальные материалы начиная со второй половины XVIII в. В 1908 г. были опубликованы сведения о печальном состоянии городских архивов Цесиса и Лимбажи²⁰, а в 1911 г. было констатировано, что в таком же состоянии находятся и архивы городов Валмиера и Валка²¹. По этому поводу на заседании немецкого Общества истории и древностей в октябре 1911 г. было заявлено, что, мол, там, где городское управление находится в руках эстонцев и латышей, с материалами городских архивов обходятся весьма недостойно — их расхищают, продают в виде макулатуры купцам

для завертывания продуктов или хранят в непригодных помещениях, где документы постепенно подвергаются уничтожению; Общество истории и древностей поэтому потребовало, чтобы городские архивы малых городов были переданы ему.

Рассматривая эти вопросы в своей передовице, прогрессивная латышская газета «Яуна диенас лапа» подчеркнула, что нельзя оправдать уничтожение исторических материалов; в этом отношении, писала газета, в некоторых небольших городах латышские и эстонские «отцы города» сильно погрешили, но виновата здесь лишь их необразованность. В этой связи «Яуна диенас лапа» подчеркивала, что существующая система самоуправления и выборов исключает самые образованные и способные элементы из городского управления, которое отдается в провинции в руки трактирщиков, торговцев и домовладельцев, едва умеющих читать и писать. Но это не значит, утверждала далее газета, что эти архивы должны быть переданы какому-то немецкому обществу, так как немцы исследуют прошлое единственно с целью обосновать свои несправедливые привилегии и противиться реформам, даже если для этого пришлось фальсифицировать документы; они пользуются лишь теми документами, которые говорят в пользу немецких привилегий, но замалчивают все, что свидетельствует против немецкого господства в Прибалтике в прошлом и настоящем; в таком духе работают все немецкие общества, а немецкие историки пишут свою историю Прибалтики таким образом, что она оказывается фальсификацией истории.

Поэтому, писала далее газета, подлинные интересы истории требуют как раз, чтобы исторические материалы Прибалтики не попали в руки таких немецких историков — «исследователей», и со стороны латышей было бы величайшей оплошностью сдать имеющиеся у них документы какому-то немецкому обществу. Латышам следовало бы в большей степени заняться источниками по истории Прибалтики и непосредственно на основании их написать действительную, не фальсифицированную историю Латвии. В руках немцев находятся еще архивы больших городов — Риги, Елгавы, Тарту и др. — и, кроме того, архивы дворянских корпораций, гильдий и т. д.; они совсем не допускают туда латышских историков. Для объединения и поддержки латышских историков следовало бы создать особое историческое общество (так как исторический отдел Рижского латышского общества бездействует), и такому обществу латышские городские управления могли бы сдать свои исторические архивы²².

С ответом на эту статью выступила немецкая газета «Ри-гаше рундшау», которая утверждала, что-де архивные управ-

ления во всем культурном мире «беспартийны» и в их обязанности входят не только систематизация и сохранение документальных материалов, но и выдача таковых любому исследователю независимо от его взглядов. При этом «Рига́ше рундшау» пыталась убедить своих читателей, что «Яуна диенас лапа» хочет создать такое архивное учреждение, доступ в которое был бы открыт лишь для тех исторических исследований, которые она одобряет²³. Между тем латышские историки едва ли могли пользоваться документальными материалами собственного архива лифляндского дворянства, а доступ в Курляндский земский архив зависел от разрешения дворянского комитета или от директора архива, если ему были известны цели работы исследователя²⁴.

В эти годы латышская прогрессивная общественность уже не желала мириться с господством концепций прибалтийско-немецкой историографии. В 1913 г. латышский историк Р. Клаустинь в журнале «Друва» критиковал прибалтийско-немецких историков, подчеркивая, что они не в состоянии понять точку зрения латышей в вопросах истории. В качестве примера он приводил руководство по истории Ливонии Л. А. Арбузова (старшего)²⁵, где о жизни латышского народа не сказано фактически ровным счетом ничего. Выход автор статьи видел в том, чтобы латышские историки работали в архивах и по первоисточникам, хотя это было сопряжено с преодолением многих трудностей. Р. Клаустинь не советовал латышам заниматься компиляциями по немецким и другим изданиям, а призывал их взяться за исследования истории латышского народа по первоисточникам. Он ратовал за работу над кадастрами (ревизии гаков) шведского периода в архиве лифляндского дворянства, над документацией Рижского патримониального округа в Рижском городском архиве и, наконец, над историей латышей в Курземе по материалам Курляндского земского архива. Уже само заглавие статьи «Не забывайте наших архивов!» содержало призыв к латышским историкам работать в архивах²⁶. Но до Великой Октябрьской социалистической революции этот лозунг, конечно, не мог быть осуществлен.

Естественно, что латыши в те времена обратили главное внимание на те архивы, которые находились в их ведении — на волостные. Опубликовав в 1911 г. протоколы Раунского волостного суда, Р. Клаустинь писал, что ни у кого не могут возникнуть сомнения в том, что дела волостных судов и волостных правлений дают ясное и правдивое отражение всего барщинного периода, рисуют быт, обычное право, являются хранилищем живого языка латышского народа. Все эти мате-

риалы он предложил сосредоточить в одном месте «как наш первый архив», благодаря этому они будут спасены от окончательной гибели и откроется возможность для работы будущих исследователей жизни и истории латышского народа²⁷. Но реакционное буржуазное латышское общество относилось к судьбе архивов пренебрежительно. Когда осенью 1912 г. научная комиссия этого общества рассматривала предложение Р. Клаустиня о концентрации волостных архивов, председатель Ф. Гросвальд отклонил это предложение словами: «Куда мы поместим весь этот ворох бумаг?»²⁸

До середины XIX в. губернские учреждения Лифляндии были в основном сосредоточены в Рижском замке и там же находились и их архивы. Затем, до первого десятилетия XX в., происходил обратный процесс — уход учреждений из замка, особенно тех, которые не были подведомственны Министерству внутренних дел (в его ведении находился замок). К 1908 г. в замке остались в основном лишь учреждения Министерства внутренних дел да еще губернское казначейство²⁹. Управление государственными имуществами Прибалтийского края, акцизное управление, казенная и контрольная палаты с их архивами в то время были уже размещены в других зданиях Риги, отчасти в частных домах.

В марте 1900 г. часть архива Лифляндской казенной палаты была перемещена из башни Рижского замка в помещение частного дома в городе, нанятое и приспособленное на казенные средства. Остальная часть архива казенной палаты хранилась на чердаке замка, где в пожаре, возникшем в апреле 1900 г., сгорели формулярные списки, журналы и дела рекрутских присутствий Лифляндской губернии, обгорели и дела Лифляндской контрольной палаты³⁰; описывая это событие, управляющий Лифляндской казенной палатой еще раз обращал внимание вышестоящих инстанций «на те неудобства и опасность, с которыми сопряжено нахождение казенной палаты, губернского казначейства и казначейского архива в столь переполненном, обветшавшем и неудовлетворительном в пожарном отношении здании как Рижский замок... нахождение на чердаках, в разных кладовых и подвалах массы накопившегося веками хлама, сосредоточение тут нескольких архивов и т. п. представляет повсюду в замке опасность от скопления легковоспламеняющегося материала, спасение же людей и имущества крайне затруднено от неудобства выходов и внутренних сообщений»³¹. Уцелевшие дела казенная палата перевезла в свое городское помещение, а 853 обгоревших дела за 1880—1896 гг. (распорядительного и недоимочного столов) были проданы с торгов³².

В этот период недостаток помещений заставлял и небольшие города приступать к уничтожению архивных материалов. Главное управление по делам местного хозяйства определило в 1911 г., что уничтожение архивных дел относится к внутренним вопросам городского общественного управления и должно осуществляться под надзором губернатора. Екабмиестская городская дума для разбора старых архивных дел бывших дореформенных городских учреждений выбрала специальную комиссию и разработала инструкцию из 10 статей³³. Разбор архива возлагался на секретаря городской управы. Естественно, что руководство городского головы и участие в работе членов комиссии — в основном торговцев и домовладельцев — не могли быть эффективными. Соответствующие статьи инструкции были списаны из Свода законов³⁴. Кроме фиксированной законом документации на недвижимость, завещания, ведомости на цены и таксы и т. п., сохранению подлежали все дела и документы исторического значения или представляющие интерес вообще в научном, бытовом или политическом отношении³⁵. Хотя списки уничтоженных дел не сохранились, но ясно, что их тогда было уничтожено немало, так как от двухсотлетней деятельности екабмиестского магистрата остались лишь остатки документации за 1800—1863 гг.³⁶

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг. И АРХИВНОЕ ДЕЛО В ЛАТВИИ

В 1912 г. были изданы временные правила о вывозе «при военных обстоятельствах» казенного имущества из пограничной полосы Виленского военного округа. С объявлением мобилизации из этой полосы, в которую входили семь уездов Курляндской губернии и Рижский уезд, должны были быть вывезены внутрь страны документы, имеющие государственное значение, и излишние денежные знаки и документы. В примечании к этому особо устанавливалось, что «архивы присутственных мест к вышеупомянутой категории не относятся»¹.

Осенью 1914 г. были опубликованы «Частные правила о вывозе по военным обстоятельствам имущества губернских и уездных учреждений ведомства Министерства внутренних дел». Обязательному вывозу подлежали дела и документы «первейшей важности и предназначенные к вечному хранению, а также пере-

писка о военных событиях». Затем был предусмотрен вывоз журналов входящих и исходящих бумаг, настольных реестров, описей и самой важной текущей переписки².

И все же эвакуация архивных материалов из Прибалтики внутрь России в период первой мировой войны 1914—1918 гг. производилась не заблаговременно и не планомерно, а лишь стихийно, от случая к случаю, в связи с военной обстановкой. Поэтому имели место и вторичные эвакуации архивных материалов, рассредоточение одного архива по разным городам. В результате такой эвакуации значительная часть архивных материалов была утрачена, невывезенная же — отчасти была уничтожена неприятелем.

Первым еще осенью 1914 г. был эвакуирован из Риги в Рязань архив шведских генерал-губернаторов, который почти триста лет хранился в Рижском замке. В 1915 г. последовала эвакуация архивных материалов канцелярии курляндского губернатора и губернского правления с его отделениями из Елгавы в Тарту, откуда в 1917 г. эти дела были перевезены в Казань. В 1915 г. Курляндская казенная палата и казначейство эвакуировали свою документацию в Тулу, а губернское акцизное управление — в Калугу. Архивы Елгавского и Лиепайского окружных судов были направлены в Орел и Ярославль, архивы же четырех курляндских съездов мировых судей — в Петроград, Ржев, Елец и Ярославль³.

Документация Вентспилского и Лиепайского отделений Государственного банка в 1914 г. была эвакуирована в Курск (оттуда она затем попала в Камышин) и Тамбов, а Елгавского отделения Крестьянского поземельного банка — в Симбирск. Архивы других мелких губернских, уездных и волостных учреждений Курляндии также были эвакуированы в глубь России. В случае поспешного отступления дела уничтожались. Хотя часть новых дел Курляндского губернского жандармского управления была эвакуирована в Екабмиестс, но оставшаяся часть была уничтожена в Елгаве 18 июля 1915 г. ввиду близости неприятеля и невозможности вывоза⁴. Помощники начальника жандармского управления в Вентспилском, Талсинском и Кулдигском уездах уничтожили при эвакуации из Вентспилса 27 сентября 1915 г. 92 дела по строевой и хозяйственной частям⁵.

Еще более бессистемно проводилась царской администрацией эвакуация архивов учреждений Лифляндской губернии. В общем вывозились архивные материалы лишь последних 40—50 лет да еще описи и журналы за более ранний период. Помимо шведского архива лишь древняя документация Рижского городского архива в 1915 г. была отправлена в Петроград в

Рукописный отдел Академии наук. В сентябре туда были высланы 74 грамоты полоцких, витебских, смоленских, новгородских и литовских князей за 1229—1478 гг., а в октябре — дополнительно еще 54 грамоты и документы за 1450—1735 гг.⁶

Архив Лифляндского губернского правления был в результате эвакуации рассредоточен в четырех городах — в Рязани, Тарту, Ставрополе и Риге, где оставалась старая часть архива. В Рязань в 1915 г. были отправлены архивные материалы губернского правления: дела I—IV распорядительных отделений, канцелярии, присутствий, тюремного отделения с 1876 г., архивные алфавиты, реестры, журналы и протоколы с 1713 г. Туда же попала документация лифляндского губернского прокурора, губернского и уездных фискалов (до 1889 г.), Рижского мануфактурного комитета и Рижского отделения коммерческого совета. Так как канцелярии Лифляндского губернского правления с его отделениями продолжали свою деятельность в эвакуации в Тарту, туда были отправлены главным образом дела нового времени канцелярии присутствий по крестьянским делам и по воинской повинности (с 1915 г.). Наконец, в сентябре 1917 г. часть архивных материалов Лифляндского губернского правления — ветеринарного и строительного отделений, комиссии народного продовольствия, губернской чертежной и др. — была отправлена из Тарту в Ставрополь.

В Тарту были эвакуированы части архивов прибалтийского генерал-губернатора (1828—1875 гг.) и лифляндского губернатора (1850—1917 гг.). Латгальские уездные учреждения вместе с архивами были эвакуированы в Полоцк, Витебск, Велиж и Торопец, оставшиеся же на месте архивы большей частью были уничтожены. После первой мировой войны в Латгалии от 40 архивов уездных учреждений сохранилось 12, от трех городских — 1, от 52 волостных архивов — только 20; в общем, от более чем 159 архивов Латгалии сохранилось около четвертой части, 75% их было уничтожено⁷.

Во время первой мировой войны архивы из Латвии были эвакуированы более чем в 40 городов внутренних губерний России: в Армавир, Боровск, Велиж, Великие Луки, Витебск, Вязьму, Елец, Жиздру, Казань, Калугу, Камышин, Курск, Москву, Новооскольники, Орел, Петроград, Полоцк, Полтаву, Порхов, Псков, Пятигорск, Ржев, Рыбинск, Рязань, Смоленск, Ставрополь, Старое Село, Таганрог, Тамбов, Тверь, Торопец, Тулу, Тюмень, Уфу, Череповец, Чистополь, Ярославль и другие города⁸.

Административные органы Временного правительства по своему подходу к вопросу эвакуации архивов ничем не отлича-

лись от царской администрации. Так, в связи с захватом немецкими оккупантами Риги ливонский губернский комиссар сообщал, что форсирование противником Западной Двины 19 августа 1917 г. было столь внезапным, что о правильной и полной эвакуации из Риги не могло быть и речи. Лишь текущие дела своей канцелярии и некоторых других государственных учреждений губернский комиссар смог отправить в трех вагонах в Тарту⁹.

Архивные материалы, оставшиеся без надзора в оккупированных противником местностях Прибалтики, подвергались уничтожению. В 1918 г. архивные материалы продавались как макулатура в Валмиере, Тарту, Таллине и Нарве, а из Рижского замка весь архив врачебного отделения губернского правления был продан немецкими оккупантами на бумажную фабрику. Лишь в июне 1918 г. доступ в «архивную» башню и на чердак Рижского замка был закрыт, а надзор над архивными материалами поручен городскому архивариусу¹⁰. Оккупантами был также уничтожен архив бауского магистрата, но больше всего пострадали волостные архивы Курляндии и Ливонии: всего немецкими войсками в ходе военных действий с 1915 по 1919 г. было опустошено и уничтожено 257 волостных архивов (31,7% учтенных волостных архивов) и 19 приходских (26,7%)¹¹.

Для справочных целей немецкие оккупационные власти начали в Елгаве собирать разбросанные по городу архивные материалы русских учреждений, концентрировать их в Елгавском замке и приводить в порядок. Руководивший этой работой прибалтийско-немецкий историк А. Серафим составил даже в 1917 г. не сохранившуюся рукопись «Замечания об архивном деле в Курляндии»; он предполагал преобразовать Курляндский земский архив в государственный архив, а лиепайский архив объединить с городской библиотекой. Эти планы не были осуществлены, так как после ноябрьской революции 1918 г. в Германии немецкие оккупанты в конечном итоге были изгнаны из Прибалтики, а А. Серафим вернулся в Кенигсберг¹².

В конце 1919 г. произошли два события, которые оставили глубокий след в судьбах архивов Курляндии. В сентябре 1919 г. директор Курляндского земского архива самовольно вывез весь состав архива в Любек, а затем в Росток¹³. В Елгавском замке, где находилось большое количество неэвакуированных архивных материалов курляндских губернских учреждений, 29 августа 1919 г. в подвале сгорели губернские архивы, сложенные там в трех помещениях, а на следующий день возник пожар и на чердаке замка; в обоих случаях предполагался поджог со сто-

роны немецких солдат. Уцелевшие архивные материалы сгорели вместе с Елгавским замком в конце ноября 1919 г. при отступлении из Латвии контрреволюционных отрядов немецкого наемника Бермонт-Авалова.

АРХИВНОЕ ДЕЛО В ЛАТВИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917—1919 гг.)

После победы в России февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. власть в стране захватила буржуазия, образовавшая Временное правительство из капиталистов и помещиков. Временное правительство оставило землю помещикам, а заводы — капиталистам, не дало рабочим 8-часовой рабочий день. Старый аппарат управления в основном был сохранен — губернаторы были заменены губернскими комиссарами¹, а созданные в Латвии земские советы переняли часть дел Лифляндского губернского правления, дворянских ландтагов, ландратской коллегии, конвентов и прочих органов дворянства². Двоевластие выразилось в том, что наряду с органами буржуазного Временного правительства в центре и на местах существовали Советы рабочих, солдатских и безземельных депутатов.

После захвата Риги германскими войсками в августе 1917 г. латышские большевики сосредоточили свою деятельность в трех неоккупированных уездах Видземе — Цесисском, Валмиерском и Валкском. В Латвии в это время происходила большевизация местных органов самоуправления — продовольственных комитетов, волостных правлений и др. 9 октября из Видземского земского совета ушли представители буржуазии, и он стал большевистским³.

17 ноября 1917 г. Исполком Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат) сообщил лифляндскому губернскому комиссару, а также уездным комиссарам Временного правительства о переходе власти к Советам. Одновременно с лишением комиссаров их полномочий у них были отобраны дела⁴.

2 декабря 1917 г. Валмиерский Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов постановил ликвидировать судебные

мировые учреждения в Валмиере, Руиене и Лимбажи, предусмотрев организацию народных судов⁵. То же самое происходило и в других неоккупированных немцами уездах Латвии. Это активно было поддержано латышскими трудящимися.

Основанием для перестройки всего административно-судебного аппарата в Латвии на новых, революционных началах послужили решения II съезда Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии от 16—18 декабря 1917 г. о передаче всей политической и экономической власти Советам рабочих, солдатских и безземельных депутатов как в центре, так и на местах⁶.

Революционная Советская власть в Латвии приступила и к упорядочению архивного дела. Эту задачу первоначально взял на себя Видземский земский совет, находившийся в то время в Цесисе. После ухода представителей Крестьянского союза он развил активную деятельность и в декабре 1917 г. создал Архивный отдел со специальной задачей организовать советский архив Латвии. 19 декабря 1917 г. заведующий Архивным отделом Видземского земского совета обратился к населению, учреждениям самоуправления и частным организациям с призывом собирать и присылать документальные материалы по истории и культуре латышского народа. Чтобы облегчить работу по сбору этих материалов, тут же приводилась краткая программа их сбора по 6 отделам (история, экономика, политика, самоуправление, социальные вопросы и культура); эти отделы, в свою очередь, были разбиты на подотделы. Подчеркивалась важность документов, освещающих события и явления, о которых до падения царского режима приходилось молчать, как, например, деятельность и судьба революционеров в 1905—1907 гг., эксплуатация и истязания трудящихся немецкими баронами, история рабочего движения и др. В этом воззвании также осуждалось уничтожение несознательными лицами архивных материалов упраздненных учреждений старого режима, поскольку эти материалы имеют большое историческое значение для Латвии⁷.

В статье о конфискации имений Архивный отдел Видземского земского совета подчеркнул важность хранящихся в мызных архивах рукописных материалов и книг, которые до тех пор были недоступны латышским историкам. Чтобы обеспечить исследование латышской истории в будущем, говорилось в статье, все рукописные и печатные материалы в имениях должны быть сохранены, зарегистрированы и сданы Архивному отделу⁸.

21 декабря 1917 г. правление Валмиерского уездного земского совета объявило, что все административные учреждения, избранные на старых основах парламентаризма, упраздняются.

Одновременно правление объявило о самоликвидации и передаче своих функций Исполкому Валмиерского Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов⁹.

30 декабря 1917 г. Исколат постановил перенять все дела Лифляндского губернского правления, ландратской коллегии, Управления земледелия и государственных имуществ прибалтийских губерний, податных управлений и других учреждений, эвакуированных во время войны в Тарту¹⁰. В тот же день распоряжением за подписью Ф. Розиня-Азиса объявлялось о роспуске Видземского земского совета, городских дум и волостных исполкомов. До 1 января 1918 г. Земский совет обязан был сдать свои дела Совету рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии¹¹.

После роспуска Видземского земского совета его архив и заботу о сборе документальных материалов перенял Исколат. Ссылаясь на воззвание Земского совета от 19 декабря 1917 г., Архивный отдел Исколата 26 января 1918 г. сообщил, что сбору документальных материалов должны оказывать помощь как учреждения, так и частные лица. Тут же обращалось внимание на то, что много исторических документов и редких предметов древности было обнаружено в конфискованных имениях, но все же многое из всего этого было уничтожено и разбросано. Приводились также сообщения газет из разных мест о разорении архивов упраздненных учреждений.

На своем заседании 21 января 1918 г. Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии постановил, что при конфискации имений и другого имущества все библиотеки, картины, коллекции и другие предметы научного, исторического и художественного значения подлежат сдаче Исколату. Уездные Советы должны были посылать на места своих представителей, которые заботились бы о регистрации таких редких предметов и их доставке в уездные города, направляя в Архивный отдел их описи с указанием лиц, ответственных за хранение. Архивный отдел в этой связи указывал, что до сих пор получил лишь две такие описи — из имений Ромешкалнс и Видрижи. Воззвание Архивного отдела Исколата заканчивалось призывом к населению присылать документальные материалы для создания обширного и богатого архива Латвии¹².

Таким образом, деятельность органов Советской власти в 1917—1918 гг. в области архивного дела была направлена на сбор документальных материалов и создание латышского архива в противоположность распылению документальных материалов по ведомственным архивам, имевшему место в царской России. Эти мероприятия в области советского архивного строи-

тельства в неоккупированной части Латвии были сорваны наступлением немецких войск на Советскую республику. В феврале 1918 г. вся территория Латвии оказалась под сапогом германских империалистов.

Но борьба за Советскую власть в Латвии продолжалась. Победе трудового народа в этой борьбе способствовала ноябрьская революция в Германии. Уже в декабре 1918 г. было создано временное Советское правительство Латвии, и подписанным В. И. Лениным декретом от 22 декабря 1918 г. РСФСР признала независимость Советской Латвии. Освобождение территории Латвии от оккупантов и их приспешников происходило быстрыми темпами: 18 декабря 1918 г. Красной Армией была занята Валка, 22 — Валмиера, 23 — Цесис, а 3 января 1919 г. восставшими рабочими, которым поспешили на помощь красные латышские стрелки, была освобождена Рига. 13 января 1919 г. в Риге состоялся съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии, который принял конституцию Советской Латвии и наметил программу социальных преобразований в республике.

Когда органы Советского правительства в Латвии приступили в 1919 г. к упорядочению архивного дела, основой и программой для архивного строительства служил декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», подписанный В. И. Лениным 1 июня 1918 г.¹³ Этим и последующими декретами В. И. Ленина было положено начало той принципиально новой организации архивного дела, которая впервые в истории обеспечила пролетариату полное овладение документальными материалами и планомерное их использование в интересах укрепления пролетарской диктатуры и успешного социалистического строительства.

При Комиссариате просвещения Советской Латвии был создан Библиотечный подотдел для руководства архивами и библиотеками. 3 апреля 1919 г. Советское правительство Латвии издало за подписью П. Стучки декрет о библиотеках, основывавшийся на ленинских принципах централизации архивов. Все библиотеки и архивы учебных и воспитательных учреждений, сословных и конфессиональных союзов и корпораций, частных обществ и скрывшихся контрреволюционеров переходили в собственность трудового народа Латвии и в распоряжение его правительства. Все архивы государственных учреждений и частных организаций переходили в ведение Центральной библиотеки Латвии; туда же передавались акты и архивы учреждений Советского правительства после утраты ими текущего делового

значения. Устройство архива Центральной библиотеки Латвии определялось и регулировалось Комиссариатом просвещения¹⁴.

В апреле 1919 г. Библиотечный подотдел уделил особое внимание волостным архивам, которые более всего подвергались опасности распыления и гибели. Поэтому Библиотечный подотдел затребовал от волостных просветительных отделов сведения о названии и адресе каждого архива, данные о его объеме, принадлежности, степени сохранности и использовании¹⁵.

Советское правительство Латвии предполагало также весной 1919 г. провести концентрацию архивных материалов для создания Центрального государственного архива Латвии. Для достижения этой цели предполагалось присоединить к неэвакуированным архивным материалам губернских учреждений в Рижском замке также документальные материалы Рижского городского архива; перевозкой в замок фондов Рижского полицейского управления и губернского по городским делам присутствия были сделаны первые шаги в этом направлении. Советское правительство объединило руководство всех рижских библиотек и архивов, назначив их заведующим известного библиотефила Я. Мисиня¹⁶. Национализированные в имениях архивы, библиотеки и другие культурные ценности свозились в Ригу, Цесис, Валмиеру, Смилтене и другие центры; в Валмиерском уезде такие ценности были собраны из 15 имений¹⁷.

Наступление сил международной реакции и внутренней контрреволюции в Латвии прервало в мае 1919 г. осуществление проектов Советской власти по строительству новой жизни. Более чем на 20 лет Латвия оказалась под властью националистической буржуазии.

Архивы Латвии в период господства националистической буржуазии (1920 — 1940 гг.)

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Когда в июле 1919 г. правительство буржуазной Латвии взялось за упорядочение архивного дела, оно нашло уже установившиеся порядки и зачатки централизации, предпринятые еще в советский период. При департаменте искусств и культуры Министерства просвещения был организован Архивно-библиотечный отдел во главе с профессором К. Страубергом. Хотя Государственный исторический архив был основан уже 1 сентября 1919 г. и директором его был назначен Я. Крюгер-Кродзиниек, законодательное положение об архиве было издано лишь 23 сентября, а законной базы архив не имел еще вплоть до октября¹.

В октябре 1919 г. отдел культуры Рижской городской управы формально передал Государственному историческому архиву архивные материалы губернских учреждений Латвии; ему были подчинены также коммунальные и сословные архивы. Сдаче в этот архив согласно специально утвержденным правительственным правилам подлежали все бумаги и документы исторического значения, ненужные для текущего делопроизводства данного учреждения (ст. 2, 3)². На основе этого весьма неполного законоположения Государственный исторический архив действовал в течение 5 лет, после чего 7 ноября 1924 г. получил новый устав и был переименован в Государственный архив.

Упорядочение архивных материалов сначала было поручено 9 штатным архивным сотрудникам; в апреле 1920 г. их число было увеличено до 15. В это время происходила усиленная концентрация архивных материалов в Рижском замке. К незвакуированным архивным материалам лифляндских губернских учреждений были присоединены материалы упраздненной Лифляндской ландратской коллегии с так называемым лифляндским

земским архивом, затем дела Лифляндской казенной палаты, Рижского окружного суда, Рижско-Валмиерского съезда мировых судей, дела лютеранской консистории, церковных попечительств и др. Из Валмиеры и Цесиса были привезены дела приходских и земских судов, из Елгавы — остатки архивов курляндских губернских учреждений (среди них отчасти обгоревшие дела из Елгавского дворца), из Даугавпилса — старые судебные дела (поврежденные наводнением). Для упорядочения этой массы архивных материалов в помощь архивным работникам в декабре 1922 г. было направлено еще 10 студентов, которые работали по июль 1923 г.³

Проект нового архивного закона начал разрабатываться в комиссии просвещения Народного совета уже в 1920 г., но лишь в 1924 г. законопроект о Государственном историческом архиве был представлен в сейм. Сдачу документации государственных учреждений сначала предполагали установить по истечении 30 лет, затем срок решили сократить до 10 лет; но в конце концов эта статья была совершенно изъята, так как комиссия не нашла нужным лишать учреждения права самим устанавливать срок, когда документы станут ненужными для текущего делопроизводства. Предложение о создании экспертной комиссии для уничтожения архивных материалов также было отклонено. Переименовав Государственный исторический архив в Государственный архив, сейм принял новый закон 28 октября 1924 г.⁴

Архивный закон 1924 г. по сравнению с правилами 1919 г. сузил задачи Государственного архива, освободив его от осуществления надзора за другими архивами. До известной степени эти обязанности перешли к основанному в 1923 г. Управлению памятников согласно соответствующему закону (ст. 1, 2-е, 5)⁵. По закону 1924 г. Государственный архив принимал и хранил на основании соглашений также архивы коммунальных и общественных учреждений, частных организаций и лиц (ст. 4).

Неясность ст. 4 особенно отразилась на судьбе волостных архивов. Сдача их Государственному архиву фактически была оставлена на усмотрение волостных старшин и волостных писарей. Начатая еще правительством Советской Латвии в 1919 г. регистрация волостных архивов была завершена Архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в 1920 г. и показала, как сильно эти архивы пострадали в период первой мировой войны и в последующие годы; в 1915—1919 гг. был разорен 731 волостной архив, из них совершенно уничтожено 390 архивов (53,2%), в эвакуации утрачено 79 архивов. Таким

образом в результате войны пострадали всего 810 волостных и 70 приходских архивов⁶. Поскольку, однако, по сведениям директора Государственного архива, уничтожение волостных архивов продолжалось, то он циркуляром от 11 декабря 1925 г. обратился ко всем волостным правлениям с просьбой сдать Государственному архиву все старые дела, ненужные для текущего делопроизводства⁷.

Ввиду недостатков архивного закона 1924 г. Министерством просвещения в 1926 г. были разработаны изменения и дополнения к этому закону. Пересмотренные комиссией, эти изменения были представлены 3-й сессии IV сейма в мае 1932 г. Референт на сессии в своем докладе подчеркнул, что существующий закон о Государственном архиве несовершенен, поскольку в нем не предусмотрены срок хранения документов и время сдачи их Государственному архиву. Пользуясь пробелом в законе, многие государственные учреждения сдавали архиву в большом количестве такие материалы, которые были им еще необходимы для текущей работы, и отказываясь в то же время сдать положенные материалы. Дополнения к закону предусматривали, что министр просвещения по соглашению с руководителями соответствующих учреждений издает правила о сдаче государственными учреждениями архиву дел, документов и делопроизводственных книг. По мысли референта, в этих правилах должны были быть определены сроки сдачи материалов и этим устранены несовершенства закона 1924 г. Все же эта идея оказалась совершенно нереальной, и будущее показало, что таким сложным бюрократическим путем в архив не попал ни один документ. По закону 1924 г. правило об обязательной сдаче документов, ненужных для делопроизводства, относилось лишь к государственным учреждениям, теперь же оно распространялось также на коммунальные и другие общественные учреждения. Референт подчеркнул, что несовершенство старого закона было причиной гибели многих исторических документов. Во многих волостях ценные старые протоколы оказывались добычей крыс или же погибали от сырости. То же самое относилось и к старым церковным книгам, обязательная сдача которых Государственному архиву законом 1924 г. не была предусмотрена и которые хранились во многих местах на чердаках. Изменения и дополнения к закону о Государственном архиве были приняты сеймом 24 мая 1932 г. и опубликованы 1 июня⁸.

Но и после издания дополнительных законоположений дело сдачи Государственному архиву волостных архивов нисколько не продвинулось вперед. Лишь по запросу директора Государственного архива департамент самоуправления Министерства

внутренних дел через уездных старшин 20 августа 1935 г. и 18 декабря 1936 г. приказал волостным правлениям сдать все старые архивы царского времени Государственному архиву, а архивы, остающиеся в их ведении, хранить надлежащим образом⁹.

В результате с августа по декабрь 1935 г. Государственным архивом были получены архивы 72 волостей, а в 1936 г. — 19. В 1937 г. в архив поступили фонды 47 волостей, в 1938 г. — 18, в 1939 г. — 20, в 1940 г. — 21¹⁰. При этом оказалось, что в некоторых волостях архивы хранились весьма небрежно и при отсылке их в Государственный архив даже не старались удалить с дел мусор, накопившийся десятилетиями (Маткульская волость). По инициативе Института истории Латвии сотрудники Государственного архива провели летом 1937 г. ревизию 22 волостных архивов¹¹. Из осмотренных в 1939 г. в Вентспилском уезде семи волостных архивов дела царского периода сохранились лишь в четырех волостях. Только в Сарканмуйжской волости архив хранился в особом помещении волостного дома на стеллажах, в двух волостях (Пилтенской, Зурасской) он размещался в рабочих комнатах в шкафах, в Ужавской волости архивы хранились в приемной, а в остальных — на чердаках¹².

В 1940 г. вице-директор департамента самоуправления подробно описал состояние волостных архивов, где по халатной небрежности архивные материалы были брошены в беспорядке, уничтожались крысами и насекомыми, покрывались пылью и плесенью. Хотя согласно инструкции волостным советам и правлениям от 1928 г. ревизионные комиссии волостей обязаны были следить за устройством волостных архивов и их описями, но как ревизоры, так и уездные старшины обращали на волостные архивы очень мало внимания¹³.

Для упорядочения волостных архивов за период существования буржуазной Латвии был издан в 1938 г. особый алфавитный указатель. В соответствии с этим указателем дела распределялись по десятичной системе на 7 главных разделов: 1) учреждения волостного самоуправления и общая деятельность; 2) участие в выполнении обязанностей государственных и других учреждений; 3) финансы и имущество; 4) просвещение; 5) здравоохранение и общественная охрана; 6) сельское хозяйство, кооперация, торговля и промышленность; 7) содержание сельских дорог и мостов¹⁴. В сущности это была классификация документов текущего делопроизводства, и до 1 января 1940 г. она была введена во всех волостных правлениях¹⁵. Лишь незначительное число волостных правлений сумело распределить

по новой классификационной системе свои дела 20-летней давности.

Законоположения 1932 г. должны были способствовать также комплектованию церковных архивов. Лифляндские лютеранские церковные книги с XVIII в. по 1834 г. (до издания нового церковного закона) были собраны неполностью по распоряжению Лифляндской консистории еще в 90-х гг. XIX в. и сданы на хранение архиву дворянства¹⁶, откуда в 1920 г. попали в Государственный архив. Церковные книги Курляндии собирал с 1905 г. Курляндский земский архив¹⁷; в 1919 г. они вместе с архивом были вывезены в Германию и лишь в 1924 и 1931 гг. были возвращены Государственному архиву. Таким образом, церковные книги лютеранских приходов Видземе и Курземе были сконцентрированы в Государственном архиве. Все же при многих церквях еще хранились ценные документы и церковные хроники, которые имели большое значение для истории латышского народа, так как содержали сведения о неурожаях, эпидемиях, революционных событиях и т. п.¹⁸

На основании мирного договора 1920 г. между РСФСР и Латвией Государственный архив получил в 1923 г. из Витебска церковные (метрические) книги римско-католических приходов Курземе и Латгалии за 1876—1913 гг., а также православных (1834—1915 гг.) и единоверческих (1850—1915 гг.) приходов. В октябре 1936 г. православный синод Латвии сдал Государственному архиву фонды Рижского православного духовного управления за XVIII—XIX вв. и Рижской православной консистории за XIX в.¹⁹

Волостные и церковные архивы гибли не только от небрежного хранения, но и от пожаров, которые и в XX в. не были редкостью. С 1900 по 1920 г. в огне погибло 6 приходских архивов²⁰, а в 1926 г. сгорел волостной дом Сарканьской волости, причём погибли архивы Сарканьской, Паткульской, Айзкуйской и Биржской волостей.

Не лучше обстояло дело и с городскими архивами. В 1931 г. правление Союза городов Латвии обратилось ко всем городским самоуправлениям с воззванием, предлагая передать Государственному архиву всю старую документацию до создания буржуазной Латвии. В то же время городским управам напоминалось, что следует заботиться о лучшем хранении документальных материалов новейшего времени — систематизировать их в хронологическом порядке по отдельным городским учреждениям и по истечении 10-летнего срока сдавать в архив в упорядоченном состоянии. В воззвании констатировалось, что многие городские управления не обращают на свои архивы до-

статочного внимания, дела и документы не хранятся надлежащим образом. Просьба правления Союза городов к департаменту самоуправления об издании особых правил охраны городских архивов не дала результатов²¹.

В отношении как волостных и церковных, так и городских архивов чувствовалось отсутствие центрального надведомственного учреждения, которое ведало бы централизацией архивного дела в Латвии. На съезде библиотекарей и архивариусов в ноябре 1939 г. директор Государственного архива все же заявил, что архивное дело в Латвии централизовано и все документальные материалы государственных учреждений и учреждений самоуправления по истечении известного срока попадают в Государственный архив и что лишь город Рига содержит свой исторический архив²². Но тут же директор пожаловался на то, что некоторые волостные архивы не сдаются в Государственный архив и погибают, и высказал пожелание, чтобы ценные исторические материалы, которые еще находятся в ведении отдельных церковных приходов и частных обществ, поступили бы на хранение в Государственный архив²³.

В условиях буржуазной Латвии провести полную и последовательную централизацию архивного дела было невозможно, ибо архивы частных обществ и организаций, торгово-промышленных предприятий и банков считались частной собственностью, а по отношению ко многим архивам государственных и общественных учреждений тормозом являлась ведомственная обособленность. Государственный архив являлся учреждением Министерства просвещения, а волостные и городские самоуправления, как и церковные учреждения, находились в ведении Министерства внутренних дел. Вне сферы контроля Государственного архива оставались обособленные архивы министерств военного и иностранных дел. В 1937 г. были изданы два законоположения о центральном архиве при Главном железнодорожном управлении и о центральных архивах при Сенате, Судебной палате, окружных судах, прокуратурах и крепостных отделениях. И в этих законах сроки сдачи документальных материалов не были фиксированы. В судебных архивах дела хранились, пока в них имелась надобность, но не менее 10 лет, Центральный железнодорожный архив сдавал дела Государственному архиву по истечении «известного времени», техническую же документацию, как и подлинные бюджеты и годовые отчеты с балансами, вообще не сдавали²⁴.

Основанный в 1936 г. Институт истории Латвии согласно своему уставу должен был собирать, описывать и издавать исторические источники Латвии, заботиться о возвращении вывезен-

ных из Латвии архивов, содействовать упорядочению документов и архивов; институт приобретал в собственность исторические источники и материалы, для чего имел свой архив (ст. 2, 3, 4, 14)²⁵. В отчете института за 1936—1939 гг. говорилось, что в течение этого времени были обследованы 52 архива в 23 различных местах, собраны сведения еще о 68 архивах и документах в 49 городах и волостях, были приобретены для институтского архива 652 единицы хранения. При этом в Лиепайской городской библиотеке было обнаружено ценное собрание документов XVII—XVIII вв. — времен Курляндского герцогства²⁶.

Основанному в 1923 г. Управлению памятников также было вменено в обязанность заботиться об охране архивов и отдельных исторических документов, которые вносились в реестр охраняемых памятников²⁷. Так, в 1931 г. в реестр были занесены пергаменные документы XIII и XIV вв. так называемых куршских королей Пенникиса и Тонтегоде, а в 1932 г. — собрания документальных материалов Рижского общества истории и древностей, Курляндского провинциального музея в Елгаве, рижской и лиепайской Больших гильдий²⁸. На своем заседании 5 сентября 1935 г. Управление памятников постановило конфисковать архивы четырех немецких обществ и организаций и перевезти их в помещения Государственного архива, что и было осуществлено до 21 сентября. По этому поводу газеты фашистской Германии подняли шумиху, их статьи пестрели выпадами против латышей и правительства Латвии.

В связи с полемикой с зарубежными газетами Министерство просвещения разъяснило, что в архивах некоторых частных обществ, музеев и лиц хранятся исторические документы, которые по своему характеру и содержанию должны находиться только в Государственном архиве, а на основании латвийских законов уже давно подлежали сдаче соответствующим государственным учреждениям. Многие из этих документов представляли собой ценные первоисточники по истории Латвии, которые раньше хранились в общественных архивах, но неизвестным путем попали в частные руки и в результате оказались доступны не каждому исследователю истории Латвии. Некоторые документы без ведома и разрешения государственных учреждений были даже вывезены за границу, что положением об охране памятников запрещалось. В итоге архивные материалы прежних учреждений курляндских герцогов, генерал-губернаторов, губернаторов, городов, полиции, дворянства, цехов, гильдий, школьных и церковных управлений, имений и др. во многих случаях находились в полной зависимости от прихоти, политических или национальных воззрений их случайных владельцев²⁹.

Ко всему этому добавлялась еще недостаточная сохранность архивных материалов. Несмотря на указания Управления памятников, лиепайская Большая гильдия продолжала хранить свои архивы в коридоре опасного в пожарном отношении здания приюта гильдии. В Курляндском провинциальном музее в Елгаве большинство документов не было описано, книги не были пронумерованы, а связки с ценными документами были разбросаны в беспорядке по помещениям музея и библиотеки. В архиве рижской Большой гильдии заголовки на связках и в каталоге часто не соответствовали содержанию документов, а многих документов не хватало.

Больше всего беспорядков было обнаружено в архивохранилищах Рижского общества истории и древностей: многие рукописные книги были покрыты плесенью; документы выдавались без расписки и даже высылались за границу. Архивные материалы находились в помещениях, которые не соответствовали самым элементарным архивным правилам; часть документов была сложена на кучу на опасном в пожарном отношении чердаке с протекающей крышей, отчего некоторые документы сильно пострадали от дождя и сырости, наполовину сгнили, другие покрылись толстым слоем пыли. На чердаке же сотрудники Управления памятников обнаружили 7 ящиков с архивом ландесвера, циркуляры русского генерального штаба и изданные им карты Латвии и описания дорожной сети, материалы 1919 г. и архивы некоторых рижских фирм; эти документальные материалы не были описаны и нигде не числились³⁰. Ввиду такого состояния архивов Рижский окружной суд отклонил жалобы альтермана рижской Большой гильдии, а Сенат — Курляндского провинциального музея на конфискацию архивов. В провинциальном музее главная часть архива хранилась в 340 картонных коробках, размещенных в закрытых шкафах, а в двух шкафах находились еще неинвентаризированные документы из состава Курляндского земского архива, полученные из Германии в 1934 и 1936 гг.

Председатель Курляндского общества литературы и искусства в декабре 1935 г. утверждал, что решающим моментом при отнятии у общества архива явилось стремление министра просвещения сконцентрировать все частные архивы в Государственном архиве³¹. Рижское общество истории и древностей в своей объяснительной записке ссылалось на свои вековые заслуги в деле упорядочения архивов, но никак не объясняло, почему оно не возвратило Государственному архиву документацию правительственных и общественных учреждений и организаций. Однако в конечном итоге неважно, какими мотивами руководствовалось буржуазное правительство Латвии при конфискации

архивных материалов немецких обществ и организаций, — важно то, что этой частичной концентрацией известное количество архивных материалов было спасено от гибели.

Прибалтийско-немецкая верхушка всеми способами старалась сохранить исторические источники в немецких руках. Предвидя упразднение лифляндской дворянской корпорации, последний заведующий дворянским архивом Г. Бруйнинг уже в январе и феврале 1920 г. передал в собственность Рижскому обществу истории и древностей целый ряд ценных исторических рукописей; он также способствовал вывозу в 1922 г. коллекции К. Ширена в Швецию³².

Политическую линию Г. Бруйнинга, стремившегося не давать идеологического оружия в руки противников немцев, еще до 1935 г. разгадал директор Государственного архива Я. Берзинь. Он писал, что Г. Бруйнинг при ликвидации дворянской корпорации позаботился о том, чтобы некоторые исторические документы не достались латышам, а попали в другие руки³³. Так, 26 июня 1920 г., т. е. за три дня до упразднения лифляндской дворянской корпорации, Г. Бруйнингом был составлен список архивных документов, которые подлежали передаче немецкому Рижскому обществу истории и древностей и другим лицам³⁴. Из архива были удалены 6 томов с секретными делами 1868—1904 гг., материалы о печати 1882—1920 гг. и ревизии сенатора Н. А. Манасейна 1881—1884 гг., а также документация о волнениях крестьян 1905—1906 гг.

Во время приема архива Рижского общества истории и древностей в 1935 г. в его библиотеке действительно были обнаружены три тома крестьянских жалоб и материалы о крестьянских восстаниях из архива лифляндского дворянства, при этом они были сложены в таком месте, где никак нельзя было ожидать их найти³⁵. Доверенными ему архивными материалами Г. Бруйнинг распоряжался по своему личному усмотрению. Так, в августе 1919 г. он сжег большое количество писем, адресованных барону В. Сталь фон Гольштейну, так как считал их непригодными к хранению в архиве³⁶. В том же году им были сожжены компрометирующие дворянство материалы из архива бывшего ландмаршала Ф. Мейендорфа, а также ценное собрание прокламаций периода революции 1905—1906 гг., собранное Б. Кампенгаузен³⁷.

Защитники привилегий дворянства сплотились вокруг Общества истории и древностей в Риге. По поводу декларации барона О. Ф. Розена (1739 г.) в 1926 г. на страницах «Журнала Министерства просвещения» дали, по словам Р. Виппера, последний бой апологеты дворянских привилегий и крепостничества в лице

Г. Бруйнинга и Л. Арбузова (младшего)³⁸. Но еще в 1925 г. Г. Бруйнинг вынужден был признать: «Мы окончательно сыграли свою роль на сцене Ливонии»³⁹. После смерти Г. Бруйнинга (1927 г.) Л. Арбузов и Г. Боссе продолжали восхвалять привилегию Сигизмунда II Августа (1561 г.), а Э. Айдник доказывал ее подлинность⁴⁰. И это происходило в 1936 и 1937 гг., через 375 лет после издания этого крепостнического акта — тоже своего рода «юбилей», который его апологеты считали нужным отметить в XX веке!

В апреле 1939 г. в Тарту состоялся съезд прибалтийско-немецких историков, на котором рассматривался также вопрос о «прибалтийском архиве». Лишившись в 1935 г. своей главной документальной базы, прибалтийско-немецкие историки, естественно, начали задумываться о сохранении оставшегося в их руках. Прибалтийско-немецких историков возглавлял тогдашний преподаватель рижского института им. Гердера Р. Виттрам, который подчеркнул необходимость централизации всех документальных материалов Прибалтики в Прусском секретном архиве в Берлин-Далеме, где уже находились Курляндский земский архив и архив Г. Раутенфельда. А. Бауэр предложил сконцентрировать все архивные материалы по истории Прибалтики в Государственном архиве в Берлине в качестве депозита, с тем чтобы эти материалы остались частной собственностью и всегда были доступны прибалтийским историкам. Как на аналогию А. Бауэр при этом сослался на созданный русскими эмигрантами Русский заграничный исторический архив в Праге. На заявление барона О. Штакельберга (Тарту), что использованию этих архивных материалов прибалтийскими студентами будут мешать большое расстояние и необходимость предоставления им специальных стипендий, Р. Виттрам и А. Бауэр возразили, что перед лицом опасности потери архивных материалов в случае их оставления в Латвии и Эстонии вопрос о неудобствах для студентов должен отойти на задний план⁴¹.

РЕЭВАКУАЦИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

После первой мировой войны 1914—1918 гг. в Латвии возник значительный интерес к вопросу о возвращении архивных материалов, вывезенных в Германию и эвакуированных в Россию и Эстонию. Научная комиссия при Министерстве просвещения обратилась в марте 1920 г. в Мини-

стерство иностранных дел с запросами о шагах, предпринятых для реэвакуации архивов, приложив подробный список архивных материалов по истории Латвии, находящихся в России, Германии, Польше, Литве, Швеции и Риме¹. Переговоры с Эстонией не ладилась, а с другими государствами переговоры могли начаться лишь после признания Латвии «de jure»².

Когда во второй половине 1920 г. после подписания Латвией мирного договора с РСФСР в Москве было учреждено посольство Латвии, при нем была создана реэвакуационная подкомиссия по культурным ценностям, в которую вошел и представитель архивно-библиотечного отдела. На первом же заседании подкомиссии 25 ноября 1920 г. было принято к сведению заявление делегации Советской России, что ряд архивов — «шведский», лифляндского прокурора и фискала, комиссии по выборам в Государственную думу и пярнуских приходских судов — переданы эстонскому правительству и отправлены в Таллин, с тем чтобы правительство Эстонии по соглашению с правительством Латвии произвело выборку всего относящегося к Эстонии имущества, а остальную часть передало правительству Латвии³. Переговоры между буржуазными правительствами Латвии и Эстонии о передаче архивов в 1920—1938 гг. окончились безрезультатно.

По мирному договору от 11 августа 1920 г. Советская Россия обязалась возвратить Латвии все архивы, вывезенные из пределов Латвии во время первой мировой войны (ст. 11, § 1, 2, 3). К Латгалии относится § 4 статьи 11, где говорилось о выделении из деловых архивов и делопроизводств центральных и местных учреждений той же части, которая имеет прямое отношение к областям, входящим в состав Латвии. Решение же о возвращении архивов и документов, вывезенных из пределов Латвии в Россию до мировой войны 1914—1918 гг., сопровождалось в мирном договоре оговоркой, что это будет сделано, если выдача этих архивов не причинит существенного ущерба архивам, библиотекам, музеям, картинным галереям Советской России, в которых они хранятся (ст. 11, § 1)⁴.

Не могли быть удовлетворены требования Латвии о возвращении библиотеки курляндских герцогов, которая по приказу Петра I была 11 марта 1714 г. отправлена на 50 подводках из Риги в Петербург и легла в основу библиотеки Российской Академии наук⁵. То же относилось и к 176 пергаменным документам римского архиепископа и домского капитула (1209—1536 гг.), которые хранились прежде в Петербургской публичной библиотеке и в Московском архиве Министерства иностранных дел: поскольку эти документы более 200 лет считались составной частью

бывшего Государственного архива Польши⁶, они были выданы польскому правительству.

Требования Латвии о выдаче 28 томов «Ливоники» из Литовской метрики также были отклонены, ибо эти документы составляли органическую часть канцелярского архива великого княжества Литовского, а кроме того Литовская метрика так тесно связана с отдельными территориями Советского Союза, что ее никак нельзя было отдать ни одному другому государству. Отказано было и в выдаче архива Санкт-Петербургского комитета для рассмотрения ливонских дел (1803—1819 гг.), так как этот архив никогда не находился в Латвии. Архив временного прибалтийского генерал-губернатора (1905—1907 гг.) не был выдан потому, что там имелись документы, содержащие важные сведения по истории революции 1905—1907 гг.⁷ В Риге в 1922 и 1923 гг. из Витебского архива были получены нотариальные книги Латгалии, а также церковные книги римско-католических, православных и единоверческих приходов Курляндии и Латгалии. Реэвакуация церковных книг Латгалии из СССР продолжалась и в 1924 и 1927 гг.; в 1927 г. были получены также архивы Елгавского окружного суда, Яунелгавско-Илукстского и Тукумско-Талсинского съездов мировых судей, Ливонского губернского по крестьянским делам присутствия и архивы некоторых школ. Придерживаясь мирного договора 1920 г. (ст. 11, § 4), Советский Союз выделил для Латвии из архивов Витебских губернских учреждений документальные материалы, относящиеся к трем уездам Латгалии (Даугавпилсский, Резекненский и Лудзенский), так что и ныне в ЦГИА Латвийской ССР хранятся части фондов Витебского губернского правления, врачебного и строительного отделений, Витебской губернской чертежной, губернского статистического комитета, губернского по крестьянским делам присутствия, губернского прокурора и др. В 1927 г. Рижскому городскому архиву были возвращены из СССР 128 подлинных русских документов, среди них уникальные древние грамоты XIII—XV вв. (с 1915 г. эти ценные документы хранились в двух металлических ящиках в рукописном отделе Академии наук в Петрограде). В 1929 г. был реэвакуирован архив курляндских герцогов, вывезенный в Петербург в 1909 г., а возвращением в 1933 г. архива попечителя Рижского учебного округа реэвакуация архивов из Советского Союза была полностью закончена⁸.

Реэвакуация Латвийских архивов из Германии натолкнулась на трудности, так как в договоре между Латвией и Германией о прекращении состояния войны от 15 июля 1920 г. о возвраще-

нии архивов не упоминалось. Вопрос здесь свелся к спору о возвращении Курляндского земского архива, вывезенного в 1919 г. из Елгавы и с 1922 г. находившегося в Ростокe. Бывший предводитель курляндского дворянства граф А. Пален подарил этот архив эмигрантскому Союзу столбового дворянства Курляндии (Verband der Angehörigen des Kurländischen Stammadels), который основывал свои имущественные права как на дарственном акте, так и на факте покупки собраний документальных материалов курляндских герцогов (собраний рукописей И. Валдемара и Г. Дидерихса).

Государственный архив старался получить Курляндский земский архив из Ростокa, но так и не получил его. В местных законах, которые были еще в силе в Латвии во второй половине 1919 г., не содержалось никаких постановлений, которые дали бы предводителю дворянства право дарить Курляндский земский архив какому-либо частному обществу. Дворянские учреждения были не только сословными, но и земскими учреждениями: ст. 328 местных узаконений отличала постановления этих учреждений, относящиеся к сословным делам местного дворянства, от постановлений, которые относятся к общим делам губернии и подлежат утверждению правительства. Не только Основные правила управления «Курляндским центральным архивом», но и фактический его состав свидетельствовали о том, что этот архив нельзя было рассматривать как сословное дело курляндского дворянства. Среди материалов Курляндского земского архива находились также церковные книги курляндских приходов, архивы судебных учреждений и городов. В свое время Министерство иностранных дел буржуазной Латвии вело переговоры о выдаче Курляндского земского архива, но безрезультатно, так как германское правительство считало этот вопрос не государственным, а частным делом. Намерение потребовать выдачи архива судебным путем не было осуществлено, так как держатели архива легко могли его скрыть⁹.

Возвращение в Латвию церковных книг из Курляндского земского архива, имевшее место в 1925 и 1931 гг., объясняется заинтересованностью местных немецких кругов, которым эти метрические книги были необходимы для генеалогических исследований¹⁰. Глава школы апологетов дворянских привилегий в Прибалтике барон Г. Бруйнинг еще в 1927 г. занимался вопросом возвращения курляндских архивов. С одной стороны, он в переписке с А. Тобином, бывшим заведующим кадастровым отделом лифляндского дворянства, известным своими антирусскими сочинениями¹¹, ратовал за выдачу курляндских городских и судебных архивов без условий, с другой же стороны, старался

устроить в Государственный архив Латвии прибалтийских немцев¹².

В 1927 и 1928 гг. успехи в вопросе возвращения Курляндского земского архива не были достигнуты, хотя генеральный секретарь Министерства иностранных дел буржуазной Латвии Г. Албат вел по этому вопросу частные переговоры с депутатом сейма В. Фирksom и А. Тобином. С возвращением Советским Союзом в 1929 г. архива курляндских герцогов положение резко изменилось — Латвия стала требовать возвращения из Германии архивных материалов без всяких условий. Уже Г. Бруйнинг доказывал в 1927 г., что депозитные материалы Курляндского земского архива должны быть возвращены; в письме председателю Курляндского общества литературы и искусства от 27 апреля 1927 г. он настоятельно советовал ему немедленно запросить 209 документов орденового периода, сданных Курляндскому земскому архиву в качестве депозитов. В 1929 г. министр просвещения заявил, что курляндское дворянство, к которому принадлежат и граждане Латвии, обязано без условий выдать отчужденный им Курляндский земский архив. Ввиду поднятого в местной печати шума немцы вынуждены были пойти на уступки: в 1930 г. были выданы городские архивы (21 ящик) и прошения курляндским герцогам, а в 1931 г. — судебные дела гауптманских судов (8 ящиков)¹³. Основная же часть Курляндского земского архива осталась в Германии и была возвращена из ГДР в 1971 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЛАТВИИ ДО ИЮНЯ 1940 г.

Развитие хозяйственной деятельности Государственного архива отражалось в его годовых бюджетах¹. Общие расходы за десятилетие с 1925/26 по 1935/36 г. держались в границах 52,7—63,3 тыс. лат, за исключением 1930/31 г. и 1931/32 г.² Увеличение расходов в эти два года до 97,6 тыс. лат и 102,4 тыс. лат было вызвано капитальным ремонтом нового здания архива и оборудованием его под архивохранилище, а также перемещением архивных материалов.

Начав в 1920 г. с «архивной» башни и 28 помещений Рижского замка, Государственный архив занимал к 1930 г. 83 помещения замка. Дальнейшее расширение архивохранилища могло произойти лишь при условии выселения из замка других

учреждений, но в то же время из-за перегруженности архивохранилищ здесь прогибались полы, появлялись трещины на сводах и стенах. Проекты нового архивного здания разрабатывались уже с 1924 г., но из-за экономического кризиса и финансовых трудностей работа над ними была отложена, размещение же Государственного архива в восстановленном Елгавском дворце было отвергнуто ввиду удаленности его от административно-культурного центра страны — Риги. Осмотр пустующих фабричных зданий также не дал положительных результатов. Наконец в 1929 г. пригодным для архива было признано 6-этажное каменное здание с бетонным перекрытием в Пардаугаве — бывший городской ломбард³. В Рижском замке общая длина стеллажей архива составляла до 12 тыс. погонных метров, в новом здании к 1933 г. было уже построено 13 650.

В кризисном 1932/33 г. в Государственном архиве в целях экономии были сокращены штатные должности одного старшего архивариуса, заместителя директора и помощника архивариуса, так что научный состав архива сократился до 11 человек⁴. Такого малого количества сотрудников было явно недостаточно для приведения в порядок поступавших в архив во все увеличивавшемся объеме новых архивных материалов. Некоторый выход из трудного положения был найден в 1930 г. в привлечении к работе в архиве внештатно так называемых интеллигентных безработных. Для перемещения архивных материалов в новое здание было принято 11 «интеллигентных безработных», затем число их возрастало, достигнув в январе 1934 г. 87 человек. В декабре 1934 г. в архиве было занято 55 внештатных сотрудников⁵, к марту 1939 г. их число сократилось до 45, в декабре — до 36, оставаясь на таком уровне до августа 1940 г. За десятилетие многие из бывших безработных освоились с архивом и, выполняя ту же работу, что и штатные архивариусы, стали ценными его сотрудниками. С 1936/37 бюджетного года понемногу стало увеличиваться число штатных научных сотрудников архива, которое достигло 17 человек.

Уже в 1934 г. Государственный архив предусмотрел необходимость предоставления ему дополнительных помещений, так как ежегодный прирост архивных материалов исчислялся в 1000—1500 погонных метров. В то же время предстояло принять архивные материалы буржуазной Латвии с 1919 г., хотя в Государственном архиве далеко еще не была собрана вся документация царского времени. Так, несколько сот тысяч дел прокуроров Рижского и Лиепайского окружных судов и других учреждений еще ждали концентрации. Вопрос о помещении для архивохранилища был разрешен на некоторое время после того как в

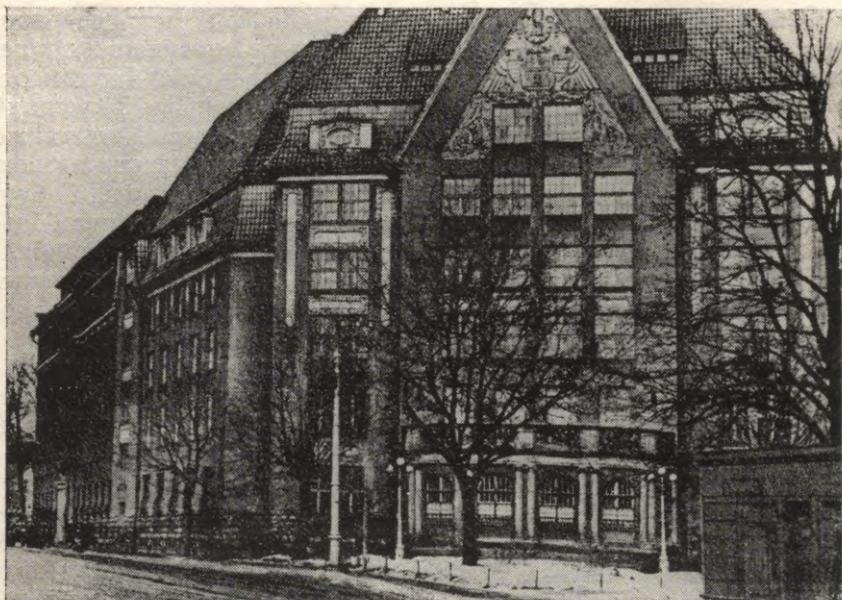

Рис. 12. Здание ЦГИА Латвийской ССР

1936—1939 гг. к архиву было пристроено 6-этажное железобетонное здание с большими светлыми помещениями, читальным залом, канцелярией и т. д.; постройка обошлась в 525 тыс. лат⁶.

Положение Государственного архива улучшилось, когда в его распоряжение в 1939 г. были переданы добавочные помещения в Рундальском дворце⁷. В мае 1940 г. оборудование помещений под архивохранилище было закончено, в Рундале были перемещены дела Государственного контроля и Статистического управления буржуазной Латвии временного срока хранения. Эти архивные материалы находились в ведении особого архивариуса Государственного архива в Рундале.

В Рижском замке архивные материалы не были размещены систематично, поскольку площадь архивохранилищ расширялась постепенно, так что новые архивные материалы складывались по мере их поступления. После переезда в отдельное здание были предприняты попытки известной систематизации фондов по отделам⁸, но систематизация все же не была доведена до конца. Фонды были размещены по этажам здания, которые и стали отделами архива⁹.

Основное внимание сотрудников архива было сконцентрировано на обслуживании читального зала и в особенности прилегающего к нему отдела — церковного и школьного. В этом отделе, кроме коллекций церковных книг и церковных визитаций и фондов Курляндской и Лифляндской консисторий, а также фондов школ, были сосредоточены коллекции ревизских сказок, выделенные из документации губернских казенных палат. В буржуазной Латвии на этого рода архивные материалы был больший спрос, чем на другие источники, так как не только прибалтийские немцы, но и «серые бароны» — латышская сельская буржуазия — интересовались, главным образом, своей генеалогией и хотели иметь свои родословные таблицы¹⁰.

К 1939 г. в Государственном архиве было создано семь отделов: 1) — сельское самоуправление; 2) — церковь и школа; 3) — сословные и городские самоуправления; 4) — общества и союзы; 5) — финансы и полиция; 6) — губернская администрация и судебные учреждения; 7) — отдел карт и планов. Архив Лифляндского губернского правления, из «архивной» башни Рижского замка, был теперь расширен за счет фондов Курляндской губернии и преобразован в отдел губернских административных учреждений. Все же и это подразделение не было последовательно соблюдено: полученная из Советского Союза документация витебских губернских учреждений, относящаяся к Латгалии, вместе с делами латгальских уездных судов и дворянских самоуправлений была сосредоточена в особом подотделе — Латгалии. Когда в Государственный архив поступило большое количество архивных материалов Лифляндской и Курляндской казенных палат, управлений государственных имуществ и банков, из них был образован экономический отдел, к которому были присоединены и фонды полицейских учреждений.

С переездом Государственного архива в отдельное здание туда начали сдавать свои архивные материалы также учреждения буржуазной Латвии. Ввиду нехватки штатных архивных работников для этих материалов не были созданы особые отделы, их присоединяли к уже существующим. Так как срок сдачи архиву окончанных дел в законе не был зафиксирован, с 1932 по 1937 г. в Государственный архив непрерывно поступали судебные дела даже 2—3-летней давности¹¹. Таким образом, судебные канцелярии перевалили часть своей работы на плечи немногочисленных сотрудников Государственного архива, требуя потом от них выписок из приговоров, сведений о времени совершения проступков, сроке отбывания наказания и т. п. Лишь законом о судебных архивах от 3 июля 1937 г. этому был положен конец.

Архивные материалы хранились в отделах по фондам, а в

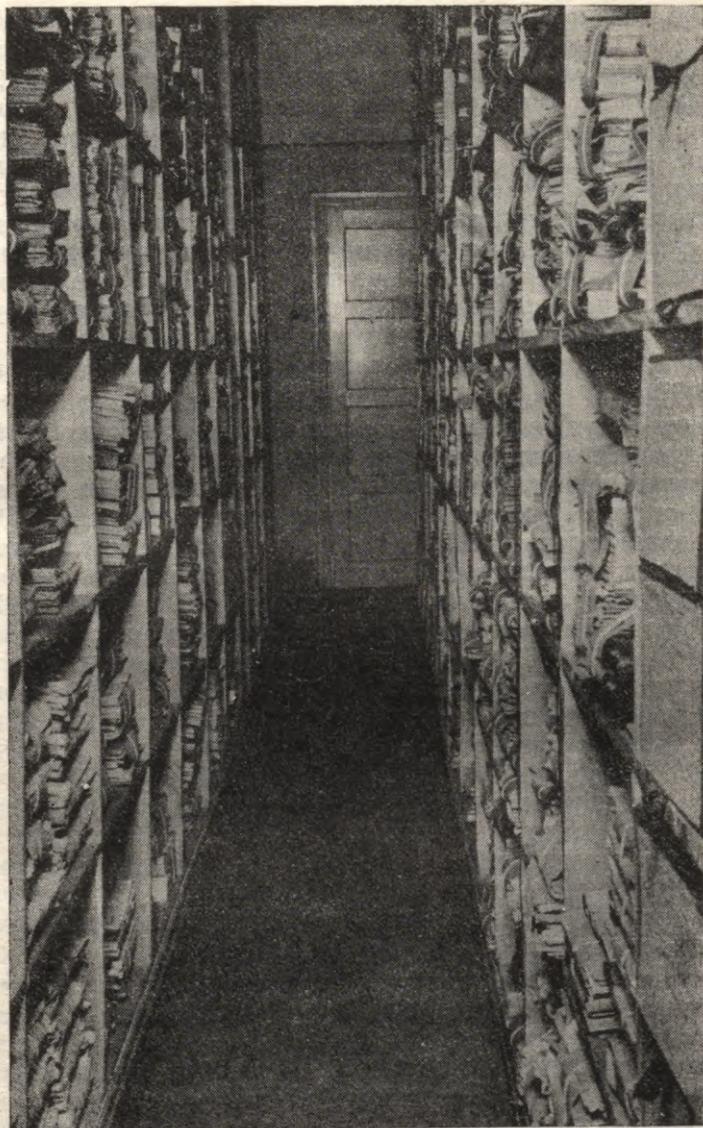

Рис. 13. Вид архивохранилища ЦГИА

границах фонда восстанавливался старый порядок фондообразователя — дела регистрировались по номерам и годам. Каждым отделом заведовал архивариус с помощниками, и там работало известное число «интеллигентных безработных». Последние выполняли под контролем архивных сотрудников все подсобно-технические работы по разборке и упорядочению архивных материалов и укладке их на стеллажи. Внештатным работникам поручалась также трудоемкая работа по составлению описей, которая сводилась однако к чисто механическому копированию заголовков дел на языке подлинника. Построение фонда восстанавливалось по буржуазному принципу, так называемому провениенц. Научная систематизация архивных материалов и выделение в макулатуру дел, не подлежащих хранению, не производились¹².

Работу Государственного архива Латвии буржуазные власти оценивали только по двум показателям — по справочной работе, которая шла через канцелярию, и по обслуживанию читального зала. Количество справок и исходящих писем за время с 1930 по 1939 г. увеличилось с 1318 до 6672, т. е. более чем в пять раз. Пользование документами Государственного архива в читальном зале регулировалось правилами, изданными 3 ноября 1925 г.¹³ Список фондов и коллекций Государственного архива был опубликован лишь в 1937 г.; до того читатели зависели от эрудиции и объема знаний заведующего читальным залом или от консультации с начальниками отделов архива. После введения вечерних часов в читальном зале в 1935 г., число посещений увеличилось с 2785 (1934 г.) до 4255 (1935 г.). Число посещений читального зала за десятилетие с 1930 по 1939 г. удвоилось, а количество выданных документов увеличилось более чем в четыре раза. Рост обоих показателей в 1935—1939 гг. объяснялся не расширением диапазона исторических исследований, а усилившимся интересом к генеалогии в связи с лихорадочным розыском прибалтийскими немцами своих «арийских» предков.

На основе договора между буржуазной Латвией и фашистской Германией от 30 октября 1939 г. около 50 тыс. прибалтийских немцев переселились в гитлеровскую Германию. В дополнительном протоколе к ст. 7 этого договора (в § 1, № 15-в, с, е) подробно перечислялись категории документальных материалов, вывоз которых переселенцами был запрещен. Для разрешения спорных вопросов о вывозе архивных документов, библиотек и других культурных ценностей была учреждена особая паритетная комиссия.

Согласно договору переселенцам было запрещено вывозить архивные материалы, которые принадлежали к составу государ-

ственных или общественных архивов (§ 1, № 15-в), а также архивные документы, отражающие экономическую и правовую жизнь какой-либо волости, прихода, города или другой какой-нибудь части территории Латвии или же личного самоуправления или сословия (п. 15-с). Сюда же относились карты и планы Латвии, изготовленные до середины XIX в. (п. 15-е). Не допускался также вывоз архивов, протоколов заседаний, табелей успеваемости немецких школ, содержащихся за счет государства и самоуправления, если ученики не переселялись в Германию (п. 15-1).

В то же время переселенцам разрешался вывоз семейных архивов, не имеющих особого значения для истории Латвии (примечание 1-а); архивов бывших немецких студенческих корпораций и объединений филистров (1-в); архивов бесприбыльных обществ, поскольку они отражали внутреннюю жизнь этих обществ (1-с). К вывозу были допущены копии и фотокопии церковных и приходских книг смешанных (латышско-немецких) приходов и подлинные церковные книги немецких приходов с 1834 г. В случае отсутствия копий церковных книг немецких приходов Латвии за 1834—1921 гг. должны были быть сданы их фотокопии; заинвентаризованные в Управлении памятников собрания и предметы допускались к вывозу лишь после снятия их с учета (прим. 2)¹⁴.

О ходе выполнения пунктов договора 1939 г. относительно вывоза архивных документов можно судить по протоколам латвийско-германской паритетной комиссии с декабря 1939 по июль 1940 г. Споры по этим вопросам после бесплодных дискуссий обычно оканчивались уступками латвийских членов комиссии. Из Рижской центральной городской библиотеки были выданы генеалогические материалы из рукописных собраний И. Х. Бротце, А. Бухгольца и Т. Бейзе; из архива лифляндского дворянства в Государственном архиве — 28 томов и ящик с дворянскими дипломами и семейными легатами; были выданы также хранившиеся в Госархиве архивные материалы из фондов рижской Большой гильдии — три тома и Малой гильдии — 35 томов (за 1610—1883 гг.).

Большие споры вызвал архив рижской Компании Черноголовых. В январе 1940 г. латвийские представители наотрез отказали в выдаче этого архива, поскольку Компания Черноголовых не была чисто немецкой организацией и к тому же она играла роль в культурно-общественной жизни города Риги. Но в июне 1940 г. по решению паритетной комиссии весь архив Компании Черноголовых (за исключением одного тома со шрагами 1594 и 1652 гг.) был выдан для вывоза в Германию. Поэтому на заклю-

чительном заседании от 10 июля 1940 г. немецкая делегация заявила, что она удовлетворена выполнением статей договора от 30 октября 1939 г. и не предъявляет более к Латвии никаких претензий на культурное имущество.

Несмотря на бдительность таможенных чиновников и сотрудников Управления памятников, немецкими переселенцами все же было нелегально увезено в Германию немало архивных документов. Часть незаконно взятых с собой исторических материалов была у переселенцев обнаружена в гаванях Риги, Лиепайи и Вентспилса и передана на решение паритетной комиссии. На заседании от 3 февраля 1940 г. комиссия разрешила вывоз 24 семейно-вотчинских архивов, среди них документации таких древних феодальных родов Ливонии, как Анреп, Кампенгаузен, Клодт, Нолькен, Раден, Фелькерзам, Циммерман и др. 16 марта 1940 г. был разрешен вывоз архивов родов Брюгген, Бутлер, Медем, Фиркс¹⁵.

Таким образом, еще накануне войны фашистская Германия получила из буржуазной Латвии архивные материалы, представляющие большую ценность для истории Латвии и латышского народа.

Заключение

Советская власть всегда придавала и придает большое значение изданию архивных документов как средству идеологической борьбы с различного рода искажениями и извращениями подлинной истории народов нашей страны.

Обобщающие труды А. В. Чернова и И. Л. Маяковского по истории архивного дела в СССР были опубликованы еще в 1940—1941 годах¹. Эти работы дополняют друг друга: И. Л. Маяковский подробно рассматривает историю архивного дела в России в дореволюционное время, а А. В. Чернов — архивное строительство в послеоктябрьский период. Оба автора почти не касаются своеобразия развития архивного дела в Прибалтике. Для архивистов Латвийской ССР эти работы служат руководством как в отношении методических указаний, так и изложения главных этапов архивного строительства в СССР.

До 1919 г. все исторические архивы Латвии находились в исключительном владении прибалтийско-немецкой дворянской и буржуазной верхушки; частично такое положение сохранялось и позднее — вплоть до 1935—1940 гг. Архивные материалы интересовали эти слои общества лишь с точки зрения оправдания социально-экономических и политических привилегий немецкого меньшинства в Прибалтике. Однако, хотя прибалтийско-немецкая историография по архивным вопросам также была подчинена классовым интересам господствующих верхов, советские историки не могли игнорировать полученный в наследство богатый фактический материал². Следует отметить, что в дореволюционной России было опубликовано немало различного рода работ по архивным вопросам, это в первую очередь сборники Н. В. Калачова, Д. Я. Самоквасова и др.

В монументальном труде В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», изданном в 1891 г., есть описание и Рижского городского архива.

Обзоры и статьи о документальных материалах Рижского городского архива возбудили научный интерес, и начиная с 40-х годов XIX в. был издан целый ряд рижских городских книг и архивных документов³.

Прибалтийско-немецкие историки опубликовали также инвентарные описи отдельных фондов или частей архивов, обзоры ливонских документов в русских и зарубежных архивах. Первая опись документальных материалов внутреннего архива Рижского городского архива была напечатана еще в 1780 г.⁴ В XIX в. о рижском городском архиве и его документах писали К. Г. Зонтаг, А. Бухгольц и К. Е. Напьерский⁵.

Архив курляндских герцогов по поручению курляндского дворянства был разобран и систематизирован историком Т. Шиманом, который в 1881 и в 1886 гг. дал первые обзоры этого собрания документальных материалов. В связи с X Археологическим съездом за короткое время появились три описи на так называемый Герцогский архив в Митаве. Одна из них была опубликована в Трудах съезда⁶; затем в 1902 г. Комиссия по разбору герцогского архива издала «Систематическую роспись...»⁷, в 1903 г. — новую опись⁸. В основу всех трех описей легла систематизация Т. Шимана. Для Археологического съезда об этом архиве напечатали краткие очерки секретарь Курляндского статистического комитета Я. И. Лудмер⁹ и учитель Г. Дидерихс¹⁰; в 1896 г. последний опубликовал также краткую историю этого архива.

Небольшая Пилтенская область в Курляндии имела в 1556—1817 гг. отдельное от Курляндского герцогства самоуправление и поэтому свой архив, обзоры которого опубликовали историки Т. Шиман в 1880 и 1886 гг. и Г. Мантейфель — в 1884 г.

По инициативе X Археологического съезда в Риге был упорядочен (в 1897—1905 гг.) такой исторически важный фонд, как шведский генерал-губернаторский архив¹¹, и на него была составлена опись, автор которой Ф. Бинеман дал также обзор этого ученого собрания документов¹².

В трудах Археологического съезда были опубликованы статья А. Филиппова о значении центральных архивов для истории Прибалтийского края, а также описание архива рижского генерал-губернатора с 1710 по 1783 г. А. И. Василева¹³. Некоторые документы этого архива, начиная с писем и указов Петра I, печатались в прибалтийских сборниках Е. В. Чешихина и ранее¹⁴.

Большое место в прибалтийско-немецкой историографии отведено периоду феодального господства Ливонского ордена (до 1561 г.), в связи с чем проявился повышенный интерес к архивным документам того времени. Прибалтийское дворянство не жалело расходов на копирование документов из орденского архива в Кенигсберге, относящихся к Ливонии, к розыскам и описаниям остатков погибших архивов рижского архиепископа и Ливонского ордена. Из всех доступных местных и зарубежных архивов копировались документы орденского периода, которые затем были опубликованы в сериях сборников ливонских документов¹⁵.

В связи с повышенным интересом к вопросам генеалогии прибалтийско-немецкое дворянство и буржуазия проявили большую заботу о сохранности церковных архивов, особенно церковных книг. В конце XIX в. церковные книги Видземе и Курземе до 1833 г. были собраны в земских архивах, а в печати появился также ряд статей о церковных архивах.

Архивы Большой и Малой гильдий и общества Черноголовых в Риге первым в 1873—1874 гг. описал Г. Гильдебранд, позже обзор архива Черноголовых был сделан также К. Меттигом в 1909 г.

О плачевном состоянии архивов больших городов Курземе и Видземе начали писать лишь в начале XX в. Латышская прогрессивная газета «Яуна диенас лапа» объясняла уничтожение этих архивов законом о городских выборах, вследствие которого городское управление находилось в руках трактирщиков, купцов и домовладельцев. Среди латышской интеллигенции возрос интерес к архивам и исследованиям, основанным на архивных материалах, на что указывает статья Р. Клаустиня от 1913 г. «Не забывайте наших архивов!».

Первые шаги по сбережению и централизации документальных материалов и архивов Латвии после Февральской революции были предприняты в 1917 г. Архивным отделом Видземского земского совета, после Октябрьской революции в 1918 г. — Исколатом, а в 1919 г. — Советским правительством Латвии¹⁶. В газетных статьях, воззваниях, распоряжениях и декретах населению разъяснялось значение документальных материалов для экономической, политической, социальной и культурной истории латышского народа.

Руководители Государственного архива Я. Крюгер-Кродзинек (1919—1924 гг.) и Я. Берзинь (1924—1940 гг.) время от времени печатали отчеты о работе архива, главным образом в ежемесячнике Министерства просвещения. Некоторые обзоры из истории архива и его фондов появлялись и в других изданиях.

В специальном архивном издании сотрудники архива публиковали документальные материалы по истории латышского народа, а также исторические исследования. В 1937 г. архивом был издан краткий перечень его фондов.

С 1923 по 1934 г. заведующий Рижским городским историческим архивом А. Фейерейзен печатал свои ежегодные отчеты в *Обзорах деятельности Рижской городской думы и управы*. В 1932 г. в международном издании «*Минерва*» появилась его обзорная статья, в том же году в рижском сборнике он весьма подробно рассматривал историю рижской городской канцелярии, городского архива и его значение. Второй заведующий архивом В. Билькин в 1940 г. напечатал обзор за 1935—1939 гг. Два обзора о документальных материалах Рижского городского исторического архива были опубликованы Б. Билькиным еще в 1938 г., до того им был издан также сборник документов о бегстве крепостных в г. Ригу.

В буржуазной Латвии интерес широкой общественности к архивам был довольно большим. Латыши сами хотели разобраться в своих исторических проблемах на основании первоисточников и освободиться от господства прибалтийско-немецкой историографии. Следствием этого было значительное количество статей и исследований об отдельных архивах и комплексах архивных фондов. Вслед за правительством Советской Латвии в 1919 г. буржуазные власти усиленно начали заниматься изучением состояния и сохранности волостных архивов, в дореволюционное время оставленных на произвол судьбы. Уже в 1920 г. были опубликованы сведения о волостных архивах по анкетным данным, которые были затем подробно обработаны совместно с данными о приходских архивах в статье И. Кронлина в 1921 г. В 1938 и 1940 гг. были опубликованы алфавитный указатель и правила по систематизации волостных архивов.

В 1937—1941 гг. в рамках серии «*Источники истории Латвии*» (*Latvijas vēstures avoti*) появился ряд ценных публикаций документов по отдельным вопросам из истории Латвии и общих сборников исторических документов из местных и зарубежных архивов. Кроме того, отдельным изданием были напечатаны материалы шведской ревизии 1601 г., опубликованы в обработанном виде хозяйственные книги имений А. Уксеншерны в Лифляндии за 1624—1654 гг., были изданы тексты девяти курляндских мызных «законов» XVIII—XIX вв. с комментариями и другие сборники документов.

В буржуазной Латвии продолжал свою деятельность в качестве сотрудника Государственного архива Г. Бруйнинг. В 1926 г.

он напечатал в баварском архивном журнале статью о бывшем историческом земском архиве в Риге, в которой высказал мысль о необходимости возвращения шведского генерал-губернаторского архива из Тарту в Ригу (по месту нахождения фондообразователя), вызвавшую резкую полемику с эстонскими газетами.

В 1923—1940 гг. в журналах и Латышском энциклопедическом словаре были опубликованы обзорные статьи о местных архивах и отдельных фондах. Публиковались также сведения о касающихся Латвии документальных материалах в зарубежных архивах, таких как ватиканский, шведский, голландский, датский и др.

Перечень церковных книг всех вероисповеданий, заменявших в Латвии до 1922 г. метрические записи, напечатал в 1935 г. А. Шмеманис в руководстве для отделов записи актов гражданского состояния.

Рижские газеты буржуазной Латвии время от времени знакомили общественность с архивами. В газетных информационных, кроме общих обзоров ценнейших фондов, рассматривались также вопросы размещения архивных материалов, реэвакуации архивов, изъятия исторических архивов у немецких обществ для их концентрации в Государственном архиве. В связи с переходом руководства Рижского городского архива в руки латышских буржуазных историков (1935 г.) в прессе стали появляться сведения из истории архива, обзоры его главных фондов. В связи с репатриацией прибалтийских немцев в Германию в 1939 г. газеты много писали о незаконном вывозе ценных исторических документов и вотчинных архивов.

Неутомимым исследователем Латгалии — восточной части Латвии, входившей до 1917 г. в состав Витебской губернии, был Б. Р. Брежго (1887—1957 гг.). С 1930 по 1944 г. им были подробно исследованы отдельные категории архивов Латгалии, дан обзор их документальных материалов, а также перечень документов по истории Латгалии в архивах Советского Союза и за рубежом. Данные о городских архивах Латгалии опубликованы им в 1937 г.¹⁷, о вотчинных архивах — в 1938—1939 гг., о губернских и уездных архивах — в 1939 г., о монастырских библиотеках и архивах — в 1940 г. В 1943 г. все эти исследования в дополненном виде были изданы на латгальском наречии в сборнике «Прошлое Латгалии»¹⁸. В 1930 г. Б. Р. Брежго описал архивные материалы о Латгалии в русских архивах, напечатал отчет о своей научной поездке в 1928 г. по архивам и библиотекам Польши, дав подробный перечень всех обнаруженных им материалов по истории Латвии. В двух статьях он опубликовал описание католических церковных (метрических) книг и историю

их хранения. Следует особо упомянуть два тома публикаций документов с описаниями генерального межевания Латгалии 1784 г., инвентарями помещичьих и монастырских владений, подымной подати и др. за 1646—1835 гг.¹⁹ Некоторые сведения о латгальских архивах имеются в книге Р. М. Меницкого о Витебском центральном архиве актовых книг²⁰.

Хозяйничание немецко-фашистских оккупантов в Латвии в 1941—1944 гг. отразилось на архивном деле весьма пагубно. Стройная советская архивная система, введенная в августе 1940 г., была нарушена, оккупанты уничтожали, перемещали и вывозили из Латвии ценные архивные материалы.

В первые послевоенные годы все сотрудники архивов Советской Латвии были заняты огромной работой по восстановлению нарушенной фашистскими оккупантами архивной системы и упорядочению архивных фондов. В это время появились лишь две газетные статьи о Рижском городском и Центральном государственном архивах²¹. В связи с выставкой архивных документов в ЦГА ЛатвССР, посвященной 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг., было опубликовано ее описание²².

В течение 1950-х гг. было опубликовано несколько тематических обзоров по документальным материалам Рижского городского и Центрального государственного архивов. К истории архивного дела в Латвии относятся также статьи о документальных материалах, уничтоженных в ходе судебной реформы 1889 г., о мероприятиях Советской власти в архивном деле в 1917 и в 1940 гг.²³

Р. Ширант в 1960 г. дал подробный обзор архивного фонда Рижского городского податного управления с 1782 по 1917 г.²⁴ В. Дорошенко в 1950 г. описал документацию Литовской метрики, относящуюся к Латвии, а Д. К. Зеленин в 1947 г. опубликовал обзор рукописных материалов о народах Прибалтики из Ученого архива Всесоюзного географического общества.

Начиная с 1956 г. ЦГИА публикует сборники документов по актуальным вопросам истории. В задачу настоящего исследования не входит описание полного перечня публикаций документов из местных архивов по разным проблемам после 1945 г. Исчерпывающие сведения об этом опубликованы А. Бироном и В. Дорошенко²⁵.

Источниками для изучения архивного дела в Латвии являются, в первую очередь, соответствующие законодательные памятники и документальный актовый материал. Сюда входят постановления польского сейма, литовских статутов, шведские постановления, указы Петра I, Екатерины II и других царей, опубликованные в Полном собрании законов Российской импе-

рии, патенты Лифляндского и Курляндского губернских правлений, документы из вестников Советского правительства Латвии и правительства буржуазной Латвии.

Научно-организационная сторона архивного дела отражается в делах самих фондов, в их описях, так как все структурные изменения учреждения-фондообразователя — расширение или сужение его компетенции, ликвидация — так или иначе влияют на его архив. Сухая официальная документация об архивах получает живую окраску в редких сохранившихся записях самих архивистов. Такой «архивный журнал» с 1882 по 1927 г., т. е. в течение 45 лет, вел заведующий архивом Г. Бруйнинг. Два архивариуса составили краткие записи об истории курляндских архивов; в ЦГИА сохранилась рукопись последнего архивариуса Курляндского герцогского архива Ф. Рекке (1764—1846 гг.), обзор же об архивах Курляндии архивариуса Курляндского губернского правления И. Вольдемара был в 1971 г. возвращен из ГДР.

Материалы для данного исследования собирались автором в продолжение его 30-летней работы в архиве. Во время Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации многие архивные дела пропали или были уничтожены, поэтому здесь согласно сохранившимся у автора записям делаются ссылки на старые номера дел или на названия и даты документов. Некоторые архивные материалы после работы над рукописью были перешифрованы, поэтому чтобы найти настоящий номер дела следует пользоваться переводными таблицами.

Ссылки и комментарии

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ *Енш Г. А.* Из истории архивного дела в Латвии в дни Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в 1917—1940 гг. — ИАН, 1958, № 8, с. 21—26.
- ² *Енш Г. А.* «Polonica» в Рижском государственном архиве. — Ученые записки Института славяноведения. М., 1950, т. 2, с. 311—325; *Енш Г. А.* Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги. — В кн.: Скандинавский сборник, 1958, вып. 3, с. 224—256; *Jenšs J.* Zviedru perioda dokumentālie materiāli Latvijas PSR valsts arhīvos: Fondu vēsture un dokumentālo materiālu apskats. — VP. R., 1958, 2, 263.—295. lpp.
- ³ *Енш Г. А.* Обзор документальных материалов по истории техники, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР. — В кн.: Из истории техники Латвийской ССР. Р., 1959, 1, с. 113—126.
- ⁴ Публикации Института истории Академии наук Латвийской ССР (1946—1972): Библиогр. / Сост. З. Я. Шакаре. — Р., 1973; *Бирон А. К.* Обзор советских публикаций документальных материалов по истории Латвии. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Р., 1970, с. 363—380.
- ⁵ *Iskolata un tā prezidija protokoli (1917.—1918.).* R., Zinātne, 1973. 292 lpp.
- ⁶ Археологическая деятельность архивных учреждений союзных республик. — Труды ВНИИДАД. М., 1979, т. 10, с. 182—183.
- ⁷ *Бирон А. К., Дорошенко В. В.* Советская историография Латвии. — Р.: 1970. 500 с.; Институт истории АН Латвийской ССР. — Р.: 1976. 151 с.

Г Л А В А I

АРХИВНОЕ ДЕЛО В ЛАТВИИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА (XIII—XVIII вв.)

Письменность и хранение документов

- ¹ *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940, с. 15.
- ² *Karulis K.* Senie un mūsdienų raksti. R., 1956, 51.—56. lpp.; *Prande A.* Latvju rakstniecība portrejās. R., 1926, 3.—7. lpp.
- ³ История Латвийской ССР: Сокр. курс. Р., 1955, с. 28—29; История Лат-

- вийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 73—77; *Zeids T. Feodālisms Livonijā. R.*, 1951, 135.—136. lpp.
- ⁴ *Svābe A. Latvju tiesību vēsture. LKV, XI, 22123.—22124. sl.*
- ⁵ *Senās Latvijas vēstures avoti. R.*, 1937, 1. burtn., № 161.
- ⁶ Там же, № 162, 163.
- ⁷ Там же, № 172.

Архив Ливонского ордена

- ¹ *Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Р., 1960, с. 41. Архив ландмаршала Ливонского ордена с 1432 г. хранился в орденском замке в Сигулде, бесследно исчезнувший. — JGHS 1905 und 1906. Mitau, 1908, S. 182.
- ² *Дорошенко В. В.* Очерки..., с. 42; *Dragendorff E.* Über die Beamten des Deutschen Ordens in Livland, während des XIII Jahrhunderts; Diss. Berlin, 1894. S. 44—65.
- ³ *Дорошенко В. В.* Очерки..., с. 230—251 (феодалная рента).
- ⁴ Там же, с. 280—284 (торговля Ливонского ордена).
- ⁵ Там же, с. 42.
- ⁶ В XIV в. капелланы орденских магистров написали: Варфоломей Гонеке (Hoeneke) — «Новую рифмованную хронику», Герман фон Вартберг (de Wartberg) — «Хронику Ливонии»; управляющий орденской канцелярии в Пайде, а затем в Пярну (1556—1560 гг.) Иоганн Реннер составил ливонскую хронику; секретарь последнего орденского магистра Кетлера Соломон Геннинг (Henning) в середине XVI в. — ливонскую и курляндскую хронику; наконец, юриконсульт орденских магистров Иоганн Мейлоф (Meilof) в 1471/1474 гг. составил себе большое собрание копий ливонских документов (*Зулис Я.* Очерки по историографии Латвии. Р., 1949, ч. 1, с. 22, 35, 36, 44, 45); *Keussler F.* Der Greifswalder Professor Johann Meilof und sein handschriftlicher Nachlass über Livland aus dem 15. Jahrhundert. — MLG. R., 1924—1926, Bd. 23, S. 145—155. Ср. замечания Драгендорфа, „Kapellan des Landmeisters — eine Art Sekretär und ragt dadurch aus der Zahl der übrigen Priesterbrüder hervor“. *Dragendorff E.* Über die Beamten des Deutschen Ordens..., S. 65.
- ⁷ *Arbusow L.* Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. R., 1910, Bd. 3, № 15, S. 924, „Kanzler und Kanzleibeamte“; *Bruiningk H.* — LGU. R., 1923, Bd. 2, № 19, S. 850., „Kanzler und Kanzleibeamte“.
- ⁸ *Stavenhagen O.* Das kurländische Landesarchiv. — AIBH, R., 1909, S. 289. От Брюггена сохранились книги-копии, 179 писем (1554—1555 гг.) ,счета, судебные дела, инструкции, книга записей о поездке в Аугсбург (1549—1550 гг.) на рейхстаг в качестве посла Ливонского ордена.
- ⁹ „Wunderliche Handlung des jetzigen Meysters aus Leylandt und seines Stallbruders oder Coadjutorn, Wilhelmen Fürstenberg und ihrem anhang“. ЦГИА, ф. 4038, оп. 2, д. 213, 1556 г. Эта рукопись бежавшего за границу канцлера раскрывает неблагоприятные поступки высшего орденского руководства.
- ¹⁰ *Busch N.* Das Kopialbuch aus dem XIV Jahrhundert im Kurl. Provinzialmuseum zu Mitau... — MGL. R., 1899, Bd. 17, 2, S. 377—398; *Dunsdorfs E.* Latvijas vēstures avoti... — LVIZ, 1940, № 2, 259. lpp.; ЦГИА, ф. 5759, оп. 1, д. 115.
- ¹¹ *Brežgo L.* Latgolas pagōtne. Daugavpils, 1943, 6, 186.—187. lpp. Это предположение Б. Брежго тем более вероятно, что в 1551 г. Сигизмунд II Август выдал Николаю Радзвиллу Черному и его наследникам привилегию на

- перевозку в Несвижский архив и хранение в нем документальных материалов Великого княжества Литовского. *Fölkersam A.* Über das Fürstlich Radzivilische Familienarchiv zu Schloss Nieswicz. — AIBN. R., 1909, S. 315; *Семенов В. П.* Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1905, т. 9, с. 432—433. (Несвиж).
- ¹² *Bergh S.* Svenska Riksarkivet 1618—1837. Stockholm, 1916, S. 314—315. Riksarkivets förluster i slottbranden.
- ¹³ Там же (S 332—341). Flyttning till Örebro i juni 1713. По сообщениям из Стокгольма, в 1967 г. в Шведском государственном архиве были обнаружены регесты на часть погибших документальных материалов, в них содержатся также сведения и по истории Латвии.
- ¹⁴ *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat: 1861—1868; *Hildebrand H.* Die Arbeiten für das Liv-, Est- und Kurländischen Urkundenbuch im Jahre 1875/76. R., 1877, S. 10—35; *Dunsdorfs E.* Latvijas vēstures avoti..., 258.—260. lpp.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 554, оп. 1, д. 1 и сл. См.: Герцогский архив в Митаве. Митава, 1903, с. 23 (Орденские времена).
- ¹⁶ *Stavenhagen O.* Das Kurländische Landesarchiv. — AIBN, R., 1909, S. 288—289. „Korialbuch“ была возвращена Курляндскому провинциальному музею в 1930 г. и сейчас находится в ЦГИА, ф. 5759, оп. 1, д. 115.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. 5561. CVVA

Архивы Рижского архиепископства, Курляндского епископства и Пилтенского округа, монастырей и церквей

- ¹ *Дорошенко В. В.* Очерки..., с. 16—18.
- ² *Arbizovs L.* Rīgas bīskapija un virsbīskapija. — LKV, 18 sēj., 35868.—35869. sl.
- ³ Там же, 35855.—35856 sl.
- ⁴ *Bruiningk H.* Livländische Güterurkunden, Bd. 1, S. 721—722, 725; Bd. II, S. 850, № 19.
- ⁵ *Stackelberg F.* Die Verwaltung des Bistums Oesel-Wiek im XVI Jahrhundert. — SBGGA 1934, Riga, 1936, S. 42.
- ⁶ *Keussler E.* Der Greifswalder Professor Johann Meilof... — MLG, Bd. 2, S. 145—155.
- ⁷ *Зутис Я.* Очерки..., ч. 1, с. 39.
- ⁸ Еще в 1429 г. магистр Ливонского ордена Гизбрехт фон Рутенберг ходатайствовал у папы о запрещении вывоза из страны книг и документов рижского домского капитула. LUB. R., M., 1881, Bd. 7, Nr. 792, S. 554.
- ⁹ *Brežgo V.* Livonijas dokumenti Pūlijas skarba arhīvā Krakovā. Grām.: Latgolas pagotne. Daugavpils, 1943, I, 179.—222. lpp. Из более ранней литературы см.: *H. Hildebrand.* Zehn Urkunden zur älteren livländischen Geschichte aus Petersburg und Stockholm. — MLG. R., 1875, Bd. 12, S. 367—380; *Perlbach M.* Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau. — MLG. R., 1886, Bd. 13, S. 1—2; *Bergengrün A.* Zur Geschichte des Erzbisthums Riga. — SBGGA, 1898, S. 6—23; *Schwartz Ph.* Ein Verzeichnis der nach dem Jahre 1438 dem Lübischen Domkapitel übergebenen Urkunden des Rigischen Erzstifts. — MLG. R., 1900, Bd. 17, S. 407—462; *Прашицкий С.* Описание актов Литовской метрики. — СПб., 1887, № 205—215.
- ¹⁰ *Arbizovs L.* Livonijas arhīvi. — LKV. R., 1935, 12. sēj., 23867. sl.; Archeion (Warszawa), 1933, t. 11, str. 117.

- ¹¹ Straty archiwów i bibliotek warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych (1939—1944). — Warszawa, 1957. — t. I. Archivum glównie Akt Dawnych, str. 22—69.
- ¹² *Hjärn's Th.* Ehst-, Lyf- und Lettländische Geschichte. — Monumenta Livoniae Antiquae. R., 1835, Bd. I, S. 183; летописец Кельх считал это безрассудным (irraisonnable) поступком. — *Kelch Chr.* Liefländische Historia ..., Reval, 1691, S. 142.
- ¹³ *Arbuzovs L.* Livonijas arhīvi. — LKV. 1935.—1936, 12. sēj., 23867. sl.
- ¹⁴ *Bergengrün A.* Zur Geschichte des Archivs des Erzbisthums Riga. — SBGGA 1898. R., 1899, S. 11, 13, 14; *Bergengrün A.* Herzog Christoph von Mecklenburg, letzter Koadjutor des Erzbisthums Riga, Reval, 1898, S. 204, 221, 224—226.
- ¹⁵ *Arbuzovs L.* Kurzemes bīskapija. — LKV. R., 1933—1934, 10. sēj., 19117.—19123. sl.
- ¹⁶ По Кронборгскому договору (1585 г.) Курляндское епископство перешло от Дании к Польше, архивы же остались в Копенгагене.
- ¹⁷ *Arbuzovs L.* Livonijas arhīvi. — LKV. R., 12. sēj., 23868.—23869. sl.; *Hassø A.* Die Bedeutung des dänischen Reichsarchivs für die lettische und estnische Geschichtsforschung. — PBVK. R., 1938, S. 544—567.
- ¹⁸ *Manteuffel G.* Piltyń i archiwum piltyńskie. — Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1884, str. 10—36; *Schiemann Th.* Das piltenische Archiv. — Historische Darstellungen und archivalische Studien. Hamburg, Mitau, 1886, S. 215—228. Архив возвращен в ЦГИА в 1971 г. в составе Курляндского земского архива.
- ¹⁹ *Ābers B.* Kurzemes zemes arhīvs. — LKV. R., 1933—1934, 10. sēj., 19193.—19194. sl.
- ²⁰ *Stavenhagen O.* Das Kurländische Landesarchiv in Mitau. — AIBN. R., 1909, S. 297; Сохранившийся в ЦГИА фонд Пилтенской ландратской коллегии (ф. 644) за 1792—1818 г. слабо отражает административно-судебную деятельность коллегии в заключительный период существования Пилтенского округа. Возможно, что это был лишь текущий архив, так как в донесении Курляндскому губернскому правлению от 31 марта 1821 г. Айзпутский обер-гауптманский суд пишет, что от бывшей пилтенской ландратской коллегии получен архив текущих дел без всяких реестров, докладные же реестры посланы Курляндскому оберпрофрегирхту (ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 9098).
- ²¹ *Adamovičs L.* Latvju baznīcas vēsture. — LKV. R., 1934—1935, 11. sēj., 21533. sl.
- ²² *Arbuzovs L.* Rīgas bīskapija un virsbīskapija. — LKV. R., 1938—1939, 18. sēj., 35859 sl.; *Bruiningk H.* — SBGGA 1909. R., 1910, S. 35.
- ²³ *Brežgo B.* Latgolas klūsteru arhīvi. — Latgolas pagotne. Daugavpils, 1943, I, 96. lpp. Резиденции иезуитов были в Илуксте с 1621, в Елгаве — с 1672 и в Скайсткальне — с 1691 г.; все три резиденции упразднены в 1775 г. — Latvijas vēstures avoti Jezuitu ordeņa arhīvos. R., 1940. I d., 2. 489. lpp.
- ²⁴ *Baznīcas banku lomā.* — LKV. R., 1938—1939, 11. sēj., 21925.—21928. sl.
- ²⁵ *Bruiningk H.* Inventar- und Rechnungsbuch der St. Jacobi Kirche zu Riga. — SBGGA, 1891. R., 1892, S. 88—91.
- ²⁶ *Arbusow L.* Bruchstücke eines Kopialbuches des Rigaschen Dominikanerklosters. — SBGGA 1910. R., 1911, S. 127—135.
- ²⁷ *Berkholz G.* SBGGA 1877—1881. R., 1884, S. 163—165; *Höhlbaum K.* Annales Rigenses 1211—1348. — R., 1883; *Höhlbaum K.* Annales Ronnenburgenses 1211—1348. — R., 1883; *Дорошенко В. В.* Мыза и рынок: Хозяйство рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв. — Р., 1973. 186 с.
- ²⁸ *Kleeberg L.* Die polnische Gegenreformation in Livland. Leipzig, 1931, S. 35, 37; Latvijas vēstures avoti Jezuitu ordeņa arhīvos. I d. — R., 1940, XIV lpp.;

- II d. R., 1941, VIII, IX—XXI, 283., 284. lpp.; *Kurtz E.* Die Jahresberichte der Gesellschaft Jesu über ihre Wirksamkeit in Riga und Dorpat 1583—1614. R., 1925, S. 253; *Fehre E.* Livonica im Archiv des Jesuitenordens in Rom. — SBGGA 1914. R., 1914—1921, S. 26—31; *Bruiningk H.* Die Nachwirkungen der Gegenreformation in Livland. — SBGGA 1914, S. 86—94; *Heine W.* Miszellen sur Geschichte des Jesuitenordens in Livland. — SBGGA 1914, S. 94—116; *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1862, № 2054, S. 168.
- ²⁹ *Minzloff R.* Verzeichniss einiger Urkunden, die im Departament der ausländischen Confessionen beim Ministerium des Innern aufbewahrt werden, nebst dem Wortlaut von elf derselben aus den Jahren 1487—1623. — MLG. R., 1857, Bd. 8, S. 431—462; *Minzloff R.* Das Diplomatarium Rigense des Jesuiten-Collegium zu Polozk. — MLG. R., 1861, Bd. 10, S. 129—139, 199—211; *Berkholz G.* Corpus der Privilegien und Besitzurkunden des Rigaschen Jesuiten-Collegiums. — SBGGA 1877—1881. R., 1884, S. 163—165.

Архивы Риги и других городов Лифляндии и Курляндии

- ¹ *Hildebrand H.* Geschichte des Erwerbs der Stadtgüter. — В.; Bericht über den Haushalt und die Verwaltung der Stadt Riga für 1880. R., 1883, I, S. 488—492.
- ² История Латвийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 115, 125, 131, 133.
- ³ Там же, с. 186—189.
- ⁴ На этой печати в отличие от первой городской (декабрь 1225 г.) имелись новые детали, например, львиная голова, открытая решетка в воротах и др. *Rahden A.* — JGHS, 1905—1906. Mitau, 1908, S. 274—280.
- ⁵ *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs. — Grām.: Rīgas kā Latvijas galvaspilsēta. R., 1932, 678.—681. lpp.; *Зукус Я.* Очерки..., ч. 1, с. 23, 41.
- ⁶ *Schmidt G.* Das Eindringen der Hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei. — В.: Mitteilungen aus der Baltischen Geschichte. R., 1938, Bd. I, H. 1., S. 8—14, 21—25.
- ⁷ *Ramm-Helmsing H.* David Hilchen 1561—1610: Syndikus der Stadt Riga. — Deutsche wissenschaftliche Zeitschrift für Polen. (Posen), 1936, H. 31, S. 42.
- ⁸ *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs, 681. lpp.
- ⁹ *Енш Г. А.* «Polonica» в Рижском городском государственном архиве. — В кн.: Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1950, т. II, с. 313, 316, 317.
- ¹⁰ Первая рижская ратуша до 1334 г. находилась на ул. Тиргонию у угла ул. Розена и Зиргу, вторая — по ул. Б. Яунавас, где в середине XVIII в. была выстроена и третья ратуша, сгоревшая в 1941 г. *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs, 679. lpp.
- ¹¹ ЦГИА, ф. А-2, оп. 1, д. 460. *Buchholtz A.* Das älteste Kanzleibuch des Rigaschen Rahts. — SBGGA 1887. R., 1888, S. 1—16.
- ¹² *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs, 678.—679. lpp.
- ¹³ ЦГИА, ф. А-1, оп. 1, д. 59 [Stadtbücher und Handschriften], „Register der Privilegien der Stadt Riga auf Befehl des Rahts im J. 1507 angefertigt“.
- ¹⁴ ЦГИА, ф. А-2, оп. 4, capsula 19., № 258, S. 1—6, „Nachrichten, was für alte Documenta inn Reussischen Sachen, die Kaufhandlung betr.: vorhanden, und wie die dieselbe Handlung von Jahren zu Jahren bis uff dato gawehret“. При договоре 1229 г. значится, что он написан по-латыни с двумя немецкими копиями (опись на пяти несшитых страницах).
- ¹⁵ ЦГИА, ф. А-2 (старые описи) „Registratur der Moscovitischen Handlungen (NB. die in dieser Registratur aufgenommenen Schriften liegen alle in Caps. M III-tio“)

- ¹⁶ *Feuereizens A.* Rigas pilsētas vēsturiskais arhīvs, 683. lpp.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. А-2, оп. 4 (старые описи) „Registratur der Dünamündschen Handlungen (1536—1613), Registratur der Vorbürgischen Sachen und Handlungen (1563—1642), Registratur der Neuermmülschen Sachen und Handlungen (1583—1638), Registratur der Lemsalschen Sachen (1646), Registratur der Land Tage und Landschafts-Sachen (1583—1619), Instructiones der Stadt auf die Landtage und Commissionen (1587—1646), Liefländische Städte (1542—1599), Landschaft und Städte (1597—1665)“.
- ¹⁸ *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten von Lief- und Ehtland. R., 1774, I, S. 233.
- ¹⁹ ЦГИА, ф. 795, 651, 646. В статье «Заметки об источниках «Ваннема Йманта» Гарлиба Меркела» (ИАН, 1972, № 10, с. 120, прим. 12). А. Я. Янсон пишет, что по архивным данным в домах дворян и рижских горожан хранились разного рода рукописи, которые впоследствии погибли. Такие сведения имеются в фонде Рижского фогтейского суда за XVII и XVIII века. Например, в инвентарной описи имущества Николая Якова Буша от 12 августа 1772 г. упоминается рукопись истории города Риги, и в том же году перечисляются несколько рукописей в библиотеке умершего Эрига Иоганна Мека (ЦГИА, ф. А-6, оп. 1, д. 943, л. 162).

Архивы гильдий, цехов и корпораций

- ¹ *Stieda W., Mettig C.* Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. R., 1896, S. 88—92, 94.
- ² *Mettig C.* Das Archiv der Schwarzen Häupter in Riga. — AIBH. R., 1909, S. 305—309; *Spliet H.* Geschichte des rigischen Neuen Hauses ... des heutigen Schwarzhäupterhauses zu Riga. R., 1934, S. IX.
- ³ *Mettig C.* Das Archiv der Schwarzen Häupter in Riga, S. 310—314; *Spliet H.* Geschichte des rigischen Neuen Hauses ... , S. X—XIII.
- ⁴ ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 153. „Verzeichnis des Archivs der ehem. Schwarzhäuptercompagnie zu Riga, soweit es durch Beschluss des Paritätischen Ausschusses vom 4 Juni 1940 zur Ausfuhr nach Deutschland freigegeben worden ist“ ф. 4922, д. 154, л. 165; д. 151, л. 167.
- ⁵ *Sonntag K.* Jahrzahlen aus der Geschichte von Riga. Riga, 1810, A. 8. См. ЦГИА, ф. 223 — Рижская Большая гильдия, № 86, л. 5, 2-й столбец: «Anno 1532 ist Karsten Slotmacker in der ile sein haus und alles affgebrandt, das er nictes heft reddden konth in eyner nacht und hedde die gildstaven buecker alle by sich und sindt also alle der oldengildestaven buecker un provyleyen verbrandt u(th) benommen der schragen“.
- ⁶ Архив липайской Большой гильдии сохранился в основном с 1686 г. (см. ЦГИА, ф. 643). Согласно протоколу от 10 июля 1940 г., немцам для вывоза были выданы 3 тома документации рижской Большой и 35 томов Малой гильдий (ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 151, л. 192).
- ⁷ ЦГИА, ф. 223, оп. 1, д. 15, 25, 245; ф. 224.
- ⁸ ЦГИА, ф. 5057, 5041; см. также в фондах бывшего Рижского городского архива.
- ⁹ *Ābolīņš J.* Cēsu amatnieku vecākās organizācijas Mazās Gildes vēsture (рукопись), 15. lpp. — Cēsu novadpētniecības muzejs, inv. № 6608.
- ¹⁰ *Берзиня А. Я.* Положение учеников и подмастерьев в рижском цеховом ремесле (Автореф. канд. дисс. Р., 1958, с. 8—10).
- ¹¹ О сдаче архивного ларца (§ 4) и выборе казначея и писаря (§ 11) см. «Erneueter Schragen des Rigaschen Leineweberamtes. 1625 Febr. 18.“ — Ar-

- busow L.* Zwei lettische Handschriften aus dem XVI und XVII Jahrhundert (1532 ff. 1625). — Latv. Augstskolas Raksti. R., 1922, 2, 32.—33. lpp.
- ¹² *Arbusow L.* Kirchliches Leben der Rigaer Losträger im 15. Jahrhundert. — Latv. Univ. Raksti. R., 1923, 6, 186. lpp.
- ¹³ *Arbusow L.* Zwei lettische Handschriften, 19. lpp.
- Arbusow L.* Studien zur Geschichte der lettischen Bevölkerung Rigas im Mittelalter und 16. Jahrhundert. — Latv. Augstskolas Raksti. R., 1921, 1, 94.—95. lpp.
- ¹⁴ *Mettig C.* Ueber lettische Druckwerke des Nicolaus Mollyn . . . — SBGGA, 1900. R., 1901, S. 80.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 7363, оп. 1, д. 372.
- ¹⁶ SBGGA, 1877—1881. R., 1884, S. 79.
- ¹⁷ *Mettig C.* Ueber ein Notizbuch des Rigaschen Maueramts. SBGGA, 1888. R., 1889, S. 4—7.
- ¹⁸ SBGGA, 1905. R., 1906, S. 4—5.
- ¹⁹ *Mettig C.* Die ältesten Bücher der Losträgergilde in Riga. SBGGA, 1900. R., 1901, S. 120—135, 167.
- ²⁰ *Mettig C.* Schriftstücke aus der Amtslade der Goldschmiede zu Bauske. SBGGA, 1897. R., 1898, S. 8—9.

Мызные архивы

- ¹ *Zeids T.* Feodālisms Livonijā. R., 1951, 89.—90. lpp.; *Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Р., 1960, с. 33, 315, 316, 318; *Svābe A.* Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553.—1618. g. R., 1941, VI lpp.
- ² *Дорошенко В. В.* Акты Литовской метрики как источники по истории Латвии. — ИАН, 1957, № 12, с. 63.
- ³ *Bruiningk H.* Bericht des Sekretärs für historisches Quellenstudien . . . R., 1906, S. 22—23: „Gruppe A: Rechts oder Besitztittel-Revisionen“; *Hupel A. W.* Die gegenwärtige Verfassung der Rigischen und Revalschen Statthatterschaft. R., 1789, S. 67, 68. А. Гупель пишет о печальном состоянии мызной документации (Brieflade): вследствие войн, пожаров, небрежности владельцев и по другим причинам большое количество документов было потеряно.
- ⁴ *Зулис Я.* Очерки по историографии Латвии. Р., 1949, ч. 1, с. 27—28, 34—35.
- ⁵ Des Bannenherrn Heinrich von Tiesenhausen des Aelteren von Berson ausgewählte Schriften und Aufzeichnungen (S. 1.), 1890, S. V, XXI, XXIII, 3, 132; *Svābe A.* Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553.—1618. g. R., 1941, 1.—193. lpp. Эта документация находилась в библиотеке Пшездзешких в Варшаве, во время бомбардировки города в сентябре 1939 г. архив был почти полностью уничтожен. См. *Wdowiszewski Z.* Straty archiwalne Biblioteki Przezdzieckich w Warszawie. — Straty archiwów i bibliotek warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych (1939—1944). Warszawa, 1957, t. 1, str. 375—382.
- ⁶ *Svābe A.* Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553.—1618. g., V—VI lpp.
- ⁷ По Бруйнингу Г. термин „Brieflade“ означает преимущественно собрание древних мызных документов, второе его значение — ларец или ящик для документов. (*Bruiningk H.* Bericht . . . für den Landtag 1906, S. 2).
- ⁸ ЦГИА, ф. А-2, оп. 1, д. 1469. Свой ларец с мызной документацией Генрих Унгерн сдал на хранение рижскому купцу Каспару Шульцу в 1600 году, далее Сигизмунд III приказал в 1604 г. выдать ларец Рейнгольду Унгерну. JGHS 1909 und 1910. Mitau. 1913, S. 145, 148, 149.

- ⁹ *Bruiningk H.* LGU. R., 1924, Bd. 2, № 639, 650, 730, 837, 886, 930, 1031, 1032, 1149; *Svåbe A.* Vidzemes tiesību vēstures avoti 1336.—1551. g. R., 1941, № 204, 244, 265, 279; ЦГИА, ф. 5561, оп. 1, д. 319 — грамота Отто Иксюля о получении от Юргена Унгерна деревянного ящика с наследственными письмами и документами.
- ¹⁰ *Bruiningk H. und Busch N.* — LGU. R., 1908, Bd. 1, S. XX—XXII.
- ¹¹ *Bruiningk H.* Bericht des Direktors des alten Archivs der Livländischen Ritterschaft. Für den Livländischen Landtag von 1911 als Manuskript zum Druck verfügt (Riga, 1911), S. 2; *Bruiningk H.* Die Arbeiten für die Herausgabe der Livländischen Güterurkunden (aus den Jahren 1501 bis 1561). Riga, 1915, S. 22, 25.
- ¹² *Дорошенко В. В.* Акты Литовской метрики..., с. 70, прим. 49.
- ¹³ *Bruiningk H.* — LGU. R., 1923, Bd. II (1501—1545). LGU, Bd. III; — ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 11—19.
- ¹⁴ ЦГИА, ф. 5561.
- ¹⁵ Там же, ф. 6999, оп. 12.
- ¹⁶ Там же, ф. 2344, 2908, 764.
- ¹⁷ *Stavenhagen O.* Das kurländische Landesarchiv..., S. 289, 296—297. Потомки этого Брюнгена обращались с рукописным наследием с преступной небрежностью, как это описывает один из Брюнгенов в своей родословной. Так, Клара Брюнген уничтожила часть старой ценной переписки, а ее сын при перестройке господского дома в 1848 г. переместил весь архив в сарай, где он в течение многих лет разрушался под действием сырости и грызунов. В перестроенный дом была возвращена лишь часть архива, другая часть продана как макулатура. По словам батрака-очевидца, в большие пурные мешки забрасывали лопатами «кожаные письма с висячими картофелями» (пергаменты с висячими печатями в капсулах) и на санях отправляли в город Талсы. В продуктовой лавке этого города уже в XX в. были обнаружены 20 писем курляндского герцога Карла, а в клети имения Стенде учитель нашел в 1900 г. документы XVII—XIX вв. Beiträge zu einer Geschichte des Geschlechts derer von der Brügggen. Gesammelt von Ernst von der Brügggen. Klein-Stenden 1936. — (ЦГИА, ф. 640, оп. 2, д. 255, л. 3, 27—29). В 1924 г. купец А. Эрикссон предложил Обществу истории и древностей в Риге 3 пергаментные грамоты из мызного архива имения Априки за 20 000 латв. рублей. (ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 2, № 13).
- ¹⁸ *Brežgo B.* Latgales muižnieku arhīvi. — Bibliotekārs, 1938, № 2/3, 23.—27. lpp.; № 4, 51.—55. lpp.; 1939, № 1., 7., 8. lpp.; *Brežgo B.* Latgolas pagotne, 83.—95. lpp.; — «Lamus», «Skarbcowe skrzynie», «Skarbiec». — *Gloger Z.* Encyklopedja staro-polska ilustrowana. Warszawa, 1902, t. 3, str. 133—134; 1903, t. 4, str. 237—242.
- ¹⁹ *Kamieniecki W.* Straty Biblioteki Ordynacji Krasieńskich. — Straty archiwów i bibliotek warszawskich... Warszawa, 1955, t. 3, str. 146—160; *Zbiory Jozefa Weyssenhoffa; Wolff A.* Zniszczone dokumenty Biblioteki Ordynacji Krasieńskich. — Там же, str. 187, 237, 238, 249, 252, 271; Nr. 42, 51, 418—423, 425—426, 507, 510, 512, 535, 679 (документы Ливонии 1391—1769 гг.).
- ²⁰ *Brežgo B.* Latgolas pagotne..., 1, 95. lpp.
- ²¹ ЦГИА, ф. 4638.
- ²² *Bańkowski P.* Polskie archiwa magnackie w Centralnym Państwowym Archiwum Historycznym w Kijowie. — Archeion (Warszawa), 1964, str. 169: «Archiwum Broel-Platerów z Dąbrowicy na Polesium». Указывает на архивы Плятеров из Антузова в Каунасской губ., в Варшаве и Плятеров из Бялачева — в Кельцах (str. 170); — *Brežgo B.* Latgolas pagotne..., 1, 93. lpp.
- ²³ ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 2, № 29.
- ²⁴ Там же, ф. 2598; *Brežgo B.* Latgolas pagotne..., 1, 85., 173. lpp.

Архивы Задвинского герцогства (1561—1629 гг.) и Латгалии (1629—1772 гг.)

- ¹ *Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Р., 1960, с. 58, 60.
- ² *Kuntze E.* Organizacja Inflant w czasach polskich. — Polska a Inflanty. Gdynia, 1939, str. 12, 37, 39; Stanisław Pękostawski. — LKV. R., 1937—1938, 16. sejt., 31515.—31516. sl. Лев Сапега (1557—1633 гг.) в 1587—1623 гг. занимал должность канцлера великого княжества Литовского. — ЦГИА, ф. 214, оп.2, д. 73, л. 40.
- ³ История Латвийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 176.
- ⁴ ЦГИА, ф. 554, оп. 1, д. 40; Recke J. F. Napiersky K. E. ... Mitau, 1829, Bd. 2, S. 257.
- ⁵ *Любавский М.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901, с. 288—300 (Литовская метрика), 322—327 (скарб); *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941, с. 138, 139, 147, 148. Сохранившиеся в ЦГИА книги исходящей корреспонденции шведских генерал-губернаторов и рижского магистрата XVII в. под названием „Mis siva“ соответствуют „Korialbücher“ на Западе.
- ⁶ ЦГАДА, ф. 389; *Пташницкий С. Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887, книга записей № 75, 79—82 и др.; книга публичных дел № 3; книга переписей № 3, 17—20, 23, 28, 31, 58. Акты из книги записей подробно рассмотрел В. В. Дорошенко. Акты Литовской метрики как источники по истории Латвии. — ИАН, 1957, № 12, с. 61—72.
- ⁷ *Kuntze E.* Organizacja inflant . . . , str. 39; *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, с. 177—178.
- ⁸ *Дорошенко В. В.* Акты Литовской метрики . . . , с. 62, прим. 9.
- ⁹ *Brežgo V.* Latgolas pagōtne . . . , 134., 135., 151., 152., 154., 155., 159. lpp.
- ¹⁰ Там же, с. 161.
- ¹¹ Собрание ливонских рукописей Яна-Иеронима Ходкевича (по предположению Н. Буша) его сын Александр сдал в основанный им в 1619 г. монастырь в Шклове. *Busch N.* Zu den von H. Baron Bruiningk vorgelegten Livländischen Urkunden. — SBGGA, 1897. R., 1898, S. 162—164. Радзивиллы и Замоиские получили королевские привилегии на хранение государственных документов в своих родовых архивах, по обычаю эпохи этой привилегией пользовались также Ходкевич, Сапеги и другие представители магнатских родов. *Ramm-Helmsing H.* Livonica in polnischen Archiven. — Rigasche Rundschau, 1934, № 12.
- ¹² *Kamieniecki W.* Straty Biblioteki Ordynacji Krasieńskich w zakresie zbiorów rękopismiennych. — Straty archiwów i bibliotek warszawskich w zakresie źródeł historycznych (1939—1944). Warszawa, 1955, t. 3, str. 146, 147, 157, 160; *Horodyski B.* Straty działu rękopisów biblioteki Ordynacji Zamojskiej w latach 1939—1944. — Там же, с. 320, 325, 326, 330, 331. *Wdowiszewski Z.* Straty archiwalne Biblioteki Przezdzieckich w Warszawie. Там же, с. 375—383. Здесь хранился и родовой архив ливонских феодалов Тизенгаузенов. *Bańkowski P.* — Archeion, 1954, t. 22, str. 239.
- ¹³ *Ramm-Helmsing H.* Das Livlandproblem in der politischen Korrespondenz Polens im 16. und 17. Jahrhundert. — SBGGA 1934. R., 1936, S. 105, 120, Anm. 62.
- ¹⁴ *Brežgo V.* Latvijas vēstures materiāli Varšavas, Kurnikas, Krakovas, Ļvovas un Viļņas arhīvos un bibliotēkos. — Latgolas pagōtne, 132.—178. lpp.
- ¹⁵ *Kuntze E.* Organizacja Inflant . . . , str. 42—44; *Гольдштейн С. М.* Польско-литовские древности. СПб., 1913, с. 37, 38; Суды Ассессорские вели регистр

дел лифляндских или инфлянтский, обнимавший все дела апелляционные, касающиеся этой области, а после отпадения от Польши этой области регистр этот прекратился.

- ¹⁶ История Латвийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 242, 243, 258—260.
- ¹⁷ *Brežgo V. Vaci arhivi. — Latgolas pagotne . . .*, 61.—62. lpp.; *Гольдштейн С. М.* Польско-литовские древности . . ., с. 166.
- ¹⁸ *Созонов А.* Общая опись актовых книг судебных мест Витебской губернии, хранящихся в Центральном архиве древних актовых книг губерний: Витебской и Могилевской. Витебск, 1871, л. 3; Историко-юридические материалы, Витебск, 1893, т. 25. В суммарной описи Р. Меницкого значилось 88 книг гродского и земского судов княжества Инфлянтского. — *Mienicki R. Archiwum Akt Dawnych w Witebsku.* Warszawa, 1939, str. 51.
- ¹⁹ ЦГИА, ф. 712, оп. 1, д. 57—130, 347, 348, 359—361.

Архивы Лифляндской губернии в шведский период (1629—1710 гг.)

- ¹ *Liljedahl R. Svensk förvaltning i Livland 1617—1634.* Uppsala, 1933, s. 490.
- ² ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 28, 29. Инструкция Густава II Адольфа рижскому губернатору Ясперу Круусу (18. XI. 1621 г.), инструкции генерал-губернаторам Эрику Рюнингу, Габриэлю и Бенгту Уксеншерна (1644, 1645, 1662 гг.), секретная инструкция и мемориал Класу Тоту (1666 г.) и др.
- ³ Ему принадлежала также власть над школами, рижским «*Collegium scholarum*» и рижской консисторией.
- ⁴ *Lilj O. Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII Jahrhunderts.* Tartu, 1935, S. 5, 6.
- ⁵ Якоб-Иоганн Гастфер занимал должность лифляндского генерал-губернатора почти 10 лет (1686—1695 гг.), но из них он находился в Лифляндии лишь около трех лет. Во время отсутствия его замещал губернатор Эрик Сооп (1686—1700 гг.), который получил 7 мая 1689 г. подробную инструкцию-мемориал для руководства (ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 29). Для камерира генерал-губернаторства 26 мая 1690 г. была издана особая королевская инструкция (ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 30), а для экономического наместника: *Königlich-schwedische Oekonomie-Statthalter-Instruktion für Liefeland vom 21sten August 1691; — Buddenbrock G. J. Sammlung der Gesetze, welche das heutige Landrecht enthalten.* R., 1821, Bd. II, Abt. I, S. 1223—1243.
- ⁶ ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 11. Годовое жалованье генерал-губернатора в 1699 г. — 12 000 талеров, губернатора — 2000, обер-камерира — 900, секретарей и камерира — по 750, русского переводчика и фискала — по 450, архивариуса или регистратора — 350, 4 писарей — по 300, 4 переписчиков (копиистов) — по 150 и 2 канцелярских служителей — по 75.
- ⁷ В 1632 г. русским переводчиком в канцелярии генерал-губернатора работал Онуфрий Кири (*Liljedahl R. Svensk Förvaltning . . .*, s. 491). В 1655 г. Карл X велел генерал-губернатору Магнусу Габриэлю Делагарди писать ему регулярно о всех событиях в соседних государствах и не экономить деньги на получение о них исчерпывающих сведений (ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 154, л. 37 об.).
- ⁸ Обер-камерир, непосредственно подчиненный генерал-губернатору, должен был заботиться о своевременном взимании стационарной подати с крестьян и сдаче ее шведским гарнизонам на местах, а также о взыскании арендной платы с государственных имений. И после 1691 г. приходо-расходные функции казначейства остались за камерирами, экономические наместники дол-

- жны были лишь следить за своевременной уплатой арендных денег и подачей натурой с государственных имений (ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 30, § 30).
- ⁹ Недостатки в ведении регистратуры Шютте описал в „Gravamina und defecten so bei dem rigischen Gouvernement befunden“ (1631 г.). — ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 27, л. 82, 157, 162.
- ¹⁰ *Buchholtz A.* Beiträge zur Lebensgeschichte Johann Reinhold Patkuls. R., 1893, S. 121. В 1689—1710 гг. большая часть «мисивов» написана рукой Зеребаде.
- ¹¹ *Bergh S.* Svenska Riksarkivet 1618—1837. — Stockholm, 1916.
- ¹² ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 28; *Buddenbrock G. J.* Sammlung der Gesetze . . . , Bd. II, Abt. I, S. 202—204, § 26—30.
- ¹³ В 1687—1690 гг. архивариусом был Густав Бергенгрэн, в 1690—1699 г. — Симон Лилиегрен (Lilliegren) — (*Liv O.* Über die Archive und ihre Benutzung in Estland zur schwedischen Zeit. — SBGEG 1929. Tartu, 1931, S. 142).
- ¹⁴ Все книги копий исходящих писем генерал-губернаторской канцелярии (Мисив) старательно переписаны набело, снабжены реестрами, переплетены.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 32 „Provinzial Resolutiones, Recessus et Acta Provincialia ab 1630 bis 54“.
- ¹⁶ *Perandi A.* Die Aufgaben und Funktionen der estländischen Generalgouvernementsregierung während der schwedischen Zeit. — Acta Archivi Centralis Estoniae. Tartu, 1935, № 3, S. 95—97; Königlich-schwedische Oekonomie-Statthalter Instruction für Liefland 1691; J. K. M. Reglement . . . 1696; *Buddenbrock G. J.* Sammlung der Gesetze . . . , Bd. II, Abt. I, S. 1204—1243; ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 30.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. 7400.
- ¹⁸ ЦГИА, ф. 7404.
- ¹⁹ ЦГИА, ф. 7348. См. подробнее: *Енш Г. А.* Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1958, вып. 3, с. 240—242.
- ²⁰ Vertheilung der Creyse in Liefland. — Lief. Landesordnungen. R., 1707, S. 569—570.
- ²¹ Ordinantz, so Anno 1632 den 1. Februar publiciert, wornach die Hn.Hn.Land-Richter sich zu halten. — Liefländische Landes-Ordnungen. — R., 1707. Notarius oder Garichtschreiber, S. 55, § 3. В ЦГИА сохранились фрагменты архивов ландгерихтов: Рижского — 67 ед. хр. (1630—1710 гг.), ф. 7408; Цесисского — 52 ед. хр. (1634—1696 гг.), ф. 7409; Кокнесского — 7 ед. хр. (с 1631 г.), ф. 7410. См. также *Bienemann jun. F.* Zur Geschichte der Schlossgerichte in Livland. — SBGGA 1900. R., 1901, S. 17—36.
- ²² ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 34.
- ²³ „Canzeleiordnung, wie es in der königl. schlosscanzelei zur Riga soll gehalten werden. (Actum) 14. März 1631“ *Bienemann F.* Zur Geschichte . . . , S. 31—32.
- ²⁴ В Шведском государственном архиве находились два тома протоколов замковых судов за 1635 и 1636 г. *Bienemann F.* Zur Geschichte . . . , S. 36.
- ²⁵ Instruction wornach der Creysz-Vogt bey seinem anvertrauten Dienste und Ampte sich zu richten hat. Gegeben auff dem Schlosse zu Riga den 29. Octobr. Ao. 1695. — Lief. Landesordnungen. R., 1707, S. 75, 80; §§ 7, 14.
- ²⁶ 30 апреля 1710 г. полковник Карл Густав Клодт фон Юргенсбург в числе других рукописей возвратил архиву ливляндского дворянства также три книги протоколов Рижского (1683—1687 гг.), Цесисского (1680—1681 гг.) и Пярнуского (1686 г.) орднунсгерихтов (ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 1, л. 10 об.). Эти протоколы не сохранились.
- ²⁷ ЦГИА, ф. 7400, оп. 1, д. 27, л. 400; ф. 7349, оп. 1, д. 53, л. 2258, д. 72, л. 194—196.

- ²⁸ *Buddenbrock G. J.* Sammlung der Gesetze . . . , Bd. 2, Abt. 1, S. 27—37; „Königliche Hofgerichts-Ordnung für Livland. 1630“; § 12-Von des Hofgerichts Secretarien, Notarien und Kanzelei-Beamten; Resolution 26. IX 1638 — S. 169; § 6.
- ²⁹ ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 56, л. 291 и об.
- ³⁰ *Schirren C.* Verzeichniss, livländischer Geschichts-Quellen . . . , № 2010, S. 157. На основании Ништадтского мирного договора 1721 г. эти документальные материалы были в 1726 г. возвращены России.
- ³¹ *Buddenbrock G. J.* Sammlung der Gesetze . . . Bd. 2, Abt. 1, S. 235, 236, 725, 726.
- ³² *Bruiningk H.* Das livländische Ritterschaftsarchiv zu Riga . . . , S. 276.
- ³³ ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 295, л. 22—27; *Bergengrün A.* Zur Geschichte des Originals des Privilegiums Sigismundi Augusti. — SBGGA 1892. R., 1893, S. 21—31.
- ³⁴ *Bruiningk H.* Das livländische Ritterschaftsarchiv zu Riga . . . , S. 274—276.
- ³⁵ ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117. S. 558. Real-Register („Ritterschafts-Archiv“).
- ³⁶ ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 168.
- ³⁷ *Buchholtz A.* Beiträge zur Lebensgeschichte Johann Reinhold Patkuls. — R., 1893. Bd. VIII, S. 255; *Loone N.* The archives of the Livonian nobility and Johann Reinhold Patkul, from 1694 to 1695. — Acta Archivi Centralis Estoniae. Tartu, 1937, № 5, p. 138—153. 9 октября 1695 г. дворянство просило передать королю: „Die Ritterlade sei bald unter einer frembden Herrschaft, bald dieses Orthes in den geringsten Häusern herumgeführt worden und theils hier, theils dort unsicher verwahret worden, so dass sie den Verlust der meisten Documenta zu beklagen hatten. Um so mehr danken sie dem König für die Wiederbeschaffung der Ritterlade“ (ЦГИА, ф. 7349, оп. 2, д. 38).
- ³⁸ ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 1, № 145.
- ³⁹ ЦГИА, ф. А-1 (Stadtbücher und Handschriften Verzeichniss), № 41: Liber privilegiorum et documentorum civitatis Rigensis ab incunabulis urbis usque ad a. 1621, quorum originalis archivo secretiori civitatis hujus invenientur. В 1654 г. И. Витте стал королевским историографом в Лифляндии с годичным жалованием в 300 талеров. Эрик Уксеншерн передал ему свои рукописи. Витте не только исследовал Рижский городской архив, но собирал также документы в самой Швеции и за границей (*Liiv O.* Über die Archive und deren Benutzung . . . , S. 150).
- ⁴⁰ *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs . . . , 683.—685. lpp.
- ⁴¹ ЦГИА, ф. А-3, оп. 6, д. 463, лл. 168—169.
- ⁴² *Buchholtz A.* Schicksale des Stadtarchivs. — Rigasche Stadtblätter, 1887, № 12, S. 89—92.
- ⁴³ ЦГИА, ф. А-2.
- ⁴⁴ Там же, ф. А-3 (за 1603 г. — один том).
- ⁴⁵ Там же, ф. А-7.
- ⁴⁶ Там же, ф. А-9.
- ⁴⁷ Там же, ф. А-6.
- ⁴⁸ Там же, ф. А-8.
- ⁴⁹ Там же, ф. А-10.
- ⁵⁰ Там же, ф. А-17.
- ⁵¹ Там же, ф. А-59.
- ⁵² Там же, ф. А-18.
- ⁵³ Там же, ф. А-19.
- ⁵⁴ *Adamovičs L.* Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks 1710.—1740. R., 1933, 3.—6. lpp.
- ⁵⁵ ЦГИА, ф. 233 (1651—1702 гг.). Хотя в 1826 г. часть документации ливляндской обер-консистерии была возвращена из Швеции (в том числе про-

- токолы начиная с 1633 г.), все же еще много дел и переписки осталось в Шведском государственном архиве, в том числе документация за 1691—1700 гг. *Feuereisen A.* Ein Notstand . . . , S. 268.
- ⁵⁶ ЦГИА, ф. 234 (1641—1847 гг.) — На визитационных протоколах Лифляндии и Курляндии (ф. 629, 1570—1888 гг.) основывается исследование автора. — *Jenšs J.* Vidzemes un Kurzemes gada tirgi XVII gs. — IMM, 1934, Nr. 12. См. также: *Brežģis K.* Baznīcu vizitāciju protokoli. R., 1931. 136 lpp.
- ⁵⁷ См.: *Privilegia, zuerst von . . . der Königin Christina, nachgehends aber von dem . . . Herrn Carl dem Eilften . . . übersehen und aufs neue confirmiret, für die Bischöffe und sämtliche Priesterschaft in Schwenden und darunter gehörigen Landschaften.* Upsala, 1675; — *Liefländische Landes-Ordnung.* R., 1707. S. 283—314.
- ⁵⁸ *Adamovičs L.* Vidzemes baznīca . . . , 29.—32. lpp.
- ⁵⁹ *Ениш Г. А.* Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1958, вып. 3, с. 255.
- ⁶⁰ *Bruiningk H.* Die älteren Kirchenbücher Livlands. — SBGGA, 1897. Riga, 1898, S. 48, 51; *Stavenhagen O.* IGHS, 1905—1906, S. 290—291.
- ⁶¹ (Kirchen-Gesetz und Ordnung) so der . . . Hr. Carl /der Eilfte/ . . . im Jahre 1686 hat verfassung und im Jahre 1687 im Druck ausgehen und publiciren lassen. Riga /bey Georg Matth/. Nöllern, S. 89—91, § VIII.
- ⁶² ЦГИА, ф. 235. *Sloka L.* Vidzemes draudžu kronikas 1. d. — R., 1925, VIII, 335. lpp.; 2. d. — R., 1927, 200. lpp.; 3. d. — R., 1927, 231. lpp. (Valsts arhīva raksti, III, IV, V); *Sloka L.* Kurzemes draudžu hronikas, 1. d. — R., 1928, 239. lpp.; 2. d. — R., 1930, 336. lpp.; 3. d. — R., 1934, 329. lpp. (Valsts arhīva raksti, VII, IX, X).
- ⁶³ *Adamovičs L.* Vidzemes baznīca . . . , 24.—27. lpp. В ЦГИА сохранилась лишь документация Рижско-Валмиерского и Венден-Валкского главных церковных попечительств (ф. 238, 239).
- ⁶⁴ *Recke J. F. und Napiersky K. E.* Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1831, Bd. 3, S. 382—383.
- ⁶⁵ *Ениш Г. А.* Документы по истории Прибалтики . . . , с. 225—229.
- ⁶⁶ *Lüv O.* Über die Archive und deren Benutzung zur schwedischen Zeit. — SBGEG 1929. Tartu, 1931, S. 138—141; *Loone N.* The Archives of the Livonian nobility . . . , p. 152.

Архивы Курляндского герцогства (1561—1795 гг.)

- ¹ ЦГИА, ф. 7363, оп. 3, д. 19. *Eckert W.* Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus. R., 1927, S. 20, 23—25; *Juškevičs I.* Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē. R., 1931, 120.—127. lpp.
- ² *Juškevičs I.* Hercoga Jēkaba laikmets . . . , 141., 142. lpp.
- ³ *Stavenhagen O.* Das Kurländische Landesarchiv . . . , S. 290.
- ⁴ *Räder W.* Die Juristen Kurlands im 18. Jahrhundert. — Quellen und Forschungen zur baltischen Geschichte. Posen, 1942, H. 3, № 58, 120, 121, 129, 162, 193, 213, 243, 271, 277, 328.
- ⁵ ЦГИА, ф. 554, оп. 1, д. 13; «Index rerum et fasciculorum Archivi Curlandici de Anno 1696».
- ⁶ ЦГИА, ф. 5759, оп. 2, д. 41—43; — *Recke J. K.* Die kurländischen Archive.
- ⁷ ЦГИА, ф. 5759, оп. 2, д. 47-а, л. 69—70; *Mirbach O.* Briefe aus und nach Kurland. Mitau, 1846, T. 2, S. 75, 113, 123, 141, 142; *Juškevičs I.* Hercoga Jēkaba laikmets . . . , 554. lpp.
- ⁸ SBGGA, 1894. R., 1895, S. 41. f.; «Процессуальные акты советника гофрегистра Христиана-Вильгельма Лау по поводу задержанных в Мемеле и

Кенигсберге в 1701 г. курляндских архивов». — Герцогский архив в Митава. Митава, 1903, № 1248. Вывезенные гитлеровцами в 1944 г. в Опаву материалы этого процесса не были возвращены.

- ⁹ ЦГИА, ф. 554, оп. 1, д. 1717.
- ¹⁰ *Echert W.* Kurland unter dem Einfluss . . . , S. 48, Anm. 151. В 1714 г. герцогская библиотека была отправлена в Петербург и стала позднее ядром библиотеки Академии наук.
- ¹¹ ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 53, л. 1227, 1276, 1277; д. 73, л. 724—726, 735—737; оп. 2, д. 223, л. 24.
- ¹² Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Р., 1882, т. 4, № 70, с. 264; ЦГИА, ф. А-3, оп. 7, д. 13.
- ¹³ *Diederichs H.* Das herzogliche Archiv in Mitau. — SBKGLK 1896. Mitau, 1897, S. 39—40.
- ¹⁴ ЦГИА, ф. 4038, оп. 1, д. 1339, л. 11—12.
- ¹⁵ *Räder W.* Die Juristen Kurlands . . . , № 213, S. 71.
- ¹⁶ *Blése E.* Pārskats par studijām Prūsijas valsts arhīva Karalaučos 1929. g. varas komandējuma laikā. — LURF. R., 1929. 1, 2, 17.—64. lpp.; *Forstreuter K.* Das Preussische Staatsarchiv in Königsberg. Göttingen, 1955, S. 26, 102, 103.

Архивы Лифляндской губернии в первой половине XVIII в.

- ¹ *Зутис Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Р., 1946, с. 78—81; Указ 1719 г. с объявлением Рижской губернии состоящей из двух самостоятельных провинций — Лифляндской и Смоленской — практического значения не имел. Эти провинции не имели общей границы (между ними находились владения Польши), но лишь в 1775 г. была образована самостоятельная Смоленская губерния (ПСЗ, I, № 3380, 14400).
- ² *Зутис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 89.
- ³ ПСЗ, I собр., т. 44, ч. 2. Книга штатов. Отд.: 3-е и 4-е, № 5220, 1728, 2 янв. Штат Рижской губернии. *Feuereisen A.* Ein Notstand . . . , S. 259; *Зутис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 63, 177—179. Указами 1728 и 1732 гг. была определена деятельность обоих отделов канцелярии генерал-губернатора; эти указы служили руководством вплоть до реформ 1783 г. (ПСЗ, — I собр. — 1728, № 5220); *Aktenstücke und Urkunden der Stadt Riga*, 1732, Bd. 2, № 409. В ЦГИА сохранились лишь фрагменты архива рижского генерал-губернатора (ф. 2715), часть архива находится в ЦГИА ЭССР в Тарту — (*Herman M.* The archives of the Governor-General of Riga's office. — *Acta Archivi Centralis Estoniae. Tartu*, 1937, № 5, p. 167—180).
- ⁴ *Маяковский И. Л.* Очерки . . . , с. 166—169; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974, с. 36—38.
- ⁵ *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902, т. 2, с. 18—21; *Маяковский И. Л.* Очерки . . . , с. 173.
- ⁶ *Ениш Г. А.* Документы по истории Прибалтики . . . , с. 231.
- ⁷ ПСЗ, I собр., № 13127.
- ⁸ ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 154, 155. Эта образцовая опись с краткими выдержками из писем — собственно говоря, все, что сохранилось в ЦГИА от деятельности архивариусов в 1735—1786 гг. в архиве шведского периода.
- ⁹ ЦГИА, ф. 4038, оп. 1, ф. 86, № 26; *Feuereisen A.* Ein Notstand . . . , S. 260—264.
- ¹⁰ Каталог «Шведского архива» в Риге. Р., 1911, с. 1—3.

- ¹¹ *Loone N.* Die Geschichte des estländischen Generalgouverneursarchiv aus der schwedischen Zeit. — Acta Archivi Centralis Estoniae. Tartu, 1935, № 3, S. 151—153.
- ¹² В ЦГИА сохранились архивы ландгерихтов: рижского — с 1743 г. (ф. 110), цесисского — с 1741 г. (ф. 112); орднунггерихтов: цесисского — с 1785 г. (ф. 113), рижского — (ф. 111) и Валмиерского — (ф. 114) с 1805 г.; архивы городских магистратов: лимбажского — с 1757 г. (ф. 299), цесисского (ф. 200) и валмиерского — 1785 г. (ф. 221).
- ¹³ ЦГИА, ф. А-1, оп. 1 (Stadtbücher), А-60, „Repertorium Archivi Cancellariae Rigensis“.
- ¹⁴ Там же, д. 61-I и 61-II „Register ... zum Gebrauch des innern Archivs von Bürgermeister Melchior Wiedau, als vormaligen Archiv Secretario, verfertigt bey der Cancellay abgegeben“.
- ¹⁵ Blatt zur Chronik mit angezeigten Urkunden. An den Grafen von Falckenstein. Im Jahre 1780. Wird im Stadtsarchiv aufm Rathause aufbewahrt.
- ¹⁶ *Зутис Я.* Очерки по историографии Латвии, ч. 1, с. 110.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. А-1, оп. 1 (Stadtbücher), А-42 — «Diplomata Rigensia descripta a J. Chr. Brotze, Bd. 1, 1200—1300; Bd. 2, 1304—1399; Bd. 3, 1403—1479; Bd. 4, 1481—1667. Brotze скопировал и редкие ливонские документы из Прусского архива в Кенигсберге, дав также их переводы на немецкий язык (ЦГИА, ф. А-1, оп. 1, д. 46). См.: *Feuereizens A.* Rigas pilsētas vēsturiskais arhīvs ..., 687. lpp.
- ¹⁸ ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 409 (Landtags-Acta 1747). В доме дворянства находилась канцелярия и там был размещен архив. Полностью перестроенный в 1863 г., этот дом служил нуждам лифляндской дворянской корпорации вплоть до ее упразднения в 1920 г.
- ¹⁹ ЦГИА, ф. 214, оп. 2, д. 1.
- ²⁰ ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117, л. 560—564. — Real-Register „Ritterschafts-Archiv“.
- ²¹ ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117, л. 574, 576. Real-Register „Ritterschafts-Archiv“.
- ²² *Зутис Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Р., 1946, с. 491.
- ²³ ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117, л. 575. Real-Register „Ritterschafts-Archiv“.
- ²⁴ *Зутис Я.* Остзейский вопрос..., с. 648; *Stepermanis M.* Zemnieku nemieri Vidzemē 1750—1784. — R., 1956. 400 lpp.

Архивы Лифляндии, Курляндии и Латгалии во второй половине XVIII в.

- ¹ ПСЗ, I собр. № 14392; *Зутис Я.* Остзейский вопрос..., с. 391.
- ² ПСЗ, I собр., №№ 15606, 15736, 15775, 15776.
- ³ Там же, № 15881; Inhalt der in der rigischen Statthaltschaft emanirten gedruckten Patente von 1710 bis 1788. R., S. 122. В Прибалтике новые законы и распоряжения правительства вступали в силу лишь с момента публикации в немецком переводе в так называемых патентах, которые издавались генерал-губернатором или наместническим (губернским) правлением. По распоряжению от 7 февраля 1786 г. патент пересылался из имения в имения в пределах прихода (Patentpost), затем складывался в церковном приходском архиве (Kirchenlade).
- ⁴ Rigisches Adressbuch vom Jahre 1790, S. 4, 5.
- ⁵ *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960, с. 158—161.
- ⁶ *Jenšs J.* Kapitālistiskā manufaktūra Vidzemē ... R., 1951, 78. lpp.
- ⁷ *Ерошкин Н. П.* Очерки истории..., с. 162; Rigisches Adressbuch vom Jahre 1790, S. 6.

- ⁸ *Ерошкин Н. П.* Очерки истории . . . , с. 162—164.
- ⁹ ПСЗ, I собр., № 15780; *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 445.
- ¹⁰ ПСЗ, I собр., № 15133.
- ¹¹ ПСЗ, I собр., № 15780; *Rigisches Adressbuch vom Jahre 1790*, S. 4—5.
- ¹² Ordnung für die Kanzeleyen bey den Gerichts-Behörden in der Rigischen Statthalterschaft, 1789, 15 Oct., §. 9.
- ¹³ Патенты от 17 ноября 1783 г., 20 янв., 2 мая, 23 июля и 23 дек. 1784 г., 20 марта 1785 г.
- ¹⁴ Ordnung für die Kanzeleyen bey den Gerichts-Behörden . . . , §. 1—18.
- ¹⁵ Патент от 15 сент. 1786 г.
- ¹⁶ ПСЗ, I собр., № 15776; Inhalt der in der rigischen Statthalterschaft emanirten gedruckten Patente . . . , S. 122; *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 529.
- ¹⁷ *Hupel A. W.* Die gegenwärtige Verfassung der Rigaischen und der Revalschen Statthalterschaft. R., 1789, S. 227.
- ¹⁸ ЦГИА, ф. 7120, 7134, 6012, 7137, 6815, 7411.
- ¹⁹ ПСЗ, I собр., № 16187, 16188.
- ²⁰ Там же, № 15719.
- ²¹ Там же, № 16424; *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 584—585; *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit in Livland und Estland (1783—1796). Leipzig, 1886, S. 283—284.
- ²² ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117, л. 578. Real-Register „Ritterschafts-Archiv“.
- ²³ ПСЗ, I собр., № 16187, ст. 50, 51, 53.
- ²⁴ *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 592, 596—598.
- ²⁵ *Ерошкин Н. П.* Очерки истории . . . , с. 169—172; *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit . . . , S. 332, 336—337.
- ²⁶ *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit . . . , S. 252—253.
- ²⁷ ЦГИА, ф. А-218, А-217, А-4, А-477, А-478, А-479, А-482, А-219, А-220.
- ²⁸ *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit . . . , S. 455—456.
- ²⁹ ЦГИА, ф. 220, 221, 299.
- ³⁰ *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 558—559, 586.
- ³¹ *Bienemann F.* Die Statthalterschaftszeit . . . , S. 381—382.: „Die Glieder dieser Behörden, obwohl vom Adel gewählt und dem Adel angehörig, fühlten sich ganz als Kronsbeamten und schienen vom bureaukratischen Dünkel erfüllt, ihre Stellung zum Lande, die Rechte dieses und ihrer Corporation völlig vergessen zu haben“.
- ³² *Зулис Я.* Остзейский вопрос . . . , с. 558—559.
- ³³ История Латвийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 324.
- ³⁴ *Lehtonen U. L.* Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II in den Jahren 1772—1782. Berlin, 1907, S. 277, 293, 342, 351.
- ³⁵ ПСЗ, I собр., № 15133.
- ³⁶ История Латвийской ССР. Р., 1952, т. 1, с. 367, 368.
- ³⁷ ПСЗ, I собр., № 17319.
- ³⁸ ПСЗ, I собр., № 17439; ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 84, 85, 90, 92, 95, 98, 103, 104, 158, 237.
- ³⁹ ПСЗ, I собр., № 17439.
- ⁴⁰ Kanzeley-Ordnung, welche bey den Gerichtsbehörden in der kurländischen Statthalterschaft zu beobachten ist. — Mitau, 1796. — 30, [42] S.
- ⁴¹ ПСЗ, I собр., № 17634.
- ⁴² *Ерошкин Н. П.* Очерки истории . . . , с. 172—175.
- ⁴³ ПСЗ, I собр., № 17584, 17681, 17785; *Sonntag K. G.* Chronologisches Verzeichniss der Livländischen Gouvernements-Regierungs-Patente von 1710 bis 1822. R., 1823, № 2568.
- ⁴⁴ ПСЗ, I собр., № 17830, 19230; ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 678. Для Рижского и Цесисского уездов были основаны особые экономические управления для государственных имений. *Sonntag K. G.* Chronologisches Verzeichniss . . . ,

- № 2618; Курляндский приказ общественного призрения был восстановлен лишь 31 декабря 1815 г. (ПСЗ, I собр., № 26057).
- ⁴⁵ ПСЗ, I собр., № 17846; *Sonntag K. G. Chronologisches Verzeichniss . . .*, № 2586.
- ⁴⁶ ПСЗ, I собр., № 18278. В Лифляндии помещики платили в 1798 г. 6 рублей 40 копеек с каждого гака своего землевладения.
- ⁴⁷ *Sonntag K. G. Chronologisches Verzeichniss . . .*, № 2601, 2602; *Biennemann F. Die Statthalterchaftszeit . . .*, S. 454—456, 459, 465.
- ⁴⁸ ПСЗ, I собр., № 17846, 18269.
- ⁴⁹ ЦГИА, ф. 644, оп. 1, д. 24, л. 660; ф. 96, оп. 1, д. 596; ПСЗ, I собр., № 18221. Пилтенская ландратская коллегия была упразднена в 1817 г., а указом от 3 апреля 1818 г. было объявлено об открытии пилтенского обер-гауптманского суда и айзпутского и пилтенского гауптманских судов (ПСЗ, I собр., № 27020, 27334). Новым указом Сената от 13 марта 1819 г. были окончательно установлены: Елгавский, Селпилский, Кулдингский, Тукумский и Айзпутский обер-гауптманские суды и Добельский, Бауский, Яунелгавский, Илуктский, Кулдингский, Вентспилский, Тукумский, Талсинский, Айзпутский и Гробиньский гауптманские суды (ПСЗ, I собр., № 27718). Гауптманские судебные участки соответствовали уездам.
- ⁵⁰ ПСЗ, I собр., т. 44, ч. II. Книга штатов, № 17818. С изданием в 1804 г. устава о лесах Курляндской губернии лесное управление стало независимым от казенной палаты (ПСЗ, I собр., № 21514).
- ⁵¹ Уездные казначейства в Елгаве, Екабмиесте (Екабпилсе), Кулдиге и Лиепае были вновь учреждены указом от 19 июня 1819 г. (ПСЗ, I собр., № 27846).
- ⁵² ПСЗ, I собр., № 19281. Этим указом было положено начало отдельной канцелярии губернатора, которой с 1803 г. заведовал правитель (ПСЗ, I собр., № 20719). Двумя указами от 19 января 1797 г. правительство упорядочило почтовое дело в Курляндии и основало губернскую врачебную управу (ПСЗ, I собр., № 17743, 17744).
- ⁵³ ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 50, 315, 539; ПСЗ, I собр., № 18720.
- ⁵⁴ ЦГИА, ф. 644, оп. 1, д. 22, № 3, 4; ф. 653. Лучше сохранились городские архивы Кулдиги (ф. 795), Вентспилса (ф. 646), Гробини (ф. 647), Бауски (ф. 645), отчасти Елгавы (ф. 651), а Лиепаи (ф. 650) и Айзпуте (ф. 794) — лишь с XIX в.
- ⁵⁵ ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 389.
- ⁵⁶ Екатерина II в указе от 1 апреля 1783 г. вынуждена была осудить курляндские судебные порядки как ничем не стесняемый произвол феодалов. Хотя Павел I и восстановил вотчинное судопроизводство, но указом от 3 декабря 1797 г. «Об увольнении курляндских дворян от вотчинной управы» оно было отменено (ПСЗ, I собр., № 15702, п. 6, 18262).
- ⁵⁷ ЦГИА, ф. 86, оп. 1, д. 596.
- ⁵⁸ Там же, д. 356, 518.
- ⁵⁹ *Räder W. Die Juristen Kurlands im 18. Jahrhundert. Posen, 1942, S. 6, „Archivsekretäre“; Recke J. F. und Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexicon . . . Bd. 3, S. 487—489.*
- ⁶⁰ ПСЗ, I собр., № 18217. Об учреждении комиссии для разбора находящегося в г. Митаве в Земском архиве бумаг и документов.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Герцогский архив в Митаве. Митава, 1903, с. 2 (Введение).
- ⁶³ *Маяковский И. Л. Очерки . . .*, с. 191.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Brežgo B. Latgolas pagotne . . .*, I, 64. lpp.

ГЛАВА II

АРХИВНОЕ ДЕЛО В ЛАТВИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В XIX в.

Архивы Латвии в первой половине XIX в.

- 1 *Ерошкин Н. П.* Очерки истории . . . , с. 181—182.
- 2 ПСЗ, II собр., № 10304. По указам 1845 г. ПСЗ, II собр., № 18580, с. 301 и 1865 г. ПСЗ, II собр., № 42180, ст. 31 за исправностью архива должен был наблюдать один из советников по поручению губернатора.
- 3 *Страховский И. М.* Губернское устройство. — Журнал Министерства юстиции, 1913, № 17, с. 69, 70, 74.
- 4 *Маяковский И. Л.* Очерки . . . , с. 191, 214.
- 5 ПСЗ, I собр., № 20758, 21162, 23505, 27024, 27734, 27735, 27736; ПСЗ, II собр., № 5649, 23385.
- 6 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 39519, 23654.
- 7 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 49034, 56244.
- 8 Свод военных постановлений 1838, ст. 222.
- 9 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 48391, 50491; ф. 1, оп. 4, д. 318, л. 102.
- 10 ЦГИА, ф. 10, оп. 2, д. 65.
- 11 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 55582; ф. 1, оп. 4, д. 326, л. 117; д. 327, л. 88.
- 12 ЦГИА, ф. 10, оп. 1, д. 49; ф. 4, оп. 1, д. 51642; ф. 10, оп. 2, д. 2019.
- 13 ЦГИА, ф. 10, оп. 2, д. 2018; ф. 1, оп. 4, д. 317, л. 128; д. 318, л. 101, 102.
- 14 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 56244.
- 15 Там же, д. 43472, 49034; ф. 1, оп. 4, д. 205.
- 16 ЦГИА, ф. 1, оп. 4, д. 197.
- 17 ЦГИА, ф. 10, оп. 2, д. 2323; ф. 4, оп. 1, д. 2325; ф. 233, оп. 3, д. 20978.
- 18 ЦГИА, ф. 1, оп. 4, д. 982, 983; д. 206. Стоит отметить, что еще в 1847 г. Рижский ландгерихт требовал устройства деревянных перегородок на чердаке Рижского замка. На это требование помощник губернского архитектора ответил, что «по здравому смыслу и по закону чердак с деревянными перегородками не является подходящим местом для хранения дел» (ЦГИА, ф. 10, оп. 1, д. 1059).
- 19 ЦГИА, ф. 4, д. 48266.
- 20 ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 2422, 4001, 4329, 13291.
- 21 ЦГИА, ф. 412, оп. 1, д. 6182; ф. 3, оп. 7, д. 2126; *Das Inland*. (Dorpat), 1845, Нг. 32.
- 22 ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 518.
- 23 ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 950.
- 24 Там же, д. 6141.
- 25 Там же, д. 11514.
- 26 ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 182, л. 3.
- 27 ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 182, л. 4—19.
- 28 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 55547.
- 29 ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 471.
- 30 *Страховский И. М.* Губернское устройство . . . , с. 75.
- 31 ЦГИА, ф. 7363, оп. 1, д. 174; ф. 1, оп. 4, д. 316—330.
- 32 Поскольку из всей серии протоколов ландтагов дворянства 1643—1920 гг. сохранились лишь первые три тома за 1643—1684 гг. и несколько томов за отдельные годы, то эти реестры являются незаменимыми историческими источниками (см. ЦГИА, ф. 214, оп. 5, д. 117, Real-Register).
- 33 *Bruiningk H.* Das Livländische Ritterschaftsarchiv zu Riga. — AIBN. R., 1909, S. 277—278.
- 34 ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 3306.

- ³⁵ ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 3498; ф. 4, оп. 1, д. 19401, 19398, 19457; ф. 233, оп. 3, д. 58; *Das Inland*, 1847, Nr. 26; *Gutzeit W. Riga im Kriegsjahr 1812.*—MLG, 1886, Bd. 13, S. 184.
- ³⁶ ЦГИА, ф. 7424, оп. 1, д. 43.
- ³⁷ *Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804—1819).* R., 1954. 89. lpp.
- ³⁸ ЦГИА, ф. 7424, оп. 1, д. 43.
- ³⁹ ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 4101.
- ⁴⁰ Там же, д. 7076.
- ⁴¹ Там же, д. 3604, 4001. Во время Крымской войны дела Вентспилской (1828—1852 гг.) и Лиепайской таможен и вентспилского магистрата были эвакуированы в Кулдигу, где в 1854—1856 гг. хранились в подвалах ратуши (ЦГИА, ф. 6280, оп. 1, д. 616).
- ⁴² *Эни Г. А. Карамзин, Румянцев и археография Прибалтики начала XIX в.* — Исторический архив, 1960, № 6, с. 177—182. Защитник остзейских привилегий В. Унгерн-Штернберг был ярым реакционером-крепостником, о чем свидетельствует и его брошюра „Ist die von einigen des Adels projectirte Einführung der Freiheit unter dem Bauerstande in Livland dem Staatsrecht Russlands conform: Eine Abhandlung den Landtag in Livland von 1803 betreffend“ (ЦГИА, ф. 4038, оп. 2, д. 984).
- ⁴³ ЦГИА, ф. 7363, оп. 2, д. 284—311 — *Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*, I Abtheilung, 8 Bde.; II Abth., 20 Bde.
- ⁴⁴ ЦГИА, ф. 7363, оп. 2, д. 312—313; Urkunden, Aktenstücke und andere schriftliche Dokumente, welche sich theils in Originalen, theils in alten Abschriften im Königlichen Württembergischen Staats- und Haus-Archive zu Stuttgart ... befinden, 2 Bde.
- ⁴⁵ *Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici Livoniae ... Riga und Dorpat*, Bd. I, II, 1833, 1835.
- ⁴⁶ *Зутис Я.* Очерки по историографии Латвии. Р., 1949, ч. I, с. 135—136. Zur Jahrhundertfeier der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga 1834—1934; Sonderdruck der Baltischen Monatshefte. — R., 1934, — S. 32; Zum 120 jährigen Bestehen des Provinzialmuseums in Jelgava. — *Rigasche Rundschau*, 1938, № 25. 82 учредителей рижского общества 38 (48%) принадлежали к дворянству; дворянами были и первые 6 председателей общества до 1854 г. *Hollander B.* Zum 70 Jahrestage der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde ... R., 1905, S. 5.
- ⁴⁷ *Buchholtz A. Dr. August Buchholtz und seine Söhne in der Altertumsgesellschaft.* — Mitteilung aus der baltischen Geschichte. R., 1939, Bd. 1, H. 3, S. 58, 59. См. личный фонд К. Г. Зонтага (ЦГИА, ф. 6822); Зонтагом была составлена суммарная опись шведского генерал-губернаторского архива „Summarische Anzeige derer in den Rigischen schwedischen General-Gouvernements Archiv befindlichen Voluminum und Schriften“ и „Übersicht des Livländischen Regierungs-Archivs aus der schwedischen Regierungs-Periode, angefertigt im December 1811 von K. G. Sonntag“ (ЦГИА, ф. 4038, оп. 2, д. 86, № 26, 27).
- ⁴⁸ Stadtarchiv. Bericht über den Haushalt und die Verwaltung der Stadt Riga für 1882. R., 1884, S. 550.
- ⁴⁹ *Маяковский И. Л.* Очерки ..., с. 224—227.
- ⁵⁰ Sonntag's Vorschläge zur Vereinigung der sogen. todtten Archive zu einem Generalarchiv. (Eigenhändiger Aufsatz Sonntag's). — *Rigasche Stadtblätter*, 1851, S. 257—259. К. Г. Зонтаг еще с 90-х годов XVIII в. выступал за примирение рижской купеческой аристократии с дворянством на платформе защиты остзейских привилегий (*Зутис Я.* Очерки ..., ч. I, с. 120—124). В 1822 г. он доказывал подлинность привилегии Сигизмунда II Августа в

статье „Ein neuer Beweis für die Aechtigkeit des Privilegiums Sigismundi Augusti“ (Jahresverhandlungen der Kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst, II. Mitau, 1822).

- ⁵¹ Кернажыцкі К. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. Менск, 1935, с. 41, 59.
- ⁵² ЦГИА, ф. 3, оп. 1, д. 1701, 1338, 2015.
- ⁵³ Bańkowski P. Dokumenty grodzieńskie do historii rodu Adama Mickiewicza. — Archeion, 1965, t. 42, str. 112, 115; 1966, t. 43, str. 105—122.
- ⁵⁴ Brežgo B. Latgolas pagotne . . . , I, 66.—69. lpp.; Маяковский И. Л. Очерки . . . , с. 239—242.
- ⁵⁵ ПСЗ, II собр., № 26126.
- ⁵⁶ ЦГИА, ф. 777, оп. 1, д. 503.
- ⁵⁷ Каптуровые суды были экстраординарными временными дворянскими судами, в обязанность которых входило вершить правосудие во времена междоусобиц — так называемых безкоролевий (Гольдштейн С. М. Польшко-литовские древности. СПб., 1913, с. 183). В фонде Даугавпилского уездного суда сохранилась книга каптурового суда 1764 г. — книга судебных протоколов периода безкоролевия от смерти Августа III до выбора польским королем Станислава Августа Понятовского (ЦГИА, ф. 712, оп. 1, д. 20).
- ⁵⁸ Актовых книг городов Даугавпилса, Резекне и Лудзы в Витебском архиве не числилось.

Архивы Латвии во второй половине XIX в.

- ¹ ПСЗ, II собр., № 36665.
- ² ПСЗ, II собр., № 54640.
- ³ ПСЗ, II собр., № 57101.
- ⁴ ПСЗ, II собр., № 57589.
- ⁵ ПСЗ, III собр., № 6188, 6189.
- ⁶ ПСЗ, III собр., № 5308.
- ⁷ Свод Законов, т. II, изд. 1892, с. 9, ст. 61, 259 (приложение к ст. 61); ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 43472, 49034.
- ⁸ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902, кн. 1, с. 124—125.
- ⁹ ПСЗ, II собр., № 18580.
- ¹⁰ ПСЗ, II собр., № 21865.
- ¹¹ ПСЗ, II собр., № 46960.
- ¹² ПСЗ, II собр., № 36702, 37053, 37593, 36904, 37462, 37503, 38052, 40973, 43384, 46960.
- ¹³ ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 1581.
- ¹⁴ Gutzeit W. Riga im Kriegsjahr 1812. — MGGA, 1886, Bd. 13, S. 120.
- ¹⁵ Лифляндское губернское правление, III отделение, д. 87 — 1867 г. Комиссии для разбора старого архива Лифляндского губернского правления, ч. I (1872—1874 гг.), ч. II (1875 г.), ч. III (1876 г.), ч. IV (1877—1878 гг.). Дела эти после Великой Отечественной войны не обнаружены, ранее сделанные выписки сохранились у автора.
- ¹⁶ ЦГИА, ф. 1, оп. 4, д. 202; д. 323, л. 151; д. 324, л. 97; Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, 1867 г.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. 3, оп. 1, д. 729.
- ¹⁸ Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, 1867 г. Второй раз проект размещения архивов присутственных мест в Пороховой башне был выдвинут в 1889 г. в связи с судебной реформой в Прибалтике (ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 36275).
- ¹⁹ ЦГИА, ф. 10, оп. 3, д. 15, 66.
- ²⁰ Маяковский И. Л. Очерки . . . , с. 278, 292; Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, ч. I, 1867 г.

- ²¹ Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, ч. I, 1867 г. Летом 1871 г. дела были разобраны и отсортированы командированными для этого писарями.
- ²² Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, ч. I, 1867 г.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, ч. II, III, IV 1867 г.; *Feuereisen A. Ein Notstand des baltischen Archivwesens.* — AIBH. R., 1909, S. 273—276.
- ²⁶ Лифляндское губернское правление, III отд., д. 87, ч. IV, 1867 г.
- ²⁷ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30636, л. 32, 33; *Маяковский И. Л. Очерки...*, с. 269, 270.
- ²⁸ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 35851, 35893.
- ²⁹ ПСЗ, II собр., № 55501, 55871.
- ³⁰ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 35878. Часть дел упраздненного Управления Прибалтийского генерал-губернатора была передана в канцелярию лифляндского губернатора (ЦГИА, ф. 10, оп. 2, д. 17); прием дел в канцелярии губернатора был окончен лишь 15 октября 1880 г. (ЦГИА, ф. 3, оп. 5, д. 824).
- ³¹ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30636, л. 194—195, 198—200. Уездные крестьянские суды принадлежали к ведомству Министерства юстиции.
- ³² ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30636, л. 36, 126.
- ³³ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30917, л. 2—11; д. 31379, лл. 3, 26. Списки на выделенные в 1876 г. дела 1852—1857 гг. были составлены лишь в 1882 г., так как уже не было сверхкомплектных чиновников, так называемых аскультантов, которые раньше заготавливали эти описи. Поскольку архивариус и его помощник были заняты текущими делами, составление списков было поручено писарям отделений (ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 31379, л. 1, 11, 16).
- ³⁴ *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902, кн. 2, с. 55.
- ³⁵ *Brežgo V. Vaci arhivi.* — *Latgolas pagotne...*, 1, 70.—72. lpp.
- ³⁶ Там же, с. 72.
- ³⁷ *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902, кн. 1, с. 96; *Маяковский И. Л. Очерки...*, с. 280.
- ³⁸ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30636. При этом анкеты подведомственных Министерству юстиции 5 обер-гауптманских и 9 крестьянских уездных судов, а также 11 городских магистратов были непосредственно представлены в это министерство (там же, лл. 152—208).
- ³⁹ ЦГИА, ф. 97, оп. 1, д. 610.
- ⁴⁰ Лифляндское губернское правление, III отд., д. 242, 1873 г.; ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 35839.
- ⁴¹ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 36145, 36083.
- ⁴² *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело..., кн. I, с. 28.
- ⁴³ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 36275, 36145.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, л. 36572.
- ⁴⁶ По положению Комитета министров от 13 апреля 1884 г. дела, предназначенные к уничтожению, передавались местной ученой архивной комиссии для выделения из них дел и бумаг, могущих иметь научное значение; такие дела хранились в историческом архиве ученой архивной комиссии (*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело..., кн. I, с. 28). По данным анкеты Самоквасова, Прибалтийское управление земледелия и государственных имуществ уничтожило в 1894—1898 гг. 9817 дел, опись которых была просмотрена Тверской ученой архивной комиссией (*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело..., кн. 2, с. 114).

- 47 ЦГИА, ф. 109, оп. 20, д. 22.
- 48 Лифляндское губернское правление, III отд., д. 26, 1885 г.; Собрание узак. и распор. правительства, 1897, № 37, с. 537.
- 49 *Drizulis A. Manaseina revizija*. — R., 1949, 505 lpp.
- 50 ЦГИА, ф. 6836, оп. I, д. 22, 23; *Drizulis A. Manaseina revizija...*, 136, 157. lpp.
- 51 ЦГИА, ф. 6836, оп. I, д. 22, отчет 1885 г., с. XXIII.
- 52 ПСЗ, III собр., № 5308.
- 53 ЦГИА, ф. 115, оп. 2, д. 772, л. 9.
- 54 Дела должны были решаться без участия присяжных заседателей; вместо выборности мировых судей вводилось их назначение и т. д.
- 55 ПСЗ, III собр., № 6188, 6189.
- 56 Историю архивов упраздненных дореформенных судов Лифляндской губ. см. подробнее в статье: *Ениш Г. А. Уничтожение документальных материалов по истории Латвии в ходе судебной реформы 1889 г.* — ИАН, 1956, № 12, с. 43—57; см. также ЦГИА, ф. 115, оп. 1, д. 592, 429, 771—776.
- 57 ЦГИА, ф. 115, оп. 1, д. 465.
- 58 *Feuereisen A. Zur Frage des baltischen Archivwesens*. R., 1906, S. 4—7.
- 59 Собрание узаконений..., 1885, № 43.
- 60 *Ениш Г. А. Уничтожение документальных материалов...*, с. 54—56.
- 61 ЦГИА, ф. 115, оп. 1, д. 371.
- 62 Т. е. 5 уездных и 30 приходских судов.
- 63 Вся Курляндская губерния. Митава, 1904, с. 12—13.
- 64 В 1904 г. волостных судов осталось 224, ввиду постепенного воссоединения волостей (Вся Курляндская губерния..., с. 44).
- 65 *Гасман А., Нолькен А. Положение о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в Прибалтийских губерниях*. СПб., 1889, с. 1, с. 350, 358; т. 2, с. 38, 345.
- 66 ЦГИА, ф. 645, оп. 1, д. 4563.
- 67 ПСЗ, III собр., № 6189, с. 111.
- 68 ЦГИА, ф. 645, оп. 1, д. 4563; ф. 795, оп. 2, д. 617.
- 69 ЦГИА, ф. 795, оп. 2, д. 617.
- 70 ЦГИА, ф. 645, оп. 1, д. 4563.
- 71 ЦГИА, ф. 795, оп. 2, д. 617.
- 72 «*Saraksts bijušo vācu tiesu, kas līdz 1889. gadam darbojās Liepājas, Aizputes, Kuldīgas, Ventspils un Talsu apriņķos un arī bij. Kurzemes virsgalma tiesas (Kurl. Oberhofgericht) aktīm, kuras līdz 1929. g. glabājās Liepājas apgabaltiesas arhīvā, bet tagad nododamas Valsts arhīvam Rīgā.*»
- 73 *Stavenhagen O. Das Kurländische Landesarchiv...*, S. 296; *Feuereisen A. Zur Frage des baltischen Archivwesens*. R., 1906, S. 6—7.
- 74 Bericht über die 58. Sitzung vom 7. September 1899. — JGHS 1899. Mitau, 1901, S. 187.
- 75 *Bruiningk H. Das ehemalige Historische Landesarchiv in Riga*. — *Archivalische Zeitschrift*. München, 1926, Bd. 36, S. 119.
- 76 Befehl der Livländischen Gouvernements-Regierung an die Herrn Cassa-Vorsteher des Wendischen Kreises 2. October 1818. По указу от 26 марта 1819 г. архивы упраздненных четырех ревизионных комиссий должны были быть переданы Валкской межевой ревизионной комиссии (ПСЗ, I собр., № 27734).
- 77 ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 43825.
- 78 *Drizulis A. Manaseina revizija...*, 43. lpp., piezīme. Результаты ревизии Манасейна были весьма неприятны помещному дворянству и местным немецким учреждениям, поэтому в 1884 г. из письменного стола Александра III исчез подлинник отчета о ревизии. Другие материалы ревизии,

- среди них около 20 тыс. жалоб крестьян, сгорели по дороге в столицу между Нарвой и Петербургом (там же, с. 28—29).
- ⁷⁹ Для управления имениями, возвращенными казне после проведения редукций, шведская администрация в 1681 г. основала Лифляндское экономическое управление с конторами в Риге — для латышской части губернии и в Тарту — для эстонской. Во главе каждой конторы стоял наместник. В XVIII в. обе конторы сохранились, но вместо наместников их возглавлял один генерал-директор экономики. С учреждением в 1783 г. Лифляндской казенной палаты круг деятельности экономических управлений сильно сузился, а в 1841 г., с основанием Лифляндской палаты государственных имуществ, управления были упразднены.
- ⁸⁰ ЦГИА, ф. 4, оп. 1, д. 50520.
- ⁸¹ *Bruiningk H.* Die Arbeiten im Livländischen Ritterschaftsarchiv. 1911/13. R., 1913, S. 7—8.
- ⁸² *Земцев В.* О квотной земле в Лифляндии. Р., 1913, с. 110—111.
- ⁸³ Там же, с. 111—213.
- ⁸⁴ ЦГИА, ф. 6836, оп. 1, д. 77, л. 212 с.
- ⁸⁵ ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 11, сообщение Г. Бруйнинга руководству государственного архива Латвии от 19.I.1920 г.
- ⁸⁶ *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело..., кн. 2, с. 153—155.
- ⁸⁷ ЦГИА, ф. 6836, оп. 1, д. 3.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР, с. 75.
- ⁹⁰ *Diederichs H.* Das herzogliche Archiv in Mitau. — SBKGLK 1896. Mitau, 1897, S. 39—43.
- ⁹¹ SBKGLK 1850—1863. Mitau, 1864, S. 104, 115, 146.
- ⁹² ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 29707.
- ⁹³ *Schiemann Th.* Das herzogliche Archiv in Mitau. — SBKGLK 1881. Mitau, 1882, S. 3—22.
- ⁹⁴ *Schiemann Th.* Das piltenische Archiv. — Historische Darstellungen und archivalische Studien. — Im Buch.: Hamburg, Mitau, 1886, S. 215—228; *Schiemann Th.* Jacob, Herzog von Kurland und seine nächsten Nachfolger. — Там же, с. 119—137; *Schiemann Th.* Das Urkundenmaterial des herzoglichen Archivs zu Mitau zur Geschichte des Herzogs Jacob. — Там же, с. 171—186; *Schiemann Th.* Herzog Jacobs von Kurland Beziehungen zur päpstlichen Curie. — Там же, с. 229—241. Одновременно Шиман разобрал и описал в 1873—1875 гг. старый архив курляндского дворянства (до 1795 г.) и Пилтенский архив. На Пилтенский архив (1556—1817 гг.) опись была составлена еще в 1825 г. К. Симолиным. Т. Шиман лишь дополнил ее и составил особый карточный каталог. В 1887 г. учитель Г. Дидерихс разобрал и описал по поручению дворянства старый архив обер-гофгерихта (до 1795 г.), а до этого — коллекцию документов И. Валдемара (ЦГИА, ф. 640, оп. 1, д. 1528, лл. 17, 23, 53, 74).
- ⁹⁵ О. Мирбах известен своими очерками о периоде правления герцога Якова — *Mirbach O.* Briefe aus und nach Kurland während der Regierungsjahre des Herzogs Jacob. Mitau, 1844.
- ⁹⁶ Далее К. Военский пишет, что ему лично много раз уже приходилось слышать, что бывший помощник архивариуса губернского правления И. Валдемар передал самовольно много бумаг в Курляндский дворянский комитет и немало переслал их за границу. ЦГИА, ф. 412, оп. 6, д. 1554, л. 3.
- ⁹⁷ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 31660; Канцелярия курляндского губернатора, д. 65, 1891 г.
- ⁹⁸ Курляндские губернаторы: в 1827—1853 гг. — Христоф барон Бреверн, в 1858—1868 гг. — Иоганн барон Бреверн, в 1868—1885 гг. — Пауль фон

- Лилиенфельд; вице-губернаторы: в 1857—1858 гг. — Ю. фон Кибе, а 1858—1885 гг. — барон Фридрих фон Гейкинг.
- ⁹⁹ Председателем Курляндского общества литературы и искусств в 1865 г. был барон Ф. фон Гейкинг, в 1872—1891 гг. — барон фон дер Брюгген. Когда постановлением от 18 мая 1866 г. Курляндское губернское правление отклонило ходатайство Курляндского общества литературы и искусств о передаче ему герцогского архива, вице-губернатор барон Ф. фон Гейкинг остался при особом мнении (Канцелярия курляндского губернатора, д. 65, 1891 г., л. 4 об. прим.).
- ¹⁰⁰ ЦГИА, ф. 96, оп. 4, д. 30957.
- ¹⁰¹ *Лудмер Я. И.* Герцогский архив в Митаве. — Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге. М., 1895, вып. 1, с. 77. Т. Шиман обстоятельно разбирал герцогский архив в 1872—1875 гг. и в 1881 г. (*Diederichs H.* Das herzogliche Archiv in Mitau. — SBKGLK 1896. Mitau, 1897, S. 43—43.), поэтому упрек Лудмера неуместен, тем более, что в тех же трудах Московского предварительного комитета съезда (вып. 1, с. 224—283) напечатана работа Т. Шимана «Систематическая роспись актам и документам Курляндского герцогского архива в Митаве.» Перевел и дополнил К. А. Военский.
- ¹⁰² Труды X Археологического съезда в Риге, 1896 г. М., 1900, т. 3, с. 109—110.
- ¹⁰³ Там же, с. 110.
- ¹⁰⁴ Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге, вып. 1, № 1895, с. 88.
- ¹⁰⁵ Наименование это не точно: должность рижского генерал-губернатора существовала лишь в 1710—1783 гг., что касается последующего времени, то в 1783—1801 гг. этот администратор именовался рижским и ревельским (таллинским), а в 1801—1876 гг. — лифляндским, эстляндским и курляндским, а также остзейским или прибалтийским генерал-губернатором. Находящихся в Центральном государственном историческом архиве ЭССР в Тарту фонд рижского генерал-губернатора (1710—1783 гг.) был классифицирован в 1937 г. (*Eesti Riigi Keskarhiivi Toimetised. Tartu, 1937, Nr. 5, lk. 167—180*), а перечень главных отделов фонда прибалтийского генерал-губернатора (1783—1876 гг.) был опубликован в 1932 г. (там же, № 2, Тарту, 1932, с. 84—85).
- ¹⁰⁶ *Василев И. И.* Современное положение архива упраздненного Рижского генерал-губернаторства. — Труды Московского предварительного комитета... М., 1895, вып. 1, с. 71—76.
- ¹⁰⁷ Труды X Археологического съезда в Риге, 1896 г. М., 1900, т. 3, с. 126.
- ¹⁰⁸ ЦГИА, ф. 6836, оп. 1, д. 3.
- ¹⁰⁹ *Katalog, des Schwedischen Generalgouverneur-Archivs zu Riga. R., 1908; Каталог «шведского архива» в Риге. — Р., 1911.*
- ¹¹⁰ Герцогский архив в Митаве. Митава, 1903. 101 с.
- ¹¹¹ Герцогский архив в Митаве. Митава, 1903, с. 2, ссылка 4.
- ¹¹² ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 2177.
- ¹¹³ О составе и устройстве архивов. — В кн.: Свод местных узаконений губерний Остзейских. СПб., 1845, ч. 1, с. 12—15.
- ¹¹⁴ ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 2177.
- ¹¹⁵ *Masing G.* Der Kampf um die Reform der Rigaer Stadtverfassung. — MLG. R., 1936, Bd. 25, H. 3. S. 11, 14.
- ¹¹⁶ Gutachten über Theilung der Competenzen zwischen den bisherigen Organen der Stadtverwaltung und den durch die Einführung der Städteordnung zu schaffenden neuen Verwaltungs-Institutionen. R., 1878, S. 38, 39; Bericht der Commission in Sachen der Organisation der neuen communalen Verwaltungsorgane. R., 1878, S. 8.

- ¹¹⁷ ЦГИА, ф. А-3, оп. 1, д. 2486.
- ¹¹⁸ Instruktion für den Rigaschen Stadtarchivar, genehmigt vom Stadtamt am 25. Februar 1882; Instruktion für die Verwaltung des Stadtarchivs ... am 19 Januar 1887; Bericht über den Haushalt und die Verwaltung der Stadt Riga für 1882. R., 1883, S. 623; Bericht ... für 1887. R., 1888, S. 912, 913.
- ¹¹⁹ *Hildebrand H.* Bericht über die in Rigischen Archiven vornehmlich für litauische und westrussische Geschichte angestellten Forschungen. — Bulletin de l'Academie des Sciences de St. Petersbourg, t. VI (1869), p. 548—567; *Hildebrand H.* Bericht über die im Revalschen Ratsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen. — Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg, 1872, Bd. 17, p. 716—802; *Hildebrand H.* Ueber Correspondenzen des 16.—18. Jahrhunderts im Rigischen Ratsarchiv. — Baltische Monatsschrift, 1873, Bd. 22, S. 188—193.
- ¹²⁰ *Наньерский К.* Русско-ливонские акты. — СПб., 1886. XXIII. 462 с.; *Hildebrand H.* Verbesserungen zu Napersky's Russisch-Livländischen Urkunden. — MLG. R., 1876, Bd. XII, H. 2, S. 259—294.
- ¹²¹ *Hildebrand H.* Das Rigasche Stadtarchiv im Jahre 1883. — Rigasche Stadtblätter, 1885, S. 61.
- ¹²² *Schwartz Ph.* Das Rigasche Stadtarchiv im Jahre 1896. — Rigasche Stadtblätter, 1897, S. 187.
- ¹²³ *Hildebrand H.* Das Rigasche Stadtarchiv im Jahr 1884; Bericht über das Stadtarchiv 1885; Das Rigasche Stadtarchiv im Jahr 1886; Rigasche Stadtblätter: 1885, Nr. 34; 1886, Nr. 39, 40; 1887, Nr. 23, 24; *Hildebrand H.* Das deutsche Kontor zu Polozk. — Baltische Monatsschrift, Bd. 22 (1873), S. 342—381.
- ¹²⁴ *Hildebrand H.* Stadtarchiv im Jahr 1887; Das Stadtarchiv im Jahre 1888; Rigasche Stadtblätter; 1888, S. 282—290; 1889, S. 185—187, 196—198.
- ¹²⁵ До 30-х годов XX в. «внутренний архив» рижского магистрата хранился в сводчатом помещении ратуши, затем он был помещен в сейф дома бывшего податного управления на улице Шкюню.
- ¹²⁶ *Schwartz Ph.* Das Rigasche Stadtarchiv im Jahre 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905. Rigasche Stadtblätter, 1891—1906; *Фейерейзен А.* Городской архив. — Краткий обзор деятельности Рижской городской управы (1907—1915 гг.). Р., 1908—1916.
- ¹²⁷ Отчужденные из городского архива рукописи и документы были возвращены Обществом истории и древностей в Риге и лифляндским дворянством; среди них документы XIV в. и конца XVI в. о календарных волнениях в Риге. — Rigasche Stadtblätter, 1894, S. 298; 1895, S. 284; 1898, S. 203.
- ¹²⁸ *Feuereizens A.* Rīgas pilsētas vēsturiskais arhīvs. — Grām.: Rīga kā Latvijas galvas pilsēta. R., 1932, 695. lpp.

ГЛАВА III

АРХИВЫ ЛАТВИИ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Положение архивов Латвии в начале XX в. Революция 1905—1907 гг. и архивы

- ¹ *Маяковский И. Л.* Очерки..., с. 280—308; *Чернов А. В.* История и организация..., с. 78—82; *Назин С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России. — Архивное дело, 1936, № 2, с. 26—37. Отрицательные от-

- звымы о деятельности губернских архивных комиссий основываются на мнении Д. Я. Самоквасова (изложение в его работе «Архивное дело в России», кн. 1, с. 21—49). И. Л. Маяковский (в своих «Очерках...», с. 287) все-таки указал и на некоторые заслуги архивных комиссий в опубликовании ценных исторических и археологических материалов. В еще большей степени это утверждает В. Г. Сарбей в отношении Украины (Сарбей В. Г. Вклад губернских архивных комиссий в историографию Украины. — Друга республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін. Київ, 1965, с. 261—279).
- ² SBGGA 1905. R., 1906, S. 158—159; SBGGA 1911. R., 1913, S. 305—306, 321—322; SBGGA 1914. R., 1914—1921, S. 75—76.
- ³ *Mienicki R.* Archiwum akt dawnych w Witebsku. Warszawa, 1939, 92. str. Большая часть актовых книг Даугавпилса, Лудзы и Резекне, перечисленных Р. Меницким на с. 97, 98 и 101, находится в ЦГИА в фондах 712, 713 и 777. Содержание этих фондов (за исключением материалов, относящихся к Даугавпилскому уездному суду) в общем соответствует данным А. Созонова (Общая опись актовых книг судебных мест Витебской губернии) — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцией архивариуса сего архива Созонова. Витебск. 1871 г. 1, с. XIII—XIII; Дополнительная опись актовым книгам судебных мест Витебской и Могилевской губерний, хранящихся в Центральном архиве. — Историко-юридические материалы... Витебск, 1893, вып. 24.
- ⁴ *Schiemann Th.* Ueber ein Centralarchiv für kurländische Geschichte. — *Baltische Monatsschrift*, 1877, Bd. 25, S. 6—8.
- ⁵ Обращение А. фон Радена на заседании 5 июня 1901 г. по поводу печального положения архивного дела в Курляндии. — JGHS 1901. Mitau, 1902, S. 220.
- ⁶ *Kurländische Landtags-Ordnung und Conferenz-Ordnung.* Mitau, 1897, §. 213, 245—223.
- ⁷ Архив русского посольства в Митава передал М. фон ден Бринкен 1 апреля 1886 г. (ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 1528, л. 72). Документация упраздненного в 1817 г. пилтенского округа перешла в архив Курляндского обер-гофгерихта (ЦГИА, ф. 5759, оп. 1, д. 413, л. 29 об.). Учитель Г. Дидерихс составил в 1880-х годах описи на коллекцию документов И. Валдемара и на старую часть архива обер-гофгерихта (ЦГИА, ф. 640, оп. 1, д. 1528, л. 74).
- ⁸ Наименование «Курляндский центральный архив», впервые употребленное Шиманом в 1877 г., не укоренилось, оно осталось лишь в архивных инструкциях 1904 г. на русском языке. Архив вошел в историческую литературу как «Курляндский земский архив».
- ⁹ См.: Основные правила управления «Курляндским центральным архивом». Служебные постановления для заведующего архивом директора при исполнении должности. Постановления относительно пользования «Курляндским центральным архивом». Печатано с разрешения Курляндского дворянского комитета. Митава, 17 марта 1904 г.
- ¹⁰ Там же, ст. 3, 4.
- ¹¹ *Stavenhagen O.* Bericht des Direktors des Kurländischen Landesarchivs an den Landtag von 1906. — JGHS 1904. Mitau, 1906, S. 176—182; Bericht des Oberlehrers Stavenhagen O. über die älteren Kirchenbücher Kurlands. — JGHS 1905/06. Mitau, 1908, S. 290—291; Bericht des Direktors des Kurländischen Landesarchivs an den Landtag von 1908/09. — JGHS 1907/08. Mitau, 1910, S. 219—221, 316—317; Bericht aus dem Kurländischen Landesarchiv

- an den Landtag 1911/12. Mitau, 1913, S. 305—307; *Stavenhagen O.* Das Kurländische Landesarchiv in Mitau. — AIBH. R., 1909, S. 286—299.
- ¹² *Kronlins J.* Latvijas pagastu un draudžu arhīvi. IMM, 1921, № 5, 468., 472. lpp.
- ¹³ ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 144, л. 29.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Bruiningk H.* Das livländische Ritterschaftsarchiv zu Riga. — AIBH. R., 1909, S. 274—285.
- ¹⁶ Bericht des Sekretärs für historische Quellenstudien und Beaufsichtigung des alten Archivs H. Bruiningk. Als Vorlage für den livländischen Landtag 1906; Bericht des Direktors des alten Archivs der Livländischen Ritterschaft H. Baron Bruiningk. Für den Livländischen Landtag von 1911; Die Arbeiten im Livländischen Ritterschaftsarchiv 1911/13. Bericht des Direktors des alten Archivs der Livländischen Ritterschaft H. Baron Bruiningk. R., 1913.
- ¹⁷ *Bruiningk H., Busch N.* Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500). R., 1908; *Bruiningk H.* Livländische Güterurkunden. R., 1923, Bd. 2 (aus den Jahren 1501 bis 1545); *Bruiningk H.* Livländische Güterurkunden, Bd. 2. Zur Einführung. — MLG. R., 1924; Bd. 22; в ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 11—19, неопубликованный 3 том.
- ¹⁸ *Зугис Я.* Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX—XX вв.). — В кн.: Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955, с. 23, 24, 28.
- ¹⁹ *Rozīņš Fr.* Latviešu zemnieks: Kultūrvēsturiska un tautsaimnieciska studija, 3. izd. M., 1920. III, 173 lpp. (со вступительной статьей — *P. Stučka.* F. Roziņš kā agrārrevolucionārs); *Landers K.* Latvijas vēsture: Kultūrvēsturiski arcerējumi, 1—3. Pēterburga, 1908—1909; *Ландер К.* Очерки по истории латышского народа. — Русская мысль, 1906; *Зугис Я.* Основные направления..., с. 31—32, 34.
- ²⁰ *Baerent P.* Die Überreste der ehemaligen Ratsarchive in Wenden und Lemsal. — AIBH. R., 1909, S. 303—304.
- ²¹ *Seuberlich E.* Streifzüge durch die Archive der kleinen livländischen Städte. — SBGGA 1911. R., 1913, S. 359—381; Rigasche Rundschau, 1911, № 252.
- ²² Baltijas vēstures lieta. — Jaunā Dienas Lapa, 1911, № 249.
- ²³ Die Jauna Dienas Lapa als Schützerin der Geschichtsforschung. — Rigasche Rundschau, 1911, № 250.
- ²⁴ Постановление относительно пользования «Курляндским центральным архивом» в Митаве. Митава, 1904, ст. 1.
- ²⁵ *Arbusow L.* Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Mitau, 1890; 4. Auflage. R., 1918; *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
- ²⁶ *Klaustiņš R.* Neaizmirstiet mūsu arhīvus! — Druva, 1913, 762. lpp.
- ²⁷ *Klaustiņš R.* Raunas pagasttīesas protokoli no 1851. līdz 1863. gadam. — Dzimtenes vēstnesis, 1911, № 280; Выписки из книг протоколов Яунраунского и Байжккалского волостных судов изданы в 1912 г. — *Vientulis J.* Pagātnes ainas. Cēsis, 1912, 96 lpp.
- ²⁸ «Kur mēs visu to gubu novietosim?» — Отдел редких книг и рукописей Гос. респ. библиот. ЛатвССР им. В. Лациса, 35212, 44317, д. 63, лл. 2, 3, 4.
- ²⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1908 г. Р., 1908, с. 1—132.
- ³⁰ Основной архив контрольная палата увезла из замка еще в сентябре 1896 г.
- ³¹ ЦГИА, ф. 77, оп. 9, д. 36558.
- ³² Там же.
- ³³ Правила о разборе архива Якобштадской городской управы. 17 августа 1911 г. — ЦГИА, ф. 421, оп. 1, д. 461.

- ³⁴ Свод законов, т. 2, изд. 1892, статьи 601, 602, приложение к ст. 61.
³⁵ ЦГИА, ф. 421, оп. 1, д. 461. Ср. Утвержденное мнение Государственного Совета от 12 июня 1867 г. «О порядке уничтожения ненужных архивных дел городских общественных учреждений». — Официальное прибавление к «Северной почте», 1867 г., № 22.
³⁶ ЦГИА, ф. 649, оп. 1 (41 единица хранения).

**Первая мировая война 1914—1918 гг.
и архивное дело в Латвии**

- ¹ Временные правила о вывозе при военных обстоятельствах казенного имущества правительственных учреждений, а также служащих и их семейств из пограничной полосы Виленского военного округа во внутрь империи. Вильна, 11 декабря 1912 г., ст. 1, 2 (ЦГИА, ф. 421, оп. 2, д. 8).
² Частные правила о вывозе по военным обстоятельствам имущества губернских и уездных учреждений Мин. внутр. дел (1914 г.), статьи 1, 2, 3, 4 (ЦГИА, ф. 421, оп. 2, д. 8).
³ Журнал Министерства юстиции, 1915, № 8, с. 57.
⁴ ЦГИА, ф. 4569, оп. 6, д. 32. Из секретной документации тогда были уничтожены журналы входящих и исходящих бумаг за 1827—1903 гг., а также дела за 1896—1906 гг.
⁵ ЦГИА, ф. 4569, оп. 6, д. 1356.
⁶ ЦГИА, ф. 26, оп. 2, д. 85.
⁷ *Brežgo B. Vaci arhīvi. — Latgolas pagotne, I, 80., 82. lpp.*
⁸ Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. — Петроград, 1916. 136 с.
⁹ ЦГВИА, ф. 1931, оп. 2, д. 25, л. 210—212.
¹⁰ ЦГИА, ф. А-214, оп. 2, д. 19.
¹¹ *Kronlins J. Latvijas pagastu un draudžu arhīvi. — IMM, 1921, Nr. 5, 465., 472. lpp.*
¹² *Seraphim A. Meine Kriegserinnerungen in Kurland 1915—1918. Für die Meinen aufgezeichnet Januar—April 1919, S. 161—164, 176. (рукопись).* Другой представитель оккупационных властей О. Клемен опубликовал в 1917 г. статью под претенциозным заглавием «Архивное дело в Курляндии», хотя описывал лишь историческое развитие архива курляндских герцогов и состав материалов Курляндского земского архива, повторяя сведения, приведенные в свое время Т. Шиманом, Г. Дидерихсом и О. Штафенгагеном: *Clemen O. Das kurländische Archivwesen. — Korrespondenz B. Bialystok, 1917, Nr. 47.*
¹³ ЦГИА, ф. 7402, оп. 1, д. 29 (в письме Г. Бруйнингу от 16 сентября 1919 г. О. Штафенгаген просит не разглашать в Риге сведений о перевозе архива из Елгавы в Любек). В 1969 г. Курляндский земский архив был обнаружен во II историческом отделении Государственного центрального архива в Мерзебурге (ГДР); в ноябре 1971 г. в ЦГИА была возвращена 1951 связка (*Zeids T., Zeida A. Kurzemes zemes arhīvs. — ZAV, 1969, Nr. 12, 129.—132. lpp.*).

**Архивное дело в Латвии в период подготовки и проведения Великой
Октябрьской социалистической революции (1917—1919 гг.)**

- ¹ ЦГИА, ф. 849, оп. 1, д. 360, л. 24 (Объявление рижского городского головы от 6 марта 1917 г. о назначении его управляющим Лифляндской губернией и о продолжении деятельности правительственных и общественных учреждений).

- ² Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1917, № 173 (№ 954), О Временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний, 28 июня 1917 г. («...изъемяются все состоящие в их ведении дела, кроме исключительно сословных и конфессиональных»).
- ³ Обращение ЦК СДЛ и соц.-дем. фракции Видземского земского совета к избирателям совета с разъяснением причин ухода делегатов Крестьянского союза из совета и их политики. — «Latvju strēlnieks», № 43, 1917. g. 15 okt.
- ⁴ ЦГИА, ф. 7233, оп. 1, д. 11, л. 42.
- ⁵ ЦГИА, ф. 1054, оп. 3, д. 346, л. 21.
- ⁶ ЦГИА, ф. 1054, оп. 3, д. 334, л. 321.
- ⁷ Latvijas Strādnieku, Kareivju un Bezzemnieku Deputātu Padomes un Vidzemes Zemes Padomes Ziņotājs, 1917, Nr. 4, 3. lpp.
- ⁸ Muižu konfiskācija Latvijas vēsturē. — Brīvais Strēlnieks, 1918, Nr. 2.
- ⁹ ЦГИА, ф. 1054, оп. 3, д. 334, л. 319.
- ¹⁰ ... Ziņotājs, 1917, Nr. 7.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ... Ziņotājs, 1918, Nr. 17.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства, 1918, № 40, с. 488—489.
- ¹⁴ Известия Социалистического Советского правительства Латвии, 1919, № 36.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 7233, оп. 1, д. 11, лл. 29—31.
- ¹⁶ Известия Социалистического Советского правительства Латвии, 1919, № 34, 37; Ениш Г. А. Из истории архивного дела в Латвии в дни Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в 1917—1940 гг. ИАН, 1958, № 8, с. 21—26.
- ¹⁷ ЦГИА, ф. 26, оп. 3, д. 42; IMM, 1928, Nr. 11; Stāls A. Pārskats par kultūrālo vērtību aizsārdzības darbiem. — IMM, 1920, № 2, 61. lpp.

ГЛАВА IV

АРХИВЫ ЛАТВИИ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ (1920—1940 ГГ.)

Образование Государственного архива и его первоначальная деятельность

- ¹ В сентябре 1919 г. в Рижском городском историческом архиве значились три отделения: 1-е в Домском музее, 2-е — на ул. Шкюню и 3-е — в Рижском замке (ЦГИА, ф. Arhīvu-bibliotēku nodaļa, 32—33 lieta; IMM; 1920, № 8, 167. lpp.; 1928, № 11, 435. lpp.).
- ² VV, 1919. № 50.
- ³ ЦГИА, ф. Arhīvu-bibliotēku nodaļa, 32. lieta; Krūgers J. Valsts vēsturiskais arhīvs. — IMM, 1920, № 1, 82. lpp.; Bērziņš J. Pārskats par Valsts arhīva darbību. — IMM, 1928, № 11, 435.—436. lpp.; Bērziņš J. Valsts arhīvs. — Latvija desmit gados. R., 1928, 211—212 lpp.
- ⁴ ЦГИА, ф. Arhīvu-bibliotēku nodaļa, 22. l.; Likums par Valsts vēsturisko arhīvu (projekts). Paskaidrojums pie projekta «Likums par Valsts vēsturisko arhīvu». Rīgā, 1924. g. 2. janvārī, izglītības ministrs H. Celmiņš; Latvijas Republikas Saeimas stenogrammas. VI sesija, 1924. g. 7. un 28. oktobrī, 10.—12., 239.—240. lpp.; VV, 1924, № 254. Устав Государственного центрального архива Эстонии 1922 г. предусматривал сдачу дел через 15 лет после их окончания (Statut des Staatlichen Zentralarchivs, § 1 — Eesti Riigi Kerskarhiivi Toimetised. Tartu, 1932, № 2, S. 11).

- ⁵ VV, 1923, № 133.
- ⁶ VV, 1919, № 56; 1920, № 68, 109, 280, 297; *Kronlins J.* Latvijas pagastu un draudžu arhīvi. — IMM, 1921, № 5, 467., 472. lpp.
- ⁷ *Bērziņš J.* Valsts arhīva uzaicinājums pagastu valdēm. — Balss, 1925, № 280.
- ⁸ Latvijas Republikas Saeimas stenogrammas. II Saeima. IV sesija 1926. g., 971. lpp.; IV Saeima. III sesija 1932. g., 7. sēdē, 293.—296. lpp.; 9. sēdē, 347. lpp. VV, 1932, № 120.
- ⁹ Arkārtraksti: 1935, № 105315; 1936, № 88650.
- ¹⁰ Подсчитано по карточкам волостного каталога в Государственном архиве.
- ¹¹ Отношение директора Института истории Латвии от 11 июня 1937 г. о том, что 8 волостных архивов (Калетский, Берзгальской, Пастендской и др. волостей) брошены на произвол судьбы в чердачных и подвальных помещениях; Отчет о командировке Ю. Ренеслациса от 25 августа 1937 г.
- ¹² Отчет о командировке Г. Енша от 31 марта 1939 г. в Злекскую, Пилтенскую, Зирскую, Ужавскую, Зураскую, Варвскую и Сарканмуйжскую волости; отчет А. Капустиня от 3 апреля 1939 г. в Ерскую, Руенскую, Тернейскую, Валмиерскую, Кокскую, Киегельскую и Муянскую волости. В волостном архиве обычно хранилось несколько фондов: по объему документации первое место занимал архив волостного правления, включая дела волостного исполнительного комитета, затем следовал архив волостного суда; по данным 1920 г., в 409 волостях эти категории дел составляли, соответственно, 54% и 36,9%. В некоторых волостных архивах сохранились также фонды упраздненных волостных правлений и судов, особенно в Айзпутском, Кулдигском и Лиепайском уездах, где часто происходило объединение волостей, а значит — и упразднение волостных учреждений. *Kronlins J.* Latvijas pagastu un draudžu arhīvi. — IMM, 1921, № 5, 458.—459. lpp.
- ¹³ *Caucis G.* Kā iekārtojams pagasta valdes arhīvs? — Pašvaldības Dzīve, 1940, № 8.
- ¹⁴ *Blanks A., Zanders V., Slēža J.* Alfabētiskais rādītājs pagasta valdes arhīva lietu sakārtojumam. — R., 1938. 80 lpp.
- ¹⁵ Instrukcijas papildinājumi pagastu padomēm un valdēm. — VV, 1937, № 291.
- ¹⁶ *Bruiningk H.* Die älteren Kirchenbücher Livlands. — SBGGA 1897. R., 1898, S. 46—67.
- ¹⁷ *Grüner H.* Kirchenarchiv und Kirchenchronik. — Baltische Monatsschrift, 1904, Bd. 58, S. 231.
- ¹⁸ *Sloka L.* Vidzemes un Kurzemes draudžu hronikas, 62., 63., 271. lpp.
- ¹⁹ *Zeids T.* Latviešu dzimtu vēstures pētīšana. — LVIZ, 1937, № 2, 311.—312. lpp.; *Klētņieks V.* Dzimtu vēstures pētīšana. — LVIZ, 1939, № 3, 423.—440. lpp.; № 4, 581.—582. lpp.; *Brežgo B.* Latgolas katōļu draudžu grōmotas. — Olūts, 1943, Nr. 2, 221.—243. lpp.
- ²⁰ *Kronlins J.* Latvijas pagastu un draudžu arhīvi. — IMM, 1921, Nr. 5, 472. lpp.
- ²¹ Pilsētu arhīvi. — Pašvadības Balss, 1931, Nr. 6, 272. lpp.
- ²² Совершенно не была учтена часть Елгавского городского архива, которая до 1935 г. находилась на чердаке, а затем в погребе Елгавского городского дома (*Sirants R.* Jelgavas pilsētas arhīvs, 11. lpp.).
- ²³ Latvijas bibliotekāru un arhivāru sanāksme. — LVIZ, 1939, Nr. 4, 640. lpp.
- ²⁴ 444 noteikumi. Par Latvijas valsts dzelzceļu arhīvu. — Dzelzceļu Vēstnesis, 1937, Nr. 27, 429.—431. lpp.; Likums par tiesu arhīviem. — Likumu un Ministru Kabineta Noteikumu Krājums, 1937, Nr. 120; VV, 1937, Nr. 145.
- ²⁵ Likumu un Ministru Kabineta Noteikumu Krājums, 1936, Nr. 14; VV, 1936, Nr. 13 — Latvijas Vēstures institūta statūti.
- ²⁶ Ko slēpj Kurzemes arhīvi. — Brīvā Zeme, 1937, Nr. 157; *Malvess R.* Liepājas pilsētas bibliotēkas rokraksti. — Liepāja, 1940. 24 lpp.

- ²⁷ Likums par pieminekļu aizsardzību. — VV, 1923, Nr. 135.
- ²⁸ Pieminekļu valdes rīkojumi ... ierakstīt aizsargājamo pieminekļu sarakstā šāds pieminekļus, Nr. 835, 836, 838. — VV, 1923, Nr. 91; ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 144, л. 32.
- ²⁹ ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 144, л. 36.
- ³⁰ Там же, л. 36—38.
- ³¹ SBKGLK 1934. Jelgava, 1935, S. 21—22.
- ³² ЦГИА, ф. 7402, оп. 1, д. 2 — 1919 г., № 2, 67; 1920 г., № 33, 38, 42, 54, 58; 1921 г., № 8, 9, 17, 32, 38; 1922 г., № 23, 65; оп. 2, д. 11; ф. 1630, оп. 1, д. 144, л. 19, 20, 25; *Енш Г. А.* Документы по истории Прибалтики шведского периода..., с. 228—229.
- ³³ *Bērziņš J.* No vācu un latviešu attiecību vēstures. — Daugava, 1934, 23. lpp.
- ³⁴ Дарственные записи при этом были помечены задними числами: реестр старого архива дворянства, составленный М. Врангелем, — 20 сентября 1915 г., а дела дворянского суда чести — 27 декабря 1918 г.
- ³⁵ ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 144, л. 37. На пропашу крестьянских жалоб, числившихся в старых каталогах дворянского архива (*Buchholtz A.* Verzeichni der Bibliothek der livländischen Ritterschaft. Leipzig, 1872, Nr. 124—126. Bauer-Klag-Sachen, S. 272.), жаловался в 1934 г. директор Государственного архива: *Bērziņš J.* No vācu un latviešu attiecību vēstures..., 6. lpp. Еще в 1921 г. латышские историки разыскивали дела о крестьянских волнениях (*Bauernunruhen*).
- ³⁶ ЦГИА, ф. 7402, оп. 2, д. 2, 1919 г., № 13, 17.
- ³⁷ Там же, № 2.
- ³⁸ *Arbusovs L.* «Rozena deklarācijas» un Budberga-Srādera zemes tiesību projekta stāvoklis zemnieku tiesību vēsturē. — IMM, 1926, Nr. 2; *Bruinings H.* Vēl reiz par tā sauc. Rozena deklarāciju 1739. g. un zemes tiesību projektu. — IMM, 1926, Nr. 5/6; *Vigrabs J.* Die Rosensche Deklaration vom Jahre 1739. — Tartu 1937; *Vipers R.* Landrāta Rozena 1739. g. deklarācija par dzimtkungu tiesībām. — LVIZ, 1937, Nr. 2, 297. lpp.
- ³⁹ „Wir hatten im „Theatridium Livonicum“ unsere Rolle ausgespielt“ (письмо Бруйнинга А. Тобину от 27 июля 1925 г. — ЦГИА, ф. 7403, оп. 1, д. 17). „Theatridicum Livonicum“ — название первого печатного сборника некоторых ливонских документов и исторических справок, изданного в 1690 г. в Риге К. Цеймерном (*Casp. Ceumern.* Theatridium Livonicum oder Kleine Liefländische Schaubühne..., Riga, 1690).
- ⁴⁰ *Arbusow L.* Das Jahr des Umbruchs 1561 und seine wichtigsten Urkunden. — Rigasche Rundschau, 1937, 20. janv.; *Bosse H.* Beitrag zur baltischen Urkundengeschichte. — Rigasche Rundschau; 1937, 29. Nov.; *Rimscha H.* Die neuesten Veröffentlichungen von Wihgrabs J. und Arbusow L. zur Frage der „Rosenschen Deklaration“ und des „Budberg-Schraderschen Landrechtsentwurfes“, — Rigasche Rundschau, 1936, 6. August; *Aidnik E.* Zur Geschichte des Privilegiums Sigismundi Augusti. — Historische Zeitschrift, 1937, Bd. 157, H. 1.
- ⁴¹ Protokoll der Historiker-Tagung zu Dorpat am 3. April 1939, vormittags. 1. Frage des baltischen Archivs.

Резьвакуация архивных материалов

- ¹ ЦГИА, ф. Архиву-библіотēку nodaļa, 32. 1., 72. lpp.; Latvijas Tautas padomes 8. sesijas 4. sēdes stenogrammas. 1920. g. 15. martā, 879.—881. lpp.
- ² Latvijas Tautas padomes 8. sesijas... stenogrammas. 1920. g. 18. martā, 925.—926. lpp.; Mūsu zemes kultūras mantu pasargāšana. — VV, 1920, Nr. 66.

- ³ ЦГИА, Reevakuācijas akts Nr. 4, 5, 6. Об архиве шведских генерал-губернаторов. *Bruiningk H.* Das ehemalige Historische Landesarchiv in Riga. — *Archivalische Zeitschrift* (München), 1926, Bd. 36, S. 128; *Bruiningk H.* Unsere historischen Archive. — *Rigasche Rundschau*, 1926, Nr. 9; 1927, Nr. 8; *Bruiningk H.* Die Insinuation des „Rahwasõna“. — *Rigasche Rundschau*, 1927, Nr. 72; *Nonācs O.* Kur paliek Latvijas arhīvi? — *Latviešu Balss*, 1931, Nr. 2; *Busch N.* Der Verbleib des Rigaer Archivs der schwedischen Generalgouverneure. — *Balt. Monatsschrift*, 1927, Bd. 58, H. 4/5, S. 289—293; Копия акта передачи шведского архива эстонским представителям, датированная в Рязани 31 августа 1920 г.: — ЦГИА, ф. А-214, оп. 2, д. 42.
- ⁴ VV, 1920, № 209.
- ⁵ Эта библиотека вместе с герцогским архивом была привезена шведами из Елгавы в Ригу в 1701 г. (ЦГИА, ф. 7349, оп. 1, д. 53, л. 1227; д. 73, л. 724—726; оп. 2, д. 223, л. 24).
- ⁶ ЦГИА, ф. А-214, оп. 2, д. 7.
- ⁷ ЦГИА, ф. Reevakuācijas: Krievija, Nr. 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦГИА, ф. Reevakuācijas: Vācija, Nr. 13.
- ¹⁰ *Nonācs O.* Kur paliek Latvijas arhīvi? — *Latviešu Balss*, 1931, Nr. 2.
- ¹¹ *Tobien A.* Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. 1. — R., 1925; 2. — Berlin, 1931.
- ¹² Одним из них был В. Экерт, написавший исследование „Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus (1642—1682)“. R., 1927. 272 S., а другой — Э. Айдник, в 1937 г. опубликовавший статью „Zur Geschichte des „Privilegiums Sigismundi Augusti“ (Historische Zeitschrift, Bd. 157, H. 1).
- ¹³ ЦГИА, ф. 7403, passim. В 1933 г. Курляндский земский архив был перемещен из Ростка в секретный архив Прусского государственного архива в Берлин-Далеме, архивом заведовал в 1904—1930 гг. О. Штафенгаген, с 1930 г. — Остен-Сакен.

Деятельность Государственного архива Латвии до июня 1940 г.

- ¹ Государственный архив получил право распоряжаться своим бюджетом с 1921 г. До того вся денежная отчетность велась в архивно-библиотечном отделе департамента искусств и культуры Министерства просвещения.
- ² См. ежегодные Valsts budžets 1925/26—1935/36.
- ³ *Bērziņš J.* Valsts arhīvs. — IMM, 1933, Nr. 11, 412. lpp.
- ⁴ Paskaidrojumi pie budžetu projektiem 1930/31 un 1932/33. š. g., 37., 38. lpp.
- ⁵ С апреля 1935 г. «интеллигентных безработных» переименовали в работников по вольному найму, и из Министерства народного благополучия их перечислили в ведение тех ведомств, в учреждениях которых они работали.
- ⁶ См. valsts budžets, 1936/37, 1937/38, 1938/39, 1939/40.
- ⁷ По решению кабинета министров Латвии от 6 декабря 1939 г. Рундальский дворец был отдан в ведение Государственного исторического музея для использования совместно с Институтом природных богатств и Государственным архивом. Архиву были предоставлены помещения в нижнем этаже восточного корпуса и центральной части дворца, а также восемь комнат во втором этаже и бывшая дворцовая конюшня.
- ⁸ *Bērziņš J.* Valsts arhīvs. — IMM, 1933, Nr. 11, 412. lpp.
- ⁹ Valsts arhīva 40. rīkojums, 1938, 20. janv.
- ¹⁰ Генеалогические исследования производились в основном по церковным книгам и ревизским сказкам, выдача читателям этих документов была гораздо

большой, чем других. В 1939 г. она составляла 58,8% от всех выданных в читальный зал документов.

- ¹¹ Valsts arhīva fondu saraksts. R., 1937, 83.—87. lpp.
- ¹² В 1930-х годах были предприняты кое-какие меры по учету и описанию фондов ЦГА. Для этого предусматривалось заполнить на каждый фонд особый формуляр с 14 графами. Кроме официального и сокращенного названий фонда, ему хотели присвоить номер, установить прежнее его местонахождение, срок принятия и размещения фонда в ЦГА, наличие справочного материала, описать его состав и историю, а также местонахождение недостающих частей фонда и случаи уничтожения частей фонда. Это мероприятие не было осуществлено к 1940 году, формуляры оставались в отделах незаполненными.
- ¹³ Noteikumi par Valsts arhīva dokumentu lietošanu. — VV, 1925, № 246.
- ¹⁴ Līgums par vācu tautības Latvijas pilsoņu pārvietošanos uz Vāciju. — VV, 1939, Nr. 247, Papildu protokols.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 1630, оп. 1, д. 149, л. 4, 32, 50, 52; д. 151, л. 125, 129, 140, 149, 151, 160, 166—168, 174, 190—192; д. 153, л. 200—279 (перечень вывезенных архивов немецких обществ см. л. 108—113); Vācu izceļotājiem aizturēti daudzi reti un vērtīgi kultūrvēsturiski materiāli. — Ventas Balss, 1939, Nr. 54; Ko stāsta senie, no vācu izceļotājiem iegūtie dokumenti. — Jaunais Kurzemnieks, 1939, Nr. 45. Эта документация была сконцентрирована в оккупированной фашистами Познани, городе, ставшем главным центром немцев, переселившихся из Латвии. На домском острове в бывшем музее Познанской епархии было размещено собрание рукописей и книг прибалтийских немцев; мызные архивы хранились там в особом отделе (Briefladen, с XIV в.) *Stender E.* Baltendeutsches Kulturgut in Posen. — Deutsche Zeitung im Ostland, 1943, Nr. 153. См.: *Zagars E.* Ceļā uz revolūciju. — Dzimtenes Balss, 1970, Nr. 49.

Микрофильмы документальных материалов, снятых немцами в 1940 г. в ЦГА и в Рижском городском архиве, находятся в Марбурге (ФРГ) в ведении Прибалтийской исторической комиссии: — *Dülfer K.* Die baltischen Archivfilme. — Baltische Geschichtsforschung, 1955, Nr. 1; 1956, Nr. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941. — 343 с.; *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР: (краткий очерк). М., 1940, 267 с.
- ² *Зулис Я.* Очерки историографии Латвии. Р., 1949, ч. 1. с. 246—247.
- ³ *Napiersky K. E.* Urkunden zur älteren Geschichte Rigas. — Monumenta Livoniae Antiquae. Riga, Leipzig, 1844, Bd. 4, S. CXXXVII—CCCXXIII; *Наньберский К. Е.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868; *Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562, Bd. 1—5. R., 1865—1876; *Hildebrand H.* Das Rigische Schuldbuch (1286—1352). St. Petersburg, 1872; *Böthführ H. J.* Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. Riga, Moskau, Odessa, 1877; *Napiersky I. G. L.* Die libri reditum der Stadt Riga. Leipzig, 1881; *Napiersky I. G. L.* Die Erbebücher der Stadt Riga 1384—1579. R., 1888; *Bulmerincq A.* Zwei Kämmerer-Register der Stadt Riga. Leipzig, 1902; *Buchholtz A.* Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga 1710—1740. Bd. 1—3. Herausgegeben durch *Bulmerincq A. R.*, 1902—1906; *Joffe J.* Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland. Lief. 1. — R., 1910; Lief. 2. — R., 1911; *Bulmerincq A.* Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga; Bd. 1—3 (1382—1710). R., 1923—1931.

- ⁴ *Berens J.* Blatt zur Chronik mit angezeigten Urkunden; An den Grafen von Falckenstein. Im Jahre 1780. Wird im Stadtsarchiv aufm Rathaus aufbewahrt.
- ⁵ *Sonntag K. G.* Das Stadtarchiv. — Rigasche Stadtblätter, 1829, S. 341—343; *Buchholtz A.* Schicksale des Stadtarchivs. — Rigasche Stadtblätter, 1887, S. 89—92; *Napiersky K. E.* Kurze Übersicht der älteren Geschichte der Stadt Riga. — Monumenta Livoniae antiquae. R., 1844, Bd. 4, S. CXXXVI—CCCLIII.
- ⁶ Роспись актам и документам герцогского архива в Митаве / Сост. Ф. Шиман, пер. и доп. К. Военский. — В кн.: Труды X Археологического съезда в г. Риге. М., 1896, вып. 2, с. 224—283.
- ⁷ Систематическая роспись актам и документам Курляндского герцогского архива в Митаве / Сост. Ф. Шиман; Восстановлена, испр. и доп. Комиссией по разбору герцогского архива, при деятельном участии г. Лихтенштейна. — Митава, 1902.
- ⁸ Герцогский архив в Митаве. — Митава, 1903.
- ⁹ *Лудмер Я. И.* Герцогский архив в Митаве. — В кн.: Труды Московского подготовительного комитета X Археологического съезда в Риге. М., 1895, вып. I, с. 77—81.
- ¹⁰ Труды X Археологического съезда в Риге. М., 1900, т. 3, с. 109—110.
- ¹¹ (*Bienemann F.*) Katalog des Schwedischen Generalgouverneur-Archivs zu Riga. R., 1908; (*Бинеман Ф.*) Каталог «шведского архива» в Риге. Р., 1911.
- ¹² *Bienemann F.* Über das schwedische Archiv in Riga. — Baltische Monatschrift. R., 1906, Bd. 62, S. 207—222.
- ¹³ *Василев А. И.* Современное положение архива упраздненного Рижского генерал-губернатора. — В кн.: Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге. М., 1893, вып. I, с. 71—76. Реэвакуированный после первой мировой войны в Тарту, этот фонд был вновь описан: *Herman M.* The archives of the Governor-General of Rigas office. — Acta Archivii Centralis Estoniae. Tartu, 1937, Nr. 5., p. 167—180.
- Филипов А.* Центральные русские архивы и их значение для истории Прибалтийского края. — Труды X Археологического съезда в Риге в 1896. М., 1899, т. 1, с. 540—549.
- ¹⁴ *Чешихин Е. В.* Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Р., 1876—1882, т. 1—4.
- ¹⁵ LUB, Bd. 1—12; 2 Abt. Bd. 1—3. — Riga, Reval, 1852—1914; *Bruiningk H.* Die Arbeiten für die Herausgabe der Livländischen Güterurkunden (aus den Jahren 1501 bis 1561). R., 1915; *Schirren C.* Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbstständigkeit. Aus dem Schwedischen Reichsarchiv zu Stockholm, Bd. 1—8. — Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Bd. 1—8. Reval, 1861—1881; *Schirren C.* Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs ... Aus dem dänischen geheimen Archive zu Kopenhagen. Bd. 1—3. — Archiv ... N. F. Bd. 9—11. Reval, 1883—1885.
- ¹⁶ Распоряжения Комиссариата просвещения Латвии: а) всем отделам просвещения — 1919 г., б) декрет о библиотеках от 3 апреля 1919 г., в) о сборе сведений о волостных архивах — 1919 г. — Известия Социалистического Советского правительства Латвии, 1919, № 34, 36, 37.
- ¹⁷ *Brežgo B.* Latgales pilsētu arhīvi. — Pašvaldības Balss, 1937, Nr. 5, 200.—210. lpp.
- ¹⁸ *Brežgo B.* Vacī arhīvi. — Grām.: Latgolas pagotne. Daugavpils, 1943. I. 61., 107. lpp.
- ¹⁹ *Brežgo B.* Latgolas vēstures materiāli, I (1646.—1835.). — Daugavpils, 1944.
- ²⁰ *Mienicki R.* Archiwum Akt Dawnych w Vitebsku 1852.—1903. Warszawa, 1939.
- ²¹ *Pekers B.* Celsim gaismā arhīvu vērtīgos materiālus! — Cīņa, 1945, № 82; *Пекер Б., Енш Г.* Государственный архив. — Советская Латвия, 1946, № 167.

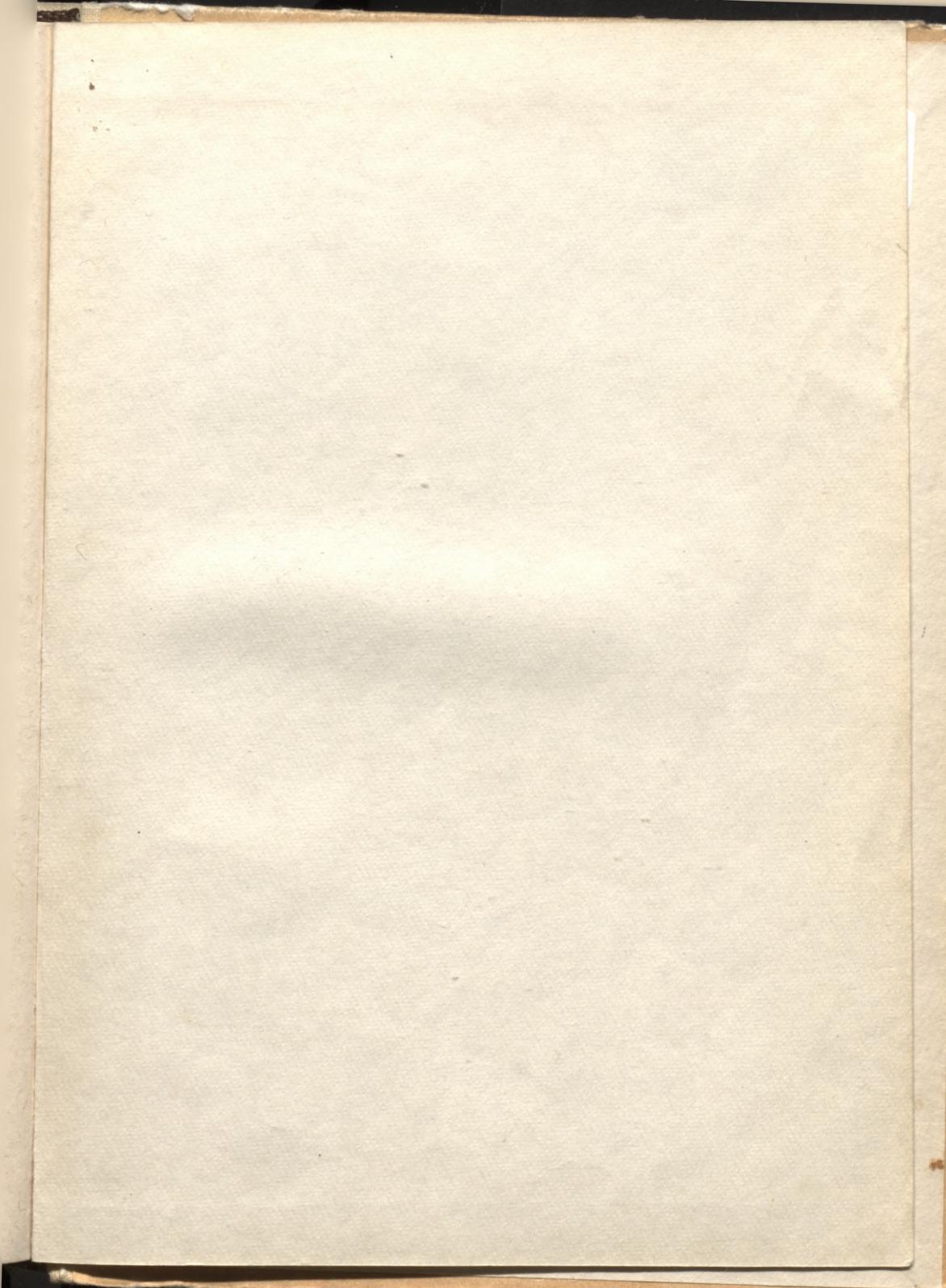
- ²² *Dobrina R., Jenšs J.* Dokumentu izstāde, veltīta 1905.—1907. g. revolūcijas notikumiem Latvijā. — ZAV, 1955, Nr. 10, 137.—140. lpp. *Добрина Р., Ениш Г.* (Выставки, посвященные первой русской революции). — Исторический архив, 1956, № 1, с. 249—250.
- ²³ *Ениш Г.* К истории архивного дела в Латвии. Уничтожение документальных материалов по истории Латвии в ходе судебной реформы 1889 года. — ИАН. Р., 1956, № 12, с. 43—57; *Ениш Г.* Из истории архивного дела в Латвии в дни Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти. — ИАН, 1958, № 8, с. 21—26.
- ²⁴ *Sirants R.* Rīgas pilsētas nodokļu pārvalde no 1782. līdz 1917. g. — Grām.: VP. R., 1960, 237.—263. lpp.
- ²⁵ *Birons A. Dorošenko V.* Vēstures zinātnes attīstība Padomju Latvijā. R, 1966. *Бирон А., Дорошенко В.* Советская историография Латвии. Р., 1970, с. 138—150.

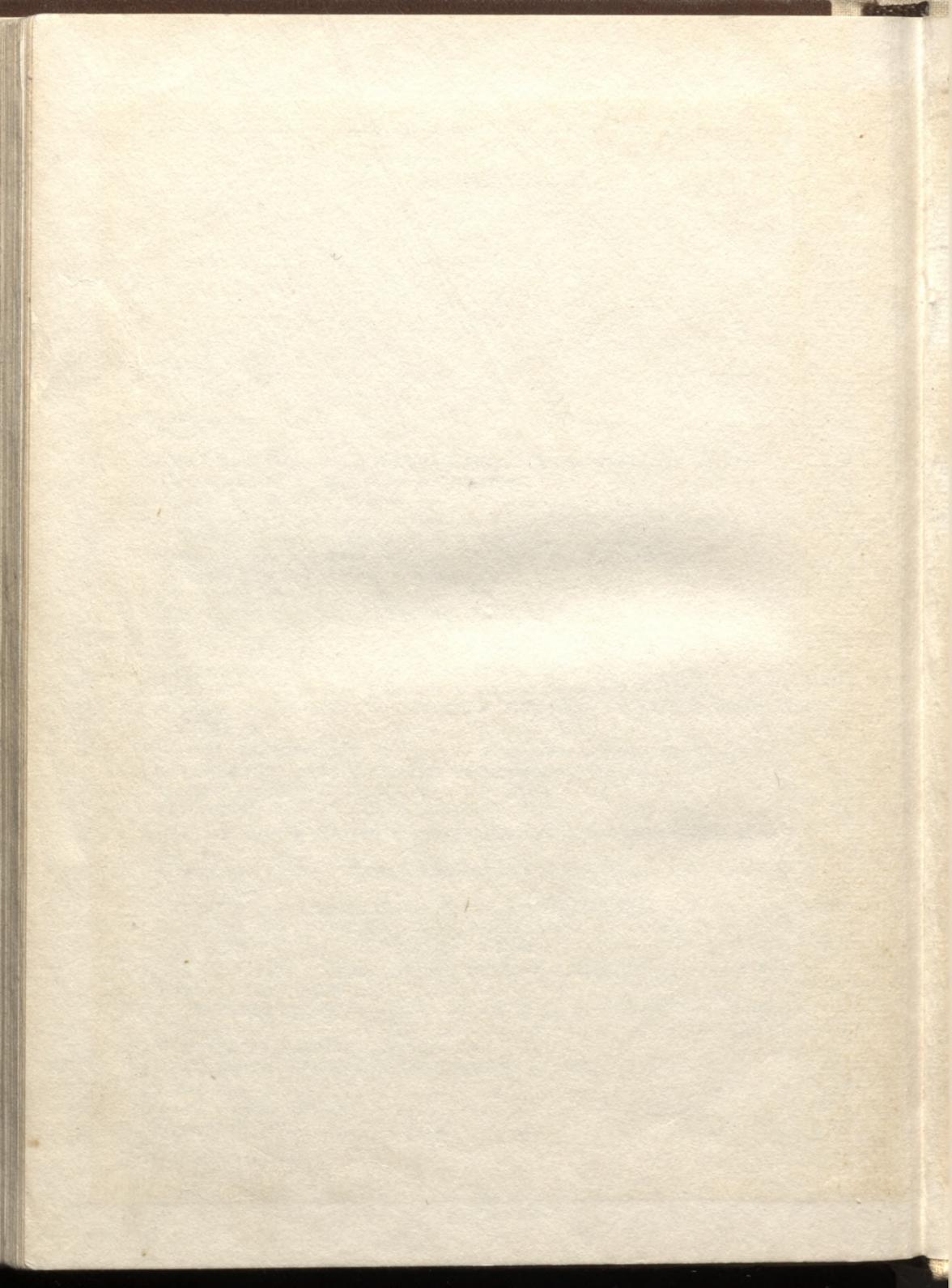
Сокращения

- ИАН — Известия Академии наук Латвийской ССР. Рига.
ПСЗ I — Полное собрание законов Российской империи. I собрание — 1649—1825.
ПСЗ II — Полное собрание законов Российской империи. II собрание — 1825—1881.
ПСЗ III — Полное собрание законов Российской империи. III собрание — 1881—1917.
ЦГА — Центральный Государственный архив Латвийской ССР.
ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив в Москве.
AIBH — Arbeiten des I. Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga, 1909.
AIBH — Arbeiten des II. Baltischen Historikertages zu Reval 1914. Riga, 1914 — Reval, 1932.
FBR — Filologu biedrības raksti. Rīga.
IMM — Izglītības Ministrijas mēnešraksts.
Inland — Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Est- und Kurlands Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. Dorpat, 1836—1863.
JGHS — Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik 1893—1910. Mitau, 1894—1913.
LGU — Livländische Güterurkunden. Riga, Bd. I, 1908; Bd. II, 1923.
LKV — Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīga.
LUB — Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. I—XII, 2. Abt. Bd. I—III. Reval—Riga, 1853—1914.
LURF — Latvijas Universitātes Raksti, Filoloģijas un filozofijas fakultāte.
LVIZ — Latvijas Vēstures Institūta Zurnāls.
MLG — Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1840—1935.
PBVK — Pirma Baltijas vēsturnieku konference Rīgā 1937. gadā. Rīga, 1938.
SBGEG — Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1861—1912.
SBGGA — Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde, 1874—1935. Riga, 1875—1936.
SBKGLK — Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst, 1850—1935. Mitau, 1864—1936.
VP — Vēstures problēmas. Rīga.
VV — Valdības vēstnesis, 1919—1940. Rīga.
ZAV — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Rīga.

Оглавление

Предисловие	3
Глава I. Архивное дело в Латвии в период феодализма (XIII—XVIII вв.)	9
Письменность и хранение документов	9
Архив Ливонского ордена	10
Архивы Рижского архиепископства, Курляндского епископства и Пилтенского округа, монастырей и церквей	13
Архивы Риги и других городов Лифляндии и Курляндии	19
Архивы гильдий, цехов и корпораций	28
Мызные архивы	32
Архивы Задвинского герцогства (1561—1629 гг.) и Латгалии (1629—1772 гг.)	37
Архивы Лифляндской губернии в шведский период (1629—1710 гг.)	41
Архивы Курляндского герцогства (1561—1795 гг.)	52
Архивы Лифляндской губернии в первой половине XVIII в.	56
Архивы Лифляндии, Курляндии и Латгалии во второй половине XVIII в.	64
Глава II Архивное дело в Латвии в период кризиса феодально-крепостнического строя и развития капитализма (XIX в.)	81
Архивы Латвии в первой половине XIX в.	81
Архивы Латвии во второй половине XIX в.	97
Глава III Архивы Латвии в эпоху империализма и революций начала XX в.	130
Положение архивов Латвии в начале XX в. Революция 1905—1907 гг. и архивы	130
Первая мировая война 1914—1918 гг. и архивное дело в Латвии	139
Архивное дело в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1919 гг.)	143
Глава IV Архивы Латвии в период господства националистической буржуазии (1920—1940 гг.)	148
Образование Государственного архива и его первоначальная деятельность	148
Резьвакуация архивных материалов	157
Деятельность Государственного архива до июня 1940 г.	161
Заклучение	169
Ссылки и комментарии	176
Сокращения	211

LĀTVIJAS NACIONĀLA BIBLIOTEKA

0308011664

95 коп.

Kontrollekes platt